

ИГРАР АЛИЕВ

ОЧЕРК
ИСТОРИИ
АТРОПАТЕНЬ

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Баку - 1989

Рецензенты:

доктор исторических наук
профессор *М. Н. Погребова*,
доктор исторических наук
профессор *Т. А. Бунятов*,
кандидат исторических наук
Э. А. Грантовский

Алиев И. Г.

И 50   Очерк истории Атропатены.— Б.: Азернешр, 1989.—160 с.

Монография посвящена истории Атропатены — государства, возникшего на территории исторического Азербайджана в начале последней трети первого тысячелетия до н.э. и просуществовавшего около трех с половиной веков. Становление и развитие Атропатенского государства происходило в эллинистическую эпоху. Это очень важный, скудно освещенный источниками и мало изученный в литературе период истории Азербайджана, когда в стране происходили важные социально-экономические, политические, культурные и этнические процессы. Работа является первым и единственным монографическим исследованием истории Атропатены и таким образом заполняет существенную лакуну в истории Древнего Востока и Закавказья.

Рассчитана на историков, преподавателей и студентов вузов, а также широкий круг читателей, интересующихся древней историей нашей Родины.

А   0503020907 - 90   43 – 90
      М – 651 - 89

ББК 9С (Аз)

ISBN 5—552—00480—9

© Азернешр, 1989

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	4
ГЛАВА 1. Атропатена: страна и население	5
ГЛАВА 2. Предэллинистическая эпоха на Востоке. Завоевания Александра Македонского, крушение персидской державы Ахеменидов	26
ГЛАВА 3. Атропат – Ахеменидский сатрап Мидии. Образование независимого государства Мидия Атропатена (Малая Мидия) на территории Южного Азербайджана.	31
ГЛАВА 4. Атропатена в системе эллинистических государств	38
ГЛАВА 5. Атропатена на рубеже и в начале нашей эры. Борьба против иноземных завоевателей.	45
ГЛАВА 6. Материальная культура Атропатены.	62
ГЛАВА 7. Религия. Проблема Авесты. Зороастризм.	68
ПРИМЕЧАНИЯ	77

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Атропатена - греческое название царства, возникшего в последней четверти IV века до н.э. на территории Южного Азербайджана, Иранского Курдистана и на какой-то части Северного Азербайджана и просуществовавшего здесь около трех с половиной веков. Атропатена была богатым и могущественным государством. В стране были развиты земледелие и скотоводство, ремесла и торговля, города и городская жизнь. Атропатена жила полнокровной политической и культурной жизнью.

Атропатена сохранила свою самостоятельность на всем протяжении македонского господства на Востоке. Независимой оставалась она и в эпоху селевкидского владычества.

Становление и развитие Атропатенского государства происходило в эллинистическую пору, в эпоху грандиозного взаимопроникновения эллинских и восточных культур. В Атропатену проникали греческие культы, различные институты и греческая речь, однако в меньшей мере, чем в сопредельные страны.

Атропатенские цари вели успешные и безуспешные войны с соседями, отражали вторжения иноземных захватчиков, устанавливали связи с ближними и дальними странами, роднились с греко-македонянами, парфянскими, сирийскими и армянскими царскими домами.

Правителей страны знали и уважали в Риме, Египте. Об Атропатене и атропатенцах писали греки и римляне. Значительно было влияние Атропатены и атропатенцев на соседей.

Велико было в стране влияние зороастризма, сыгравшего огромную роль в духовной жизни почти всех ираноязычных народов.

В Атропатене шел процесс слияния потомков кутиев, луллубеев, хурритов, маннеев, других племен и народов региона с мидянами, в результате чего где-то в последние века до н.э. здесь сложился новый этнос, было положено начало формированию собственно самого понятия *Atarpatakana, к которому закономерно восходит хороним Азербайджан. [3-4]

Атропатенский период - это значительный этап в истории нашего Отечества, а ираноязычные атропатенцы уже в античное время в основном смешавшие в себе поколения прежних эпох, обитавших в северо-западных областях Иранского плато, начиная с глубокой древности, - одни из прямых предков современных азербайджанцев, в эпоху средневековья воспринявших принесенный на их земли тюркский язык и трансформировавшихся в новый тюрко-язычный этнос. Последнее обстоятельство, однако, вовсе не мешает нам считаться потомками и атропатенцев и в определенной мере - наследниками их культуры, вернее культуры, аккумулированной ими.

Этим прежде всего и объясняется наш интерес к истории Атропатены. [4-5]

ГЛАВА 1

АТРОПАТЕНА: СТРАНА И НАСЕЛЕНИЕ

Атропатена, или Малая Мидия, расположенная в северо-западной части Иранского нагорья, в основном охватывала территорию Южного Азербайджана и Иранского Курдистана, а в какие-то периоды — часть южных районов Советского Азербайджана, возможно, и некоторые другие закавказские области. Страна эта представляет собой горную область, изрезанную реками и небольшими речками, стекающими с гор.

Западная часть Атропатены занята широкой, местами доходящей до 200 км, полосой параллельных горных цепей, называемых Загросскими горами. В этой зоне множество мелких замкнутых долин, сообщение между которыми затрудняется густыми зарослями леса и кустарника, особенно обильных в древности. Наиболее широкая равнина в этой части расположена южнее озера Урмия.

На севере расположен Карадагский хребет, с которого стекает река Карасу, впадающая в Аракс.

Талышские горы, покрытые местами густыми широколиственными лесами, богатые гирканской флорой, и часть смыкавшихся с ними Эльбурских гор представляют собой восточные окраины Атропатены.

Южные пределы страны простирались почти до района горы Эльвенд.

Приурмийская зона с плодородными и благодатными долинами, орошаемыми реками Джегету и Татаю (Симинруд), а также многочисленными ручьями, сбегаящими с гор и образующиеся от таяния снегов Сахенда, Савалана и Эльвенда, еще в глубокой древности была известна как зона с развитыми земледельческим и скотоводческим хозяйствами.

Здесь находится самое большое в Атропатене озеро Урмия, которое, будучи соленым и безжизненным, не имеет значения для сельского хозяйства. Мы знаем, однако, что еще в античное время [5-6] на этом озере, известном под названием Ма (н) тиана, или Капавта, были «устроены солеварни» (Страбон, XI, XIV, 8).

Значительная часть гор Западного Ирана покрыта то густым, то редким лесом; леса широколиственные. Наиболее распространенные породы — дуб, ясень, бук, клен, тополь, восточная чинара, ива, мирт, фисташка, грецкий орех и миндаль. Особенно много, как отмечалось выше, зарослей кустарника. Из выющихся пород наиболее важны — лианы, виноград и др. Здесь много граната и смоковницы.

Наиболее крупными реками региона являются Кызылузен (Сефидруд), приток Аракса Карасу, Малый Заб, Керха, Карун и др. В общем область эту нельзя назвать многоводной. Но там, где есть вода, страна необычайно плодородна. У подножий гор — множество богатых растительностью плодородных долин. Особенно много их в районе Загра. Здесь еще в древности было много пшеницы и ячменя. Земледелие достигло высокого развития и в других областях Атропатены.

Говоря о плодородии Гиркании, Страбон сообщает, что «виноградная лоза производит 1 метрет вина (приблизительно 40 литров. - И. А.), смоковница 60 медимнов (медимн - приблизительно 53 литра. Цифра эта несомненно завышена. - И. А.); хлеб родится из зерна, выпавшего из соломы; пчелы роятся на деревьях, а мед течет с листьев. То же имеет место и в области Матиане...» (XI, VII, 2). Матиана — это западная часть Атропатены.

Мы знаем о том, что виноградная лоза «дает богатый урожай» и в Каспиане (Евстафий, § 730), примыкавшей к юго-западной части Каспийского моря.

О «многочисленных бурдюках с вином», вывозимых из областей Южного Азербайджана, говорят еще ассирийские источники.

Северные и западные склоны Иранского нагорья представляют собой альпийские луга, наличие которых способствовало развитию здесь отгонного скотоводства. Скотоводство развито было и во многих других областях Атропатены уже в глубокой древности.

Атропатена имела богатую фауну. В лесах Карадага и Талыша, а также Загросских гор много коз, маралов, кабанов, тигров, леопардов, гепардов, волков. Многочисленны грызуны. В литературе сохранились сведения о том, как каспии, у которых «мыши составляли местное зло» (Элиан, XVII, 17), боролись с грызунами.

Атропатена была страной конеобильной. Полибий, характеризуя атропатенцев, пишет, что они «народ сильный, сражаются преимущественно на конях и имеют в достаточном количестве все прочее, что нужно для войны» (V, 55). Античные авторы сообщают [6-7] о наличии многочисленных стад быков

и табунов лошадей у каспиев (Элиан, XVII, 17). Имеются сведения о каспийских козах и верблюдах, шерсть которых не уступала милетской и т. д. (там же). В водах Каспия много ценных пород рыб. Мы знаем о развитии у каспиев рыболовства и рыбороторговли. Мир пернатых насчитывает несколько сот видов.

Значительны были сырьевые ресурсы. Страна богата полезными ископаемыми, особенно металлическими рудами, что сыграло весьма важную роль в развитии ремесленного производства. Много меди, мышьяка, свинца, имеются богатейшие залежи железной руды, серебра, золота и т. д. Многие из этих металлов добывались здесь уже в древности.

Существенным богатством страны является нефть. В античное время состав, называвшийся «мидийским маслом» (см. Аммиан Марцеллин, XXIII, 6, 37 - 38) и применявшийся в военном деле (там же), включал в себя и нефть (там же).

Атропатена была богатой страной с высокой культурой, с развитыми земледелием и скотоводством, ремеслами и торговлей, городами.

Через страну проходили различные торговые пути местного и международного значения.

Богатства края привлекали сюда многих завоевателей, начиная уже с глубокой древности...

Этническая картина Атропаты и языковая ситуация в этой стране в эпоху античности во многом остаются еще неясными ввиду незначительности источниковой базы. Однако общую этническую картину и картину этноязыковых изменений, происходивших в зоне Южного Азербайджана и в смежных областях, начиная уже с начальных столетий I тысячелетия до н.э., набросать все же можно.

Решающую роль в этнических судьбах края сыграло завоевание Манны мидянами, положившее конец существованию здесь самостоятельной государственности почти на три столетия. Известно, что государство является важным фактором в этнических процессах, протекавших в тех или иных областях. Начиная еще с предахеменидского времени и на протяжении веков мидийский этнический элемент играл главную роль в политической, социальной и культурной жизни Южного Азербайджана. Несмотря на господство в Южном Азербайджане и на смежных с ним территориях мидийского этнического элемента, население региона продолжало, по-видимому, оставаться разнородным. Здесь еще в ахеменидское время продолжали жить сагарты¹, мики², утии³, париканий⁴, ортокорибантий⁵, кадусий⁶, дарейты⁷, пантиматы⁸, павсики⁹, каспии¹⁰, матиены¹¹, марды¹², парсии, [7-8] анариаки¹³ и др. племена, которые не были ассимилированы мидянами.

Уже Гекатей Милетский¹⁴, а за ним и Геродот¹⁵ упоминают одно из приараксинских племен — миков¹⁶, которые, как это явствует из сообщения «отца истории», участвуют в политических событиях V века до н.э. Мики вместе с сагартями, утиями и другими племенами входили в XIV сатрапию¹⁷ и, несомненно обитали на территории Мика'на — нынешней Муганской степи¹⁸. Название этой области (Мукан), несомненно, восходит к этнониму миков [др. греческ. арабск. Мук(an)], а не магов (средневек. mug)¹⁹. Путаница Мукан // Mуган, стирание различий между этими названиями и употребление Mуган'a вместо Мукан'a относится к более позднему времени и является результатом народной этимологии²⁰. По-видимому, этому способствовало и то, что в поселениях названной области имелось много зороастрийских жрецов — mug'ов, что отмечается нашими источниками²¹.

В наших источниках нет ничего относительно этноязыковой принадлежности мукан'цев, разве только за исключением упоминания у Якута (со ссылкой на Ибн-ал-Калби) о том, что Мукан (этноним «муканцев») и его брат Джилан (т.е. Гилян — этноним ираноязычного племени гилянцев, возможно, прежних кадусиев, (о чем см. Plin, IV, 48) были внуками Яфета и жителями Табаристана²². Вероятно, сказанное свидетельствует о том, что в эпоху раннего средневековья мукан'цы были уже иранизированы.

Участие миков в политической жизни Ахеменидской державы видно хотя бы из того, что они, как сообщает Геродот²³, наравне с другими подданными империи, находились в числе войск Ксеркса, шедших походом на Элладу в первой четверти V века до н.э.

Другим крупным племенем, обитавшим в азербайджанских областях, были утии, входившие, по Геродоту, в тот же XIV округ²⁴. В обоих случаях, когда упоминает их «Отец истории»²⁵, они названы рядом с миками. Нельзя в связи с этим не отметить, что область обитания утиев [ΟΥΤΙΟΙ, ΟΥΤΙΟΙ (от *uti или *outi, возможно, также от *uiti) — согласно Плинию, граничила с Атропатеной по Араксу и именно в той его части, которая примыкала к Мукан'у²⁶.

Нет никакого сомнения в том, что под утиями Геродота следует видеть известное племя Кавказской Албании отенов-утиев-удин, обитавших в античное время и в эпоху раннего средневековья в Отене (Утик-армянских авторов), по-видимому, и в более южных областях. Реликты удин сохранялись еще до XIX века в Нагорном Карабахе и Варташенско-Куткашенской зоне. Ныне остатки их живут в Куткашенском и Варташенском районах²⁷. Утии, [8-9] так же, как и мики, выходят на историческую арену в первой четверти V века до н.э., принимая участие в походе Ксеркса на Грецию²⁸.

Наиболее ранние сведения о каспиях относятся к V веку до н.э. О них говорят как древневосточные²⁹, так и античные источники³⁰.

Каспии были одним из наиболее древних и широко раскинувшихся этнических образований. Возможно, они родственны касситам и коссеям-киссиям³¹. Несомненно, от их имени идет название Каспийского моря. Полагают, что от их этнонима происходят названия нескольких проходов на территории Кавказа и близлежащих землях (*Caspia via*, *Claustra Caspium*, *ad Caspiae portas*), нескольких городов в Индии и Средней Азии. К этому же источнику возводят название города Qazvin (от *Kaspen?)³².

Каспии вместе с павсиками, пантиматами и дарейтами, входившие в XI сатрапию³³, обитали еще в относительно позднее время в Пайтакаране (прежде известном как Страна каспиев. Каспиана — в античных источниках и *Kasrk'* - в армянских³⁴), по соседству с утиями³⁵.

Но источники наши, кроме этих, так сказать, «западных» каспиев, знают и «восточных» каспиев, обитавших вместе с саками в XV округе³⁶.

Говоря о «западных» каспиях античных авторов, не следует забывать, что будь то собственно каспии или «каспии», под которыми, как полагают некоторые ученые, скрываются те или иные племена Каспийского региона, по названию нам в ту раннюю пору неизвестные, все они все равно были обитателями в основном Азербайджана, частично - Южного, частично - Северного.

В свете источников каспии предстают перед нами как народ, хорошо знавший земледелие, скотоводство, рыболовство, ремесла, торговлю, вероятно, также кораблестроение и мореходство.

Античные авторы говорят о том, что виноградная лоза у каспиев «дает богатый урожай»³⁷. Они сообщают (IV век до н.э.), что на «Каспийской земле есть много стад быков и лошадей и что они бесчисленны... Каспийские козы очень белы, рогов не имеют, ростом малы и тупоносы. Верблюдов здесь очень много, самые крупные достигают величины самых больших лошадей и покрыты прекрасной шерстью, их шерсть очень нежна, по мягкости не уступает даже милетской шерсти. Платья, изготовленные из нее, носят жрецы и самые богатые и знатные из каспиев»³⁸.

Есть сведения о том, что в Каспиане водилось много различной [9-10] птицы, развито было рыболовство, что там водились «большие рыбы, называемые «остроносыми» (по-видимому, осетр. - И. А.)... Каспии ловят их, посыпают солью и готовят соленье или сушат...»³⁹.

Мы знаем, что у каспиев были развиты различные ремесла, в частности ткацкое (они, как отмечалось выше, изготавливали дорогие шерстяные платья). Известно, что каспии умели изготавливать из жира и внутренностей рыб различные мази, а также клей, что «мастера изделий из слоновой кости употребляют его и выделывают прекраснейшие вещи»⁴⁰.

Мы осведомлены также о торговле каспиев. Они «навьючивают на верблюдов и везут в Экбатаны «соленую и сушеную рыбу»⁴¹. Каспии должны были играть какую-то роль и в транзитной торговле, которая велась аорсами по побережью Каспийского моря, а также в торговых операциях, ведущихся на сухопутно-морском торговом пути из Индии через Среднюю Азию, Каспийское море, затем через Албанию по Куре и далее - Риони к Черноморскому побережью⁴².

Благодаря арамейским документам нам известно, что в Египте имелись достаточно большие поселения военных колонистов, в числе их и каспиев. Для нас особенно интересно то, что, судя по этим документам, каспии наравне с другими народами Ахеменидской державы - персами, хорезмийцами, вавилонянами, иудеями, мидянами - трудились в Мемфисе в качестве кораблестроителей⁴³. Очевидно, традиции кораблестроения у каспиев уходят в глубь веков. Трудно предположить, что каспии не принимали участия в знаменитой экспедиции Патрокла (283 - 282 гг.) по обследованию Каспийского моря. Будучи кораблестроителями, каспии не могли не быть мореходами.

Наконец, мы знаем, что у каспиев были «самые богатые и знатные (власть имущие. - И А.)»⁴⁴, имелись жрецы⁴⁵. Кое-что знаем об обычаях и обрядах, вооружении и одежде каспиев. Известно, что у каспиев стаи «псов... участвуют в битвах своих господ. Поэтому им воздается равная почесть по смерти, и они принимаются в курганы среди предков и могил мужей»⁴⁶. Последнее обстоятельство засвидетельствовано для других областей, в частности, Албании и археологически⁴⁷. В связи со сказанным нельзя не обратить внимания на сообщение Юлия Солина (XV, 6) о том, что албанский царь подарил Александру Македонскому двух собак и что албанские собаки «заслужили упоминания в летописях».

Нам известны некоторые этнографические детали: воины-каспии «были одеты в бурки и вооружены местными луками из камыша и акинаками»⁴⁸. [10-11]

Имеем некоторое представление и о погребальных обрядах каспиев. У каспиев сохранялся варварский обычай прежних столетий. Они «умерщвляют голодной смертью людей, которым за 70 лет и выбрасывают их трупы в пустынные места; затем они наблюдают издали: если увидят, что птицы стаскивают трупы с носилок, то считают покойников блаженными, если же дикие звери и собаки - то менее блаженными; если трупы никто не утащит, то считают их несчастными»⁴⁹. Нечто подобное засвидетельствовано не только у мидийского племени магов⁵⁰, но, и широко известно в иранском мире, в частности в Младшей Авесте (в Видевдате) и позднем зороастризме⁵¹. В основе этого обряда, несомненно, лежит

представление о недопустимости осквернения трупом чистых стихий — огня, воды, земли⁵². Возможно, этот обряд у каспиев появился под влиянием ираноязычных племен (хотя это не обязательно), тем более, что совершенно бесспорное иранское влияние заметно в каспийской антропонимике: почти все каспийские имена иранского происхождения. Возможно, в античную эпоху каспии были уже иранизированы.

На широкую политическую арену каспии, несомненно, вышли уже в V веке до н.э. Геродот сообщает об их участии в походе Ксеркса войска на Элладу⁵³. Они сражались против войск Александра Македонского⁵⁴. По-видимому, в эпоху могущества Атропатенского царства Каспиана находилась под властью Атропатены или, во всяком случае, в какой-то зависимости от нее. Входила ли Каспиана до этого в состав Албанского союза или государства, мы не знаем.

Нам известно, что во II веке до н.э. каспии столкнулись с экспансией армянских царей. Каспиана на некоторое время была отторгнута от Атропатены⁵⁵. Позднее, как сообщает Страбон, «в состав Албанской земли входит и Каспиана»⁵⁶.

Местные элементы в Приурмийском районе сохранялись, несмотря на всевозможные пертурбации, этнические передвижения и политические перемены, еще в античную эпоху. Об этом свидетельствует наименование ма(н)тиенов, упоминаемое античными авторами на протяжении длительного времени. Страна их, локализуемая в зоне Урмийского озера, называлась Ма(н)тиеной. Само Урмийское озеро в древности называлось Матиенским или Мантиенским (см. Strabo, XI, XIV, 8). Другим его названием было Капавта, засвидетельствованное у того же Страбона (XI, XIII, 2).

Ма(н)тиены обитали на обширнейшей территории, начиная от верховьев Аракса и Галиса, кончая верхним течением Тигра и верховьями Диялы (см. прим. II; Геродот, I, 72, 189, 202; III, 94; V, 49, 52; VII, 72). Известно, что матиены были соседями колхов (Hekat., fr. 188), жили рядом с армянами и [11-12] мидянами (Геродот, V, 49, 52; Страбон, XI, VII, 2; XI, VIII, 8), а также кадусиями (Страбон, XI, XIII, 8). Почти несомненно, что наименование Ма(n)tiena связано с названием хурритской Mitanni, Maiteni (Matieni⁵⁷). Есть все основания считать, что матиены по происхождению были хурритами⁵⁸, наследниками великой цивилизации. Матиены (не митаннийцы, их предки!) как реальная этническая группа выступают уже в начале V века до н.э. О них говорит предшественник (и источник) Геродота Гекатей Милетский (fr. 188). Их упоминает Геродот (VII, 72) в связи с походом Ксеркса на Элладу. Матиенов знают еще авторы I века до н.э. Итак, матиены встречаются в наших источниках на протяжении приблизительно пяти-шести веков, что, несомненно, свидетельствует в пользу живучести и достаточной крепости отдельных местных этнических групп и этнической традиции в названном районе.

Значительная часть названных выше племен была ираноязычной. Это определенно можно сказать о сагартях, ортокорибантях, кадусиях, париканиях, почти несомненно - о дарейтах и пантиматах.

(А)Сагартии упоминаются еще в ассирийских источниках под названием Zikertu⁵⁹. отождествление это, кроме всего прочего, подтверждается данными о распространении зикертийцев ассирийских источников и сагартиев античных авторов на одной и той же территории. Сагартии в античное время обитали приблизительно в тех же районах, где жили зикертийцы за несколько веков до этого. Зикерту-сагартийцы, несомненно, были племенем (или племенным союзом, конфедерацией) ираноязычным, ибо весь репертуар имен и наименований у них иранский⁶⁰. Ряд данных позволяет утверждать, что по происхождению и по языку сагартии - персидское племя. Об этом прямо говорит Геродот (I, 125; VII, 85). Об этом же свидетельствуют и некоторые другие материалы⁶¹, в частности, и само название сагартийцев⁶².

Область раннего обитания зикерту-сагартиев локализуется восточнее от оз. Урмия и до юго-запада Прикаспия⁶³. Здесь они засвидетельствованы еще в VIII веке до н.э.⁶⁴. Позднее, уже после разгрома Ассирии, сагартии проникают в район Арбелы и распространяются по ассирийской территории к востоку от Тигра⁶⁵.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что пришлые персидские племена уже в начале I тысячелетия до н.э. обитали и в Приурмийском районе. В IX - VIII вв. до н.э. они засвидетельствованы в районах, расположенных южнее Урмийского озера (в верховьях Диалы и Малого Заба), в стране, именуемой [12-13] в ассирийских источниках Parsua, а в урартских Parsua⁶⁶. В античное время персидские племена заселяли также область, локализуемую где-то у юго-западного угла Каспия (см. ниже). О сагартях и области их обитания Асагарта свидетельствуют и древнеперсидские источники. По всей вероятности, в период создания Бехистунской надписи (Beh., II, 91 - 92) Асагарта-Сагартия входила в состав Мидийской сатрапии, а несколько позднее, как это явствует из Персепольской (Dag. Pers. e, I, 15) надписи, была выделена Дарием I как самостоятельная провинция под названием Асагарта. Трудно сказать, чем диктовалось выделение Асагарты как особой единицы. Не последнюю роль в данном случае имело желание ослабить сильную и мятежную Мидию. Но нельзя не обратить внимания на то, что выделенная единица в основном совпала с будущей Малой Мидией, будущей Мидией Атропатеной⁶⁷. Это обстоятельство, быть может, свидетельствует в пользу того, что этногеографические, возможно, и культурные контуры будущей Атропатены начинают вырисовываться уже к концу VI века до н.э. Однако Асагарта в качестве особой провинции просуществовала недолго.

О сагартях говорят и античные авторы. Геродот сообщает, что сагартии «по происхождению и языку своему - это персидская народность, но одежда их наполовину персидская, наполовину пактийская*». Они выставили 8000 всадников; бронзового или железного оружия у них, по обычаю, нет, кроме кинжалов. Вместо этого у них только плетенные из ремней арканы**. С этими-то арканами они и идут в бой. Сражаются они так: сойдясь с врагом, они забрасывают арканы с петлей и затем тащат к себе, кого они поймают - коня или человека. Люди, пойманные в аркан, погибают. В битве сагартии стояли возле персов» (VII, 85).

Важно отметить одну этнографическую черту: как зикертийцы, так и сагартии являлись конными воинами. Для зикертийцев это известно по надписям Саргона (см. его анналы, 34, а также «Письмо Ашшуру», 79, сл.), а для сагартийцев - по Геродоту (VII, 85) и по надписи Дария (Dar. Pers.). Коневодство и всадничество для той поры - еще одно доказательство ираноязычности сагартиев⁶⁸. [13-14]

Важны данные о сагартях у Птолемея (VI, 2, 6), судя по которым, их следует помещать в северном Загросе⁶⁹, по-видимому, в северо-западных областях Мидии⁷⁰. Эта локализация подкрепляется свидетельством Стефана Византийского о том, что сагартии обитают в зоне Каспийского моря⁷¹.

Длительное пребывание в мидийской среде не могло не отразиться на сагартях. Кстати, в сагартийской ономастике отмечаются некоторые «северозападноиранские» черты, что могло быть следствием мидийского влияния⁷². Интересно, что сагартийский вождь Чиссантахма, восставший против Дария I, объявил себя царем в Асагарте и утверждал, что он происходит из рода Киаксара***.

В интересующих нас областях сагартии засвидетельствованы на протяжении, по крайней мере, двух с лишним веков. Возможно, к началу V века до н.э. сагартии смешались с мидянами и другими соседними народами и утратили свое наименование. Следы сагартиев в топонимии районов их расселения сохранялись еще долго. О них говорят античные авторы - Геродот, Птолемей и Стефан Византийский. Некоторые ученые имя зикертийского вождя Metatti связывают с известным в античной традиции именем мидийского царя Medidus⁷³, которое должно было звучать как Maidata⁷⁴ или Vidati⁷⁵.

Вклад зикерту-сагартийцев в индийскую этнику Южного Азербайджана не вызывает сомнения. О наличии в античное время в областях, расположенных юго-западнее Каспия, племен персидского происхождения свидетельствуют данные Ктесия⁷⁶ и Страбона, которые подтверждаются и сведениями раннесредневекового армянского автора Фавстоса Бузанда (V, 14). В частности, Страбон, сообщая об анариаках, утверждает, что их «теперь называют парсиями» (XI, VII, I). Армянский автор рядом с Пайтакараном упоминает страну (народ) Parsk'. Анариаков (аниараков), кроме Страбона, знают Полибий (V, 44, 9) и др. античные авторы⁷⁷. В переводе это наименование означает «неарийцы» и, возможно, анариаки действительно были неиранцами, хотя мы хорошо знаем, что часто враждовавшие друг с другом арийские племена своих родичей нередко называли «неарийцами»⁷⁸.

Что касается парсиев Страбона, то они, почти, несомненно, были племенами персидского происхождения⁷⁹. Данные Страбона могут также свидетельствовать и о том, что парсии, ассимилировавшие анариаков, передали им и свое этническое наименование - явление довольно обычное в этнических процессах. При всех, однако, условиях сам факт существования инонаименования «анариаки» (название это никак не могло быть самонаименованием) совершенно бесспорно свидетельствует о том, что рядом с анариаками жили [14-15] преимущественно или даже исключительно ираноязычные племена⁸⁰, так как это наименование по форме своей, несомненно, иранское (an — здесь — частица отрицания).

Иранское происхождение ортокорибантиев, которые были известны во времена Атропата, очевидно, под названием сакесин, не вызывает никакого сомнения. Они являются потомками некогда вторгшихся в Переднюю Азию, в частности в Азербайджан, скифосакских племен. Ортокорибантии, по словам Геродота, входили в Мидийскую сатрапию (III, 92) и обитали в ту пору, очевидно, на территории Азербайджана⁸¹.

Кадусии были одним из наиболее крупных и сильнейших племенных групп Атропатены, на которых в значительной степени зиждилась военная мощь Атропата и Атропатидов. Наиболее ранние сведения о них имеются у Ктесия Книдского и Ксенофонта. Кадусии обитали на довольно обширной территории, начиная от юго-западной части Каспийского моря⁸² вплоть до матиенских и армянских земель⁸³. В качестве соседей кадусиев античные авторы упоминают мидян, матиенов, албан, кардухов, анариаков, каспиев, (а) мардов, саков, тапиров, гиркан и др.⁸⁴. Кадусии, почти несомненно, входили в состав народов XI сатрапии⁸⁵. Они выставили 20 тысяч пельтастов* и 4 тысячи всадников⁸⁶, и, по словам Страбона,

* Наименование пактиев (живших в XIII сатрапии, рядом с армянами), как полагают, сохранилось в нынешнем Бохтан по восточному Тигру (см. Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. СПб, 1908, с. 394. Ср. впрочем J. Marquart. Untersuchungen... II, с. 175, сл). Известно также курдское племя бохту (см. Адонц Н. Указ, соч., с. 394).

** Применение арканов не было известно у соседей сагартиев, но известно у сарматов, а позднее — у тюркоязычных племен.

*** Великий мидийский царь (625 - 585 гг. до н.э.).

* Пельтаст — вооруженный легким щитом, легковооруженный пехотинец.

- «превосходные метатели дротиков; в гористых местах сражаются вместо всадников» (XI, XIII, 4). Воинственные горные племена кадусиев смогли сохранить свою независимость не только во времена мидийской монархии, но, очевидно, и в ахеменидский период, хотя Ктесий утверждает, что они покорились Киру. Поверить этому трудно уже только потому, что много позднее, даже во времена Дария III, кадусии считались не подданными персидского царя, а союзниками мидийского сатрапа Атропата⁸⁷.

Основую упомянутого этнонима был, по-видимому, ка^d/_{ts}, ^u/_{is} - (ср. упоминаемую армянскими авторами форму katis-к). Кадусии (или какая-то часть их) античными авторами именовались гелами⁸⁸ и легами⁸⁹. Возможно, в раннеантичный период кадусии скрывались под наименованием «каспиев»⁹⁰, являвшимся, как кажется, общим обозначением племен юго-западного Прикаспия⁹¹. Необходимо отметить, что и в более позднее время «Земля кадусиев» и «Земля каспиев» - это понятия равнозначные⁹². Вот почему можно считать, что кадусии входили в XI сатрапию. Возможно, что также этноним «кадусии» являлся общим наименованием нескольких племен, в их числе гелов и легов⁹³.

С этнонимом gel- этимологически связано название местности Gllan (Gelan; an - от древнеиранск. ana). Гелы (гилянцы), являвшиеся, [15-16] несомненно, потомками кадусиев, говорят на одном из иранских языков. Все известные нам кадусийские имена по происхождению иранские⁹⁴.

О живучести кадусийского этноса свидетельствует и факт упоминания их в раннесредневековой армянской литературе под наименованием Katisk. Итак, собственно кадусии в наших источниках значатся на протяжении приблизительно десяти веков, а живут они в лице гилянцев по сей день.

Этнонимы «пантимат» и «дарейт» выглядят иранскими.

Название париканиев, обитавших, судя по всему, и в Южном Азербайджане⁹⁵, определенно связано с иранск. Рагжа⁹⁶. В Авесте — это женское божество (ср. позднее «пери»)⁹⁷. В том, что имя божества отложилось в названии племени, нет ничего удивительного; нам известен ряд случаев, когда имена божеств древнемидийского пантеона откладывались в названиях мидийских племен⁹⁸. У нас, однако, нет никаких оснований считать, что это - название, данное пришлыми иранцами местным неираноязычным племенам региона⁹⁹. Иранцы не могли называть именем своего божества чуждые им племена. Поэтому есть все основания полагать, что парикании были не только носителями иранского этнонима, но и являлись иранцами по своему происхождению¹⁰⁰.

Марды, жившие в различных районах Иранского нагорья, Средней Азии и в Армении¹⁰¹, были бродячими племенами со славой разбойников. Название их вначале было бранным прозвищем (иранск. тагэба - убийца)¹⁰². (А)марды жили, в частности, и в Мидии¹⁰³, в районе реки Кызылузен, которая в древности называлась Амард. В тех случаях, когда имеются дополнительные сведения об этнической принадлежности тех или иных групп мардов, обитавших в тех или иных районах Передней и Средней Азии, мы определенно знаем, что это - иранцы¹⁰⁴. Это мнение еще более подкрепляется наличием параллельных форм «мард» и «амард», что объясняется именно из иранских языков¹⁰⁵. Какие-то группы мардов из областей Южного Азербайджана перекочевали в Армению¹⁰⁶. Роль и значение мардов в древней и раннесредневековой истории Армении были велики¹⁰⁷. О (а)мардах сообщают Геродот, Ктесий, Ксенофонт, Страбон, Плутарх, Плиний, Помпоний Мела, Арриан. О них говорят раннесредневековые армянские авторы¹⁰⁸. Итак, марды как реальная этническая единица (единицы) упоминаются в наших источниках на протяжении более, чем одного тысячелетия.

Важное место в этнической номенклатуре (и не только!) Атропатены, по-видимому, занимали маги¹⁰⁹ одно из мидийских племен¹¹⁰, носители религиозной мысли мидийского народа¹¹¹. Маги были жрецами-служителями культа огня, проповедниками зороастрийского [16-17] вероучения и хранителями древних традиций, священных книг Авесты.

Маги, владея обширными землями, о которых говорится в Авесте и у античных авторов, а также - огромными богатствами, имея, несомненно, большое влияние в народе, будучи силой сплоченной и организованной, конечно, влияли как на внутреннюю, так и внешнюю политику царей. Крупнейшие и учнейшие маги были весьма влиятельными советчиками царей. Сказанное хорошо известно нам еще по предшествующему времени¹¹².

Возможно, наименование «маг» скрывается в авестийских терминах magu. tbis [встречается один раз. Предположительно: «враг магов (жрецов)». Высказывалось мнение, что слово это - поздняя вставка западноиранских жрецов (магов)]¹¹³ и magavan (считают, что восходит к maga-, в чем видят обозначение литургической чистоты)¹¹⁴. Термином magu- в Авесте, как полагают, обозначался особый социальный класс¹¹⁵.

Что маги¹¹⁶ были одним из мидийских племен - с несомненностью вытекает не только из данных античных авторов, в частности Геродота¹¹⁷, но и древнеперсидских источников. Теперь, после обнаружения новых материалов¹¹⁸, нам хорошо известно, что Бехистунская надпись величает мага Гаумату «мидянином»¹¹⁹. В плане сказанного чрезвычайно интересны у Геродота слова магов, обращенные к Астиагу: «Для нас самих, царь, весьма важно упрочить твою власть, ибо в том случае, если бы власть перешла к... персу, м и д я н е обратились бы в рабов, были бы презираемы персами, как чужие для них;

напротив, пока царствуешь ты, наш соплеменник, до тех пор и мы пользуемся долей участия во власти, и через тебя оказывают нам больше почести... (разрядка моя. - И. А.)» (I, 120). Хотя речь эта, очевидно, сочинена самим Геродотом, тем не менее она, несомненно, отражает ходячее в ту пору представление о магах как о мидянах.

Хотя маги по происхождению своему и были одним из мидийских племен, однако, известно, что «магами» нередко именовались просто жрецы, вне зависимости от их этнической принадлежности. Например, известно, что среди магов были и персы¹²⁰. По сведениям Страбона, маги были и в Каппадокии¹²¹, где они именовались также *pyraithoi* (что, возможно, является переводом авестийск. *athravan*¹²²; так именовались зороастрийские жрецы). Сказанное, однако, имело место позднее, а по началу маги - это одно из мидийских племен. У нас нет никаких оснований полагать, что маги - это не этническое определение, а название жреческого сословия¹²³.

Будучи мидянами, являясь одним из мидийских племен, маги, тем не менее, сохраняли, так сказать свою «чистоту», свою изолированность [17-18] и не смешивались с общей массой мидян. Недаром они жили «...в селениях, не укрепленных стенами; им разрешено жить по своим особым законам... (разрядка моя. - И. А.)»¹²⁴.

Нет никакого сомнения в том, что маги были иранцами по своему происхождению и, конечно, носителями иранской речи. Почти несомненно, что авестийские *magā-*, *magu-* восходят к имени мидийского племени магов. Можно не сомневаться в том, что от имени магов идет такое распространенное понятие, как «магия». Слово «маг» во многих языках стало синонимом жреца, астролога, волхва и т. д.

Племя магов, очевидно, еще в глубокой древности, в силу каких-то неизвестных нам причин, стало обладать, подобно израильскому племени леви, монопольным правом поставлять из своей среды жрецов. Из сообщений античных авторов¹²⁵ можно заключить, что профессия священнослужителей передавалась у магов из поколения в поколение и была наследственной, что засвидетельствовано также и в Бундахишне, важнейшем своде, излагающем сведения, содержащиеся в пехлевийском переводе Авесты.

Можно полагать, что в раннюю пору маги, вернее, жрецы из племени магов, представляли собой служителей первобытных культов, распространенных среди мидян, в частности, вероятно, и маздаистических. Почти несомненно, что среди магов было несколько корпораций жрецов. Были ли это атраваны, кави, карапаны и усиги, о которых говорится в Авесте, - мы не знаем. Но бесспорно, что считать магов особой корпорацией жрецов и противопоставлять ее другой, предполагаемой корпорации - атраванам, считать магов всецело дозороастрийскими жрецами, а атраванов - зороастрийскими, как это делают некоторые авторы¹²⁶, никак нельзя. Если говорить о противопоставлении жреческих корпораций, то противопоставить следует атраванов карапанам, кави и усигам, но никак не целиком магам. Если позволительно вообще связывать магов с упомянутыми группами жрецов, то можно говорить разве только о различных корпорациях среди магов, а не считать их одной из корпораций, наряду с другими, упомянутыми выше. Этим и объясняется то, что собственно маги, как жрецы в Авесте (за исключением, возможно, одного случая), не упоминаются. И Авеста не упоминает магов в качестве жрецов не потому, что маги, как думают некоторые исследователи, были враждебны зороастризму, а потому, что не все маги были жрецами (хотя все жрецы были из племени магов); жрецами были атраваны.

Нам хорошо известно, что, кроме маздаистических верований существовало и так называемое «учение магов»¹²⁷, которое имело определенное хождение в западноиранских областях во всяком случае [18-19] уже в VII веке до н.э., о чем свидетельствуют ветхозаветно-иранские контакты¹²⁸, в частности, то обстоятельство, что у библейских авторов есть некоторые намеки на их знакомство с магами, а также факт знакомства с этим «учением» раннегреческих авторов, на которых оно в значительной степени повлияло¹²⁹.

Говоря об «учении магов» Диоген Лаэртский (Рг., I, 7) сообщает, что маги «считают богами огонь, землю, воду». Следует отметить, что поклонению Огню – Атару, который обожествлялся магами, восходит еще к индоевропейской эпохе. Представлениям индоевропейцев об огненной природе всего бытия соответствует иранский миф о том, что бог создал небо, воды, землю, растения, животных и человека и «во всем этом был распределен огонь»¹³⁰.

Огню в областях западного Ирана поклонялись еще в начале I тысячелетия до н.э., о чем определенно свидетельствуют храмы Огня на этой территории, в частности мидийский храм Огня в Нуши-Джан-тепе¹³¹.

Культе Огня имел первостепенное значение на протяжении всей истории доисламского Ирана. О роли и значении Огня в духовной жизни Атропатены свидетельствует уже само имя первого венценосца страны - Атропата, что означает «охраняемый Огнем».

Огненная онтология, культ Огня, очень широко распространенные в Младшей Авесте, где Атар, сын Ахуры Мазды, — Атар, служителями которого были *athravan'bi* из племени магов, несомненно, в огромной степени повлияли на греческую философскую мысль¹³², что было отмечено еще Аристотелем.

Особенно велика была роль Огня, храмов Огня¹³³ в Атропатене с ее многочисленными магами в сасанидский период¹³⁴.

Огонь в Авесте, зороастризме, да и, по-видимому, в маздаизме играл столь великую роль, что зороастрийцев нередко именуют «огнепоклонниками».

Некоторые ученые полагают, что «учение магов» - это то же, что и учение «зерванизма» (зрванизма, зурванизма)¹³⁵. Зерван, верховный бог зерванизма, мыслился как Бесконечное Время, существующее извечно, еще когда не существовало ничего - ни неба, ни земли, ни каких-либо тварей. Миф рисует его андрогинным (муже-женским) божеством. Он родил близнецов - Ахримана (Ангра - Манью) и Ормаза (Ахуру Мазду). Согласно Бундахишну, Зерван - «могущественнее обоих творений добра и зла».

Миф о прародителе Зерване может рассматриваться как иранская параллель легенды о Хроносе в греческой мифологии¹³⁶.

Поклонение Зервану засвидетельствовано в западных областях Ирана, бесспорно, уже в начале VI века до н.э. Именно здесь его знали как андрогинное божество Времени¹³⁷. Однако есть некоторые основания считать, что Зерван засвидетельствован и у создателей луристанских бронз в начале I тысячелетия до н.э.¹³⁸ [19-20]

Зерван занимал очень важное место в пантеоне западноиранских магов. Некоторые ученые даже полагают, что всю Авесту следует рассматривать как основанную на культе верховного божества Зервана¹³⁹, что, очевидно, является преувеличением. Полагали также, что зороастризм возник в той среде, где Ахура Мазда конкурировал с Зерваном¹⁴⁰.

Все то, что мы знаем о Бесконечном Времени, о начале начал заставляет предполагать, что зерванизм - это учение, стремящееся к монотеизму или даже уже монотеистическое¹⁴¹.

Зерванизм оказал большое влияние на иудаизм, раннее христианство и гностицизм¹⁴².

Возвращаясь к «учению магов», мы должны сказать, что основу этого учения, как можно заключить из данных античных авторов, в частности Плутарха¹⁴³, составляла борьба двух начал - Света (Орамазда-Ахуры Мазды) и Тьмы (Аримания-Ангра Манью).

Судя по данным Авесты и поздней пехлевийской литературы, маги (именно маги, ибо Плутарх, излагая «учение магов», пишет: «Таково содержание легендарных историй магов»!) создали сложное эсхатологическое учение, согласно которому мировая история длится 12000 лет.

Утверждают, что в последний трехтысячелетний период в мир явится саошьянт (спаситель), по другим данным — три саошьянта. Произойдет воскрешение мертвых: тела умерших восстанут и соединятся с душами. В течение трех дней будет вершиться справедливый суд - проклятые будут наказаны, праведным будет обеспечено бессмертие.

Все это очень уж напоминает сцены апокалипсические, царства божьего, страшного суда и воскресения из мертвых, появления сына божьего, спасителя-мессии и т. д., отраженных в Библии. Поэтому ряд ученых полагает, что «учение магов», да и вообще идеи зороастрийских жрецов оказали влияние на иудейско-христианские и гностические эсхатологические представления, при этом не исключается и позднее частичное обратное воздействие¹⁴⁴.

Следует отметить, что иудейско-христианский мир, как кажется, позаимствовал от зороастрийской религии немало «ключевых» концепций¹⁴⁵.

Интересно отметить, что некоторые античные авторы сообщают о наличии у магов священных книг¹⁴⁶. Говорят о существовании «логий» Зороастра¹⁴⁷. Все это выглядит весьма правдоподобно, ибо известно, что греческий ученый Феопомп, по поручению Александра Македонского, изучал священные книги зороастризма, а Плиний со слов автора III века до н.э. Гермиппа сообщает, что писания магов включали два миллиона строк.

По-видимому, священные книги, о которых говорят античные авторы, это еще не Авеста, а отдельные «логии». [20-21]

Верно, что для писателя античности и эпохи средневековья Зороастр был самым ярким представителем магов¹⁴⁸, его знали как основателя корпорации магов¹⁴⁹, о нем говорили как о «маге», «главе магов», «магическом пророке»¹⁵⁰ и т. д. Верно также и то, что, почти по единодушным сообщениям античных авторов, маги были учениками и последователями Зороастра¹⁵¹. Однако известно, что маги (очевидно, часть их) еще в античное время проповедывали сектантское и еретическое, с точки зрения зороастризма, учение зерванизма. Плутарх сохранил нам традицию, что маги «измельчая в ступе некую траву, называемую омоми, призывали Гадеса (т. е. Ахримана, - *И. А.*) и Тьму»¹⁵². Нельзя забывать также и то, что еще в эпоху Сасанидов делались отличия между «учением магов» и подлинной религией Заратуштры: адепты манихейства, признавая Заратуштру предшественником Мани, в то же время отвергали «учение магов»¹⁵³.

Вот почему одни исследователи считают магов истинными зороастрийцами, а другие, наоборот, полагают, что они были врагами зороастризма и являлись ортодоксальными жрецами местных, так называемых естественных религий, позднее принявшими зороастризм¹⁵⁴, но, как считают некоторые, иска-

жившими его, с целью приблизить, приспособить последний к распространенным среди народных масс представлениям¹⁵⁵.

Так или иначе, позднее разногласия были в основном преодолены - маги стали проповедниками и поборниками зороастризма. Вот почему всех жрецов, проповедывавших учение Заратуштры, стали именовать магами (отсюда средневековое *mubad*; от *magurat* «глава магов», а также различные географические наименования с основой *mag*)), что стало однозначно с авестийским *athravan* и по существу заменило его.

Все выше сказанное свидетельствует о бытовании в областях западного Ирана, в значительной степени и в зоне Южного Азербайджана, рано ставшей составной частью Мидии, маздаистических религиозных систем, зерванистического культа, «учения магов» и зороастризма. Эти верования, конечно же, следует отличать друг от друга, но нельзя не видеть и то немалое, что их объединяло. Последнее и понятно, ибо источник (или источники), из которого они черпали идеи, образы и т. п., был общий. Это мифо-религиозные представления древнеиранских племен, восходящие к арийской, а в отдельных случаях - и к индоевропейской эпохе.

Трудно переоценить значение магов в духовной и вообще культурной (возможно, экономической и даже политической) жизни Мидии, а позднее - Атропатены.

Будучи огромной силой, сосредоточившей в своих руках всю полноту власти, во всяком случае, в области духовной жизни [21-22] общества, маги в то же время были, так сказать, силой крамольной. Маги являлись застрельщиками многих известных, вероятно, и неизвестных нам еще значительных событий древней и средневековой истории Мидии и вообще Ирана. Достаточно вспомнить события, связанные с именем Гауматы, - роль магов в действиях Ксеркса, разрушавшего храмы, маздакитское движение, духовными учителями которого были все те же маги и т. д.

Почти по единогласному признанию крупных авторитетов, в зороастризме, в формировании которого маги сыграли, несомненно, основную роль, была достаточно сильна демократическая тенденция, выражавшая в какой-то мере чаяния и стремления широких слоев народа¹⁵⁶. В Гатах довольно сильно звучат социальные мотивы; общая их тенденция и устремления в основном бунтарского, демократического и прогрессивного (я имею в виду социальное содержание проповедей зороастризма) характера. Важно, что автор Гат призывает к борьбе не просто «доброй мыслью, добрым словом», но и «добрым делом» (я пользуюсь здесь известными авестийскими выражениями), под чем нередко мыслится, как кажется, открытая вооруженная борьба всех *daena** *mazdayasnis*¹⁵⁷.

Итак, значительная часть не смешавшихся с мидянами племен Атропатены была ираноязычной. Трудно сказать, почему названные выше, так сказать, «автономные» племена не были ассимилированы мидянами, не смешались с ними. Однозначного ответа здесь быть не может. Можно, однако, полагать, что маги не смешались с общей массой мидян благодаря своему особому положению, освященному зороастровой религией. Другие племена, в частности, такие, как, например, кадусии, смогли сохраниться как самостоятельные этнические единицы благодаря своей мощи, военной силе, обитанию в труднодоступных горных районах и т. д. Вспомним, что кадусиев по существу не могли покорить ни в эпоху мидийского владычества, ни в ахеменидское время. К слову сказать, кадусиев хотел покорить Александр Македонский, однако план его остался неосуществленным (см. ниже). Правителям Атропатены приходилось, конечно, считаться с кадусиями.

Еще в эпоху Маннейского царства на интересующей нас территории имелся значительный ираноязычный элемент¹⁵⁸. Однако в ту пору в Южном Азербайджане сохранялись и даже преобладали местные этнические элементы.

Со времени мидийского завоевания этноязыковая картина края начинает резко меняться. По форме и характеру расселение мидийских [22-23] групп населения на территории Южного Азербайджана в эпоху завоевания его мидянами, очевидно, следует отличать от той иммиграции ираноязычных племен, имевшей место, по-видимому, в самом конце II и в начале I тысячелетия до н.э., которая была следствием перемещения огромных масс населения, значительные группы которого вселились в области Манны. Расселение же здесь мидян, судя по всему, представляло собой, так сказать, микромиграцию - переселение относительно небольшими группами, возможно, даже отдельными семьями, с чем мы нередко сталкиваемся в истории¹⁵⁹. Процесс этот, возможно, был относительно длительным, но результаты его были, так сказать, «верными». Такого рода примером может служить заселение русскими Сибири.

Говоря о расселении мидян в областях Манны, мы не должны забывать общеизвестные истины о том, что при переселении группы (или групп) людей на новые места обитания не только сами мигранты, но и их потомки обычно, за редкими исключениями, сохраняют свои прежние отличительные, т. е. этнические свойства¹⁶⁰. Особенно прочно сохраняются особенности культуры и психики¹⁶¹ - общность (име-

---

* Об интерпретации этого термина (*daena* - вера, религия) как «коллективного единства всех зрящих», т. е. верующих в Ахуру Мазду (*mazdayasnis* - мазда-поклонники), чтущих его. См. Nyberg H. S. *Die Religionen des alien Iran*, с. 118.

ется в виду общность с этносом, от которого «оторвались» те или иные его группы) мировоззрений, культурных и религиозных традиций и связанных с ними ритуалов, а также общность языка, а через все это - представления о принадлежности к одному целому (т.е. к тому самому целому, от которого в силу тех или иных причин «оторвалась» та или иная часть этноса, этнической общности), т.е. - этническое самосознание, являвшееся неотъемлемым компонентом этноса¹⁶². Правда, нам известны случаи, когда иммигранты, вселявшиеся в иноплеменную среду, теряют свои этнические свойства, перестают быть частью «материнского этноса», растворяются в новой местной этнической среде, ассимилируются ею (вспомним судьбу арабов, поселившихся в Азербайджане). Мы знаем даже случаи, когда этноним завоевателей становился самоназванием покоренного населения, а сами иммигранты все же растворялись в местной субстратной среде. Наглядным примером сказанного может, например, служить судьба этнонима «болгары» и самих носителей этого этнонима - протоболгар (булгар). Тюркоязычные завоеватели болгары передали местному славянскому населению Балкан свой этноним, но почти бесследно растворились в этой среде¹⁶³. Мы хорошо знаем, что с мидянами, поселившимися в Атропатене, этого не случилось. В пользу сказанного свидетельствует ряд неоспоримых данных, о которых будет сказано ниже.

Рост общественного и культурного уровня аборигенов земель, расположенных к югу от Аракса, по-видимому, вел к необходимости восприятия общепонятного для всего населения Южного Азербайджана [23-24] языка, какого в ту пору на интересующей нас территории не было, а существовали различные языки, носители которых друг друга не понимали. Некоторое исключение следует сделать для той части территории Манной, где были заметны признаки этнической консолидации и где, возможно, выработался в какой-то мере общепонятный язык. Однако в связи с падением Маннейского государства этот процесс прекратился.

Как отмечалось выше, завоевание Манной мидянами сыграло решающую роль в этнических судьбах края. С этого времени иранизация этноязыкового облика значительной части населения Манной должна была усилиться.

Следует указать, что политическое господство той или иной народности, в том числе установленное в результате завоевания, в значительной мере предопределяло направленность этнических процессов при формировании многих народностей¹⁶⁴. Мидийское господство в Манне, несомненно, должно было усилить и действительно усилило восприятие иранских наречий северозападной, именно мидийской группы в качестве языка взаимного общения в Южном Азербайджане. Иранский язык (точнее, близкородственные наречия северозападной иранской группы), о котором я упомянул, был языком широко распространенным и при том, как свидетельствуют данные античных авторов и ономастический материал, распространенный в более или менее единообразных формах на обширнейших пространствах, начиная от Аракса и Урмии и кончая современной Туркменией¹⁶⁵ - вспомним сообщение Страбона о том, что население Мидии, Бактрии и Согдианы «одноразичны до малого»¹⁶⁶, т. е. по существу одноразичны, или сведения античного автора о родстве мидийского и парфянского языков¹⁶⁷, что подтверждается серьезными авторитетами¹⁶⁸ и т. д.

Конечно, местные языки Южного Азербайджана не могли ни в коей мере выдержать конкуренцию с говорами мидийского языка.

Язык как средство передачи культурных ценностей и традиций имел огромное значение для развития культуры в самом широком смысле. Из всех компонентов культуры наиболее отчетливо выраженными этническими функциями обладает, конечно, язык. Он, несомненно, является основным признаком этноса¹⁶⁹. Смена языка обычно сопровождается изменениями и других основных черт культуры этноса, этнической общности - в быту, военном деле, социальной структуре, политических институтах, религии и т. д. Говоря иначе: смена языка обычно (во втором или третьем поколении) влечет за собою утрату этнического самосознания, смену этнической принадлежности¹⁷⁰.

Благодаря интенсивно протекавшим ассимиляционным процессам уже, по-видимому, в предахеменидское время маннейские [24-25] племена начинают постепенно сливаться с мидянами. О деэтнизации населения Манной говорит утрата самого хоронима «Манна» и этнонима «манней». В последний раз Манна упоминается в начале VI века до н.э.

Длительное вхождение южноазербайджанских земель в состав Мидийской державы, затем - Мидийской сатрапии, широкое расселение здесь мидийских этнических элементов и сопутствующие этому обстоятельства, несомненно, способствовали еще большей ассимиляции местных племен мидянами, чем постепенно закладывались основы нового в регионе этноса - этноса, который являл собою уже не маннеев, а являлся новомидийским атропатенским этносом, каковым он и воспринимался окружающим миром.

От собственно маннеев в античное время, можно сказать, не осталось и следа. Поэтому совсем не удивительно, что ни надписи Дария I, ни Геродот не знают ни Манной, ни маннеев. Мало того, есть весьма веские основания считать, что при Дарий I прежние манней назывались уже мидянами¹⁷¹.

Почти несомненно, вскоре после мидийского завоевания Манна начинает восприниматься внешним миром как составная часть Мидии, как Малая Мидия. Смешиваясь с аборигенами, мидяне, так сказать, физически вливались в состав аборигенов региона, привносили много своего в социальную и культурную жизнь их, меняя этнический облик края, как бы срастались с завоеванной страной, которая постепенно превращалась в их новую родину.

Мы хорошо знаем, что Мидия Атропатена (Атропатийская Мидия, Малая Мидия, Атропатия) в глазах окружающих народов представлялась частью Большой Мидии, а население ее - мидянами. Большинство наших источников Атропатену действительно считает частью Мидии (в частности, такой осведомленный автор, как Страбон), называет просто «Мидией» (в частности, Тацит), что, по-видимому, и было официальным названием страны¹⁷². Так называли край этот и много позднее. Мидянами называли население Южного Азербайджана персидские официальные документы (надпись Дария I), античные авторы (Страбон, Плиний, Юстин и многие другие) и вековые их соседи-армяне.

Сведения о существовании мидийского населения в зоне Южного Азербайджана и в смежных районах в первом тысячелетии нашей эры имеются в сирийских, древнеармянских, арабских и других источниках, а также в топонимии края. Источники эти население интересующего нас региона называют именно «мидянами», точнее, терминами, производными от этого этнонима: армяне - таг'ами, персы - тагами. Встречающееся у арабов название Маһ восходит к среднемидийско-атропатенской форме названия Мидии.

Следует подчеркнуть, что термины «Мидия» и «Атропатена» [25-26] (и производные от них), а также «мидянин» и «атропатенец» (и производные от них) на протяжении веков часто употреблялись как взаимозаменяемые. Весьма наглядно прослеживается это в эпоху раннего средневековья по армянским источникам. На сей счет особенно интересным является пример с известным Ростемом, которого армянский автор VII века Себеос называет то полководцем asxarh maray'a (страны мидян), то князем Atrpatakan'a (т. е. Атропатены). У ал-Мас'уди, тот же Ростем, погибший в битве с арабами, назван ал-азари¹⁷³, т.е. «азерийцем», что в конечном счете то же самое, что и «азербайджанец».

О том, что местные племена Манна, возможно, в предахеменидское и уж, во всяком случае, в ахеменидское время восприняли говоры мидийского языка, утратили свое этническое самосознание и перестали быть этническими общностями, постепенно превратившись в мидян, свидетельствует не только то, что в ахеменидский период эти племена именовались мидянами, а то обстоятельство, что целый ряд независимых друг от друга данных позволяет утверждать, что мидийский язык в ту пору действительно был распространен на территории Южного Азербайджана.

Сам по себе факт наименования населения Южного Азербайджана мидянами, хотя и очень важен, но не имеет бесспорной доказательной силы в деле определения этноязыковой принадлежности его. Название страны (хороним) и наименование народа (этноним) не всегда могут свидетельствовать о языке самого народа, о его происхождении. Если исходить только из названия страны или народа, то тогда французов следовало бы считать германцами [ибо «франк» (откуда «француз» и «Франция») - это название германских племен], а болгар (от этнонима тюркоязычных «булгар») и азербайджанцев (см. ниже) - соответственно тюрками и иранцами. Известно, например, что германское племя баваров получило это название от наименования занятой ими области, населенной кельтским племенем бойев. Название немецкого государства «Пруссия» и населения его - «прусы» восходит к имени истребленного в XII - XIII вв. немцами балтийского племени пруссов. «Влох»'ами поляки называют итальянцев, однако на Балканах «валах» - это «румын». Мы знаем также, что еврейские авторы средневековья называли Германию «Ашкеназ», т. е. «Скифия», а Испанию - «Сефарад», т.е. «Лидия». «Скифией» иногда называли и Русь.

Хотя письменные памятники мидийско-атропатенского языка эпохи античности до сих пор и не обнаружены (нам известна всего лишь одна арамейская по языку надпись послеахеменидского периода из Саинкале около Зенджана, это позволяет полагать, «что в Атропатене, как и в соседних странах, использовалась письменность арамейского происхождения»), тем не менее, мы с полным [26-27] основанием можем утверждать, что так называемый среднемидийский язык¹⁷⁴ Атропатены был, несомненно, иранским*, причем языком широко распространенным. Об этом со всей определенностью свидетельствует не только относительно хорошо известная этнолингвистическая ситуация на территории Азербайджана эпохи раннего средневековья, которая, так сказать, ретроспективно может быть спроецирована в глубь веков, но и немало других данных. Арабские авторы в числе языков и диалектов, распространенных в Южном Азербайджане в эпоху раннего средневековья, называют азери, пехлевиийский (fahlavt<pahlavt) и персидский.

* Вывод о том, что атропатенский — это язык иранский, был принят в азербайджанской науке давно. См. История Азербайджана, т. I, с. 49; Советская историческая энциклопедия, т. I, с. 229.

О языке азербайджанского как о языке значительной части населения Южного Азербайджана говорит ал-Мас'уди¹⁷⁵. О нем сообщают Ибн Хаукаль, Йа'кут, Баладзури и др. арабские авторы¹⁷⁶.

Мукаддаси определяет азербайджанский как особый «персидский», но трудный для понимания язык, отдельные слова которого похожи на хорасанский¹⁷⁷.

Для Мукаддаси, так же как и для ряда других авторов IX - X вв., определение *lu-yat-i furs* (т. е. «персидский язык») означало просто принадлежность к иранской группе языков. Что азербайджанский язык - это язык, не персидский, вытекает из слов самого арабского автора, утверждавшего, что язык этот «нехорош», что он труден для понимания (с позиций знающего персидский) и т. д.¹⁷⁸. В данном случае употребление определения «персидский» для азербайджанского языка у Мукаддаси подобно употреблению рядом других арабских авторов, в частности Ибн-аль-Мукаффа, термина *fahlavt* («пехлевийский») для обозначения языка Исфахана, Рея, Хамадана, Нехавенда и Азербайджана¹⁷⁹. Термином *fahlaviyyat* обозначали стихотворения, написанные на местных диалектах, прежде всего - мидийских по происхождению¹⁸⁰.

Из всего того, что мы знаем о языке азербайджанском, который, очевидно, можно называть и «азербайджанским» (это определение - *lu-yat-i bayjan* встречается уже у ал-Беруни¹⁸¹), следует заключить (1), что еще в эпоху арабских авторов в Азербайджане говорили на азербайджанском (2), что это был, бесспорно, иранский язык, ибо он у арабских авторов приводится в одном ряду с «дари» и «пехлеви» или вместе с «фарси» противопоставляется кавказским языкам (3), что азербайджанский — это не персидский язык¹⁸².

Анализ материалов азербайджанского языка, произведенный авторитетными учеными, позволяет утверждать, что язык этот относится к северо-западной иранской группе языков и что он, несомненно, [27-28] был близок талышскому¹⁸³, сохранившему те же основные особенности фонетики, которые были свойственны еще мидийскому языку¹⁸⁴.

Есть немало серьезных оснований думать, что диалекты, близкие к азербайджанскому и современному талышскому, еще в эпоху раннего средневековья были широко распространены на территории Южного Азербайджана¹⁸⁵. Интересно, что, по словам Якута, язык жителей Мугана был близок к языку Гиляна и Табаристана¹⁸⁶.

Сохранившиеся островками иранские диалекты Южного Азербайджана - харзани, халхали, карингани и другие - обнаруживают значительные связи с иранскими диалектами Северо-Западного и Центрального Ирана¹⁸⁷. Ряд авторитетных ученых, считая иранские диалекты, распространенные ныне и в эпоху раннего средневековья на территории Южного Азербайджана, остатками языков, бытовавших в этом регионе в древности, полагают, что ныне сохранившиеся иранские диалекты Северо-Западного и Центрального Ирана являются реликтами некогда мощного массива¹⁸⁸.

Чрезвычайно важно отметить, что как иранские диалекты, засвидетельствованные в Южном Азербайджане в эпоху раннего средневековья, так и ныне сохранившиеся на этой территории иранские диалекты (и те и другие относятся к северо-западной иранской группе) отличаются теми же особенностями, которые характеризуют мидийский язык¹⁸⁹. Поэтому можно полагать, что они являются потомками мидийского языка или вероятнее - мидийских диалектов.

И в самом деле, иранские диалекты, засвидетельствованные на территории Азербайджана, не могли появиться здесь ни в новое время, ни в средние века - это истина бесспорная для специалистов. Материалы об этих диалектах, собранные и обобщенные в первую очередь русскими и советскими учеными, а также рядом зарубежных исследователей, не оставляют сомнения в том, что на интересующей нас территории задолго до эпохи средневековья были широко распространены иранские языки и диалекты. Причем особо следует указать на то, что языки и диалекты северо-западной группы, как показывают данные сравнительного языкознания, разошлись с языками персидской группы, по крайней мере, до начала античной поры.

Следовательно, положение о том, что иранские языки и диалекты северо-западной группы были широко распространены на территории Южного Азербайджана уже в эпоху древности, не должно вызывать никакого сомнения. Столь же несомненно, что господствующим языком региона мог быть только мидийский с его диалектами. Это вытекает не только из хорошо известных фактов широкого расселения на интересующих нас территориях мидийских этнических [28-29] элементов еще в эпоху античности, - из обозначения населения страны этнонимом «мидяне», а самой страны - «Мидией», распространения здесь в раннем средневековье языка и диалектов, а в новое время - диалектов, так сказать, мидийской группы, но и из других совершенно бесспорных данных. Это, прежде всего данные древнеармянского языка¹⁹⁰.

В древнеармянском языке, наряду с парфянскими и среднеперсидскими, имеется определенное количество заимствований из так называемого среднемидийского, или мидийско-атропатенского (атропатенского) языка, что позволяет нам в общем виде представить себе этот язык, письменные памятники

которого, к сожалению, до нас не дошли*. Мидизмы обнаруживаются в самых ранних, относящихся ко II веку до н.э. арамейских надписях Армении¹⁹¹. Само имя армянского царя Зареха (греч. Зариадрий) в одной из надписей передано в среднемидийской форме - Zarehr¹⁹². Кстати, сын этого Зариадрия Арташес (греч. Артаксий) был тесно связан с мидийским (атропатенским) кругом¹⁹³.

К мидийским заимствованиям в древнеармянском относятся: p'ar-k' «слава» (от среднемидийск. * farr; др.- мид. farnah, восходит к общеиранск. * hvarnah-; будучи дериватом неба-солнца, оно обозначало все то благое, источником чего древние мыслили небо-солнце¹⁹⁴), asxarh «страна» (от среднемидийск. * axsahr), maran «хранилище» (из среднемидийск. * marran; др. - мидийск. marzana), zrah- (zreh) - «панцирь» (из среднемидийск. * zrah) и др.¹⁹⁵. К среднемидийским заимствованиям в армянском относятся и такие слова, как, например, vasp «для, ради», karī «очень», ganj, ginj, brinj и ряд других¹⁹⁶.

Ряд иранских заимствований в армянском содержит формы с переходом -d- > -h, чуждые парфянскому и среднеперсидскому и принадлежащие, несомненно, среднемидийскому¹⁹⁷. Возможно, заимствования с переходом -d- (-δ-) > г (в частности, mada-«мидяне», передающееся в армянском как mar-) также относятся к какому-то среднемидийскому диалекту и не обязательно к парфянскому¹⁹⁸. Следы влияния среднемидийского заметны не только в армянском, но и в других языках¹⁹⁹. По мнению очень авторитетных ученых, язык, на котором составлена одна из версий армазской билингвы, надписи, обнаруженной в Мцхете (Грузия) и относящейся ко II веку н.э., следует считать близким к среднемидийскому²⁰⁰.

Все это свидетельствует о широком распространении, культурном значении и многовековом влиянии мидийско-атропатенского [29-30] (среднемидийского) языка, имевшего, несомненно, богатую письменную традицию, на языки соседей Атропатены. Почти несомненно, что именно этот атропатенский язык назван «мидийским» в одной из рукописей XV века, написанной армянскими буквами, но на персидском языке. В этой рукописи содержится текст молитвы на семи языках, в том числе на «мидийском». Язык этот, вне всякого сомнения, принадлежит к северо-западной, так сказать, мидийской группе иранских языков²⁰¹.

Как отмечалось выше, расселение мидийских элементов на территории Манны после ее завоевания мидянами, несомненно, должно было сопровождаться интенсивными этническими процессами. Нам трудно ввиду отсутствия соответствующих материалов более или менее полно обрисовать эти процессы. Однако, вне всякого сомнения, взаимодействие не связанных родством этносов на территории Манны той поры должно было носить сложный характер. Нам известны лишь конечные результаты этих процессов, завершившихся на этой территории победой мидийского языка и мидийского этноса.

Языковая ассимиляция, являющаяся, как правило, непременным этапом этнической²⁰², как известно, влекла за собой изменения и других основных черт культуры насельников этих областей вплоть до полной утраты этнического самосознания ассимилируемого этноса и слияния его с этносом победителей. Процессы эти шли не одно столетие. Однако нет никакого сомнения в том, что политически господствующим, социально и этнокультурно ведущим (независимо от того, чья культура - местных племен или пришлых - была выше) в Атропатенском царстве был мидийский этнический элемент, в основном к тому времени уже перемоловший местные племенные группы. Внешне этот процесс выражался в том, что Мидия Атропатена, как отмечалось выше, в глазах окружающих народов представлялась частью Большой Мидии, а население ее - мидянами.

В процессе длительного взаимодействия местных этнических элементов и пришлых групп мидийского населения постепенно складывался новый этнос. Этому в огромной степени должно было способствовать возникшее в последней четверти IV века до н.э. государство. Государство, как известно, выступает важным фактором этнических процессов с момента своего возникновения, часто предопределяя их направленность при формировании народностей²⁰³.

В эллинистическую пору именно Малая Мидия окончательно обособившаяся от Большой Мидии и ставшая самостоятельной, область, в которой благодаря длительному процессу концентрации мидийского этноса завершается процесс интеграции части его и [30-31] возникает новая народность, в новых условиях, когда в собственно Мидии все мидийское, можно сказать, уже «растворилось» или почти растворилось, становится по существу единственной Мидией, где продолжались старомидийские традиции прежней Мидии.

Сложившаяся новая этническая общность, по-видимому, мало чем отличалась от «старых» мидян, и, поскольку мы это знаем, в этнокультурном отношении, в области социальных институтов и т. д. не очень тесно была связана с местной средой предшествующих эпох. Независимо от того, что этот этнос генетически, в соматическом отношении, в каких-то других своих проявлениях и чертах в значи-

* Впрочем, великий знаток иранских языков В. Б. Хеннинг считал, что одна из надписей, обнаруженных в Мцхете, написанная разновидностью арамейского письма, содержит мидийский, точнее - среднемидийский текст.

тельной степени был связан с местной средой, сложившаяся общность была не кутийско-луллубейско-хурритско-маннейской, а мидийской, мидийско-атропатенской.

Из соответствующих материалов следует, что ассимилированные этносы, как правило, в какой-то мере передают пришедшим им на смену этносам не только историко-культурное, но и биологическое наследие²⁰⁴. Так было в общем и целом, и в случае, интересующем нас. Нельзя не отметить, что подавляющее большинство сложившихся в древности ираноязычных народностей состояло из потомков деэтнизированного и ассимилированного автохтонного населения плато. Они не только усвоили материальную культуру и хозяйственные достижения аборигенов, но в определенной мере унаследовали также и их антропологические типы²⁰⁵. В этом смысле в большинстве своем этносы бесследно не исчезают из всемирно-исторического процесса²⁰⁶.

Но при всех обстоятельствах не следует забывать о том, что атропатенский комплекс, судя по всему тому, что мы о нем знаем, это не есть старое в новом обличии, это не сосуществование старого и нового, ни какой-то симбиоз прежних и новых элементов, а качественно нечто новое. Это новый сплав, новый этнос, новая культура и религия, социально-политические институты и т. д. Словом — это новый мир, сформировавшийся в эллинистическое время.

Итак, в эллинистическую пору на территории Южного Азербайджана появляется новая этническая общность со своим языком, самоназванием (этнонимом), почти несомненно - этническим самосознанием и другими неотъемлемыми компонентами этноса.

У нас нет абсолютно никаких оснований полагать, что атропатенский этнос явился следствием насильственной ассимиляции местных племен Южного Азербайджана. Можно не сомневаться в том, что этнические процессы, протекавшие в интересующем нас регионе, в античное время являли собою естественную ассимиляцию, всегда имеющую, как указывал В. И. Ленин²⁰⁷, прогрессивное значение. Естественная ассимиляция, как известно, возникает при непосредственном контакте этнически разнородных групп населения [31-32] и обусловлена потребностями упрочения их общей социальной, хозяйственной и культурной жизни, распространением этнически смешанных браков и т.д.²⁰⁸.

Интересно отметить, что общенародные языки - койнэ в Армении и Иберии (Восточной Грузии) возникают именно в то самое время, что и в Атропатене²⁰⁹.

Давая общую характеристику атропатенского феномена, чрезвычайно важно отметить, что именно в атропатенский период истории нашего Отечества было положено начало самого понятия «Азербайджан», а также связанных с ним явлений и обстоятельств этнокультурного, социального и политического характера. Перефразировав применительно к нашему случаю знаменитые слова «Повести временных лет», мы с полным основанием можем сказать, что от Атарпатакана «...есть пошла Азербайджанская земля». Именно отсюда пошла собственно древнеазербайджанская государственность и древнеазербайджанская, точнее - атропатенская мидийская народность. Да и сам хороним «Азербайджан» в основе своей восходит к тому времени и является закономерно измененной формой древнего *Atarpatakan (a).

Здесь необходимо сказать несколько слов о хорониме Азербайджан, поскольку в последнее время в нашей республиканской научной и научно-популярной литературе делаются различного рода попытки оторвать это название от атропатенской среды, что на деле ведет к разрушению идеи преемственности поколений, живших на нашей земле, ломает звено, кровно и духовно, так сказать, этнокультурно связывающее нас с Атропатеной. Сказанное должно повлечь за собою иное толкование многих проблем истории нашего Отечества, чего, конечно, не может допустить уважающий себя историк, видящий свою задачу в сохранении исторической памяти народа, правды истории.

Название Азербайджан до недавнего времени относилось к числу тех, интерпретация которых не вызывала серьезных разногласий. Однако в последние десятилетия у нас в республике были сделаны попытки по-новому истолковать этот хороним²¹⁰. Причем «пересмотр» предпринимался неоднократно, но не со стороны специалистов, а людьми, далекими от науки, неспециалистами, «учеными», занимающимися не своим делом, и различными околонучными деятелями, пытающимися решить проблему «лобовым штурмом». Невероятно упрощая проблему, совершенно не понимая существа самого этимологического анализа и беря на вооружение методы «лингвистической алхимии», они всеми силами пытались удревить тюрков на нашей территории и при помощи «анализа» названия Азербайджан. Усердствующие на этом поприще, так сказать, старатели просто не понимают, [32-33] что хотя хороним сам по себе и является весьма важным материалом при работе над этнической историей народа, но делать выводы этнического порядка, основываясь только на нем или только на этнониме, никак нельзя, ибо, как отмечалось выше, они не всегда могут свидетельствовать о самом языке народа, о происхождении последнего. Попытки уяснения этнической истории народа при помощи подыскивания для его этнонима или хоронима сходно звучащих названий - это путь ненаучный и даже весьма опасный. Наивно полагать, что родственные названия должны звучать похоже на протяжении веков. «Внешнее сходство названий, разделенных большим промежутком времени, чаще всего является свидетельством случайности

этого сходства» (И. М. Дьяконов). Отсутствие тщательного лингвистического анализа названий народов и стран и произвольное сближение их со сходно звучащими названиями несколько не приближают нас к разрешению этнических проблем края.

«Методы», при помощи которых решаются сложнейшие вопросы истории края у упомянутых выше ученых, довольно просты и даже примитивны - это вседозволенность. «Аргументы» же подбираются, так сказать, на ходу. Сама «аргументация» авторов сводится к простому подыскиванию для приведенного выше хоронима похожих слов из тюркских языков. При помощи этого «гадания на кофейной гуще», своеобразной «этимологической пытки», доказывается главная идея - тюркское происхождение хоронима Азербайджан.

Эти авторы пренебрегают всеми нормами компаративистики и этимологического анализа. Они не понимают, что без учета исторического окружения и исторической обстановки, а также самой истории слова и тех изменений в течение веков, которые претерпевают слова в данном языке на основе внутренних фонетических законов этого языка, сопоставление отдельных слов лишено какого бы то ни было научного значения, ибо нет никакой уверенности в том, что данный термин имеет именно то значение, которое ему приписывается на основании аналогии со сходно звучащим словом в другом языке²¹¹. Эти авторы и не подозревают, что внешнее сходство, «похожесть» отдельно взятых слов не имеет никакой доказательной силы, ибо случайные совпадения слов, названий, формантов и т. д. в разных языках просто «неизбежны, математически обязательны»²¹². В силу законов теории вероятности в разных языках всегда можно обнаружить несколько десятков соответствий, похожих слов. Можно привести довольно большой список слов, не только совершенно одинаково звучащих, но и означающих одно и то же в языках, [33-34] ничего общего, однако, по своему происхождению не имеющих²¹³. Любые попытки отождествления слов разных языков по их чисто внешнему созвучию с методической точки зрения никак не могут быть оправданы, так как сходно звучащие слова, как отмечалось, могут быть генетически не тождественными²¹⁴. Особенно разительны примеры из области топонимики²¹⁵, т. е. именно той области, к которой относится интересующий нас случай.

Исходя из сказанного, я с полной ответственностью должен заявить, что рассуждения авторов относительно тюркского происхождения хоронима Азербайджан не выдерживают критики, ибо построены зыбко. В трудах этих авторов отсутствует научная основа, не существует никаких критериев построения и проверки этимологии. А рассуждения, не опирающиеся на понимание закономерности предмета, в науке недопустимы. Поступающие так пытаются возродить методы так называемого донаучного периода в науке, методы, подвергнутые уничтожающей критике и высмеянные еще в прошлом столетии²¹⁶.

Хотя аргументация авторов, пытавшихся доказать тюркское происхождение названия Азербайджан, весьма необоснована и не нуждается с точки зрения лингвиста и историка в опровержении, тем не менее эта «идея» нередко попадала на страницы серьезной научно-популярной и даже научной литературы.

Сказанное выше и заставляет меня постараться изложить научную точку зрения на происхождение хоронима Азербайджан.

Разные ранние формы названия Азербайджан, возникшие где-то в конце IV - начале III века до н.э., письменно засвидетельствованы в античное время и в самом раннем средневековье. И вопреки утверждениям некоторых неосведомленных авторов, что первоначальной формой этого названия было «Азэрбајган/чан/»²¹⁷, в источниках засвидетельствованы совершенно другие формы. Конечно, это не «Антарпатиану», которая, по заверениям одного из авторов, тождественна «Атропатене»²¹⁸, и не состоит это название из каких-то сомнительных «андарз»²¹⁹, или «парных теонимов «атро-бют» и т.д.²²⁰. [34-35]

В разных источниках эпохи средневековья упоминаются: Adurbadagan, Ađurbađagan, Azarbazkan, Ađarbadgan, Azarbadegan, Ađarbayjan и др.

В арабском форма Ađarbaijan появилась, по-видимому, не позднее VII века²²¹. Она или близкие к ней формы стали исходной для последующих форм этого названия. Можно быть уверенным, что название «Азэрбајчан» и другие близкие формы через посредство ряда засвидетельствованных в источниках промежуточных форм, являвшихся закономерными фонетическими вариантами одного и того же наименования, восходят к относительно поздним формам, таким, как, например, Ađarbađgan > Ađarbaygan и др., которые прямым образом вытекают из своих архетипов. Следует, однако, указать, что формы этого имени с -а- во втором слове ни в коем случае не могут восходить к широко известной в эпоху раннего средневековья персидской форме Ađurbađagan и должны восходить к незасвидетельствованной в источниках (за исключением двух случаев, см. ниже), но, несомненно, существовавшей форме (формам?), от которой только и могли произойти хорошо засвидетельствованные в арабских источниках названия с -а- во втором слове - *Atarpatakan(a), о чем ниже.

Упомянутые выше ранние формы наименования «Азербайджан», засвидетельствованные в разноязычных источниках в своих закономерных фонетических вариантах, передают собою обычное в иранских словообразование, хорошо разлагающееся на составные части - *Atarpatakan(a) и его варианты.

Этот хороним образован по нормам иранских языков от имени *Atrpata, вернее - его вариантов в том или ином из этих языков и обычного для топонимов суффикса - kan (a) и означает ни что иное, как «Атарпатовская» (для других случаев: «Атурпатовская» и т.д.) [«Принадлежащая Ат^a/рпату», ср., например, парф. Friyapatiya = «Фрияпатиевская», «принадлежащая Friyapatiya» или армянск. Anahtakan = «Анаитинская», «Принадлежащая Анаи-те» и др.]. Атропат, будучи ахеменидским сатрапом (Большой, всей) Мидии, позднее - реальным владыкою только Малой Мидии, в 20-е годы IV века до н.э. провозгласил себя царем последней, которая, кроме Южного Азербайджана и Иранского Курдистана, почти несомненно, охватывала также какие-то районы Советского Азербайджана, возможно, и некоторые другие закавказские области²²².

Новообразованное государство, как об этом определенно свидетельствует такой хорошо осведомленный автор, как Страбон²²³, [35-36] стало называться по имени своего основателя («Атропатовская Мидия свое название получила от... Атропата...»), что, собственно, явствует уже из самого названия Aturpatakan'a, Atropatakan'a и др.

Интересно, что и раннеарабские авторы хороним Ađarbayjan объясняли как происходящий от имени Ađarbad'a²²⁴. Конечно, они о реальном Атропате IV в. до н.э. ничего не знали. Для них Ađarbad — эпический герой²²⁵.

Античные источники, сообщавшие об Атропате, не дают возможности установить его этническую принадлежность. Имя Atrpata в IV веке до н.э. мог носить любой иранец как мидянин, так и перс, парфянин или даже просто выходец из областей Восточного Ирана, хотя более вероятно, что интересующий нас Атропат был мидянином.

Распространение в Малой Мидии, прежней Манне, иранской лексики, в частности антропонимии, в интересующий нас период вполне естественно. Начиная с преахеменидского времени и на протяжении веков главную роль в политической, социальной и культурной жизни Южного Азербайджана играл мидийский этнический элемент. Правда, значительный ираноязычный элемент на этой территории имелся еще в эпоху Маннейского царства, однако в то время там сохранялись и даже преобладали местные этнические элементы. Со времени же мидийского завоевания этноязыковая картина края начинает резко меняться. Мидийское господство в Манне, несомненно, усилило восприятие иранских наречий северо-западной (т.е. Мидийской) группы в качестве языка взаимного общения в Южном Азербайджане. Нет никакого сомнения в том, что мидийско-атропатенская народность Южного Азербайджана эллинистической поры была уже ираноязычной²²⁶.

Atrpata и его закономерные фонетические варианты, известные в разных иранских языках, - обычное, широко распространенное как в древности, так и в раннесредневековое время древнеиранское имя. Это имя носили тезки современника Александра Македонского, жившие еще за много веков до него, и значительно позднее его.

Atrpata - надежно засвидетельствовано для носителей еще древнеиранских диалектов (языков). В Авесте (Яшт, XIII, 102) это имя носил один из первых последователей Заратуштры. Авестийское написание Atərpata - отражает звучание Atrpata (-əṛə - обычная для Авесты графическая передача гласного соната -r-). [36-37]

Точную датировку XIII Яшта установить трудно. Исследователи здесь, как и для большинства других текстов Авесты, далеки от единодушия, но кажется, наиболее вероятным относить этот Яшт к рубежу II - I тысячелетий до н.э. или к началу I тысячелетия до н.э.²²⁷.

Авестийское Atərpata - старейшее из известных свидетельств употребления этого имени. Имя Atrpata - широко известно в иранском мире. Согласно сводке, составленной в конце прошлого века Ф. Юсти²²⁸, имя это отмечено в источниках для 13 лиц. Исследования последних десятилетий значительно увеличили эту цифру.

Следующее по времени за авестийским Atarepata имя Hatarbadda (Ha-tar-ba-ad-da) засвидетельствовано в эламских табличках из Персеполя (таблички знаменитой «крепостной стены»)²²⁹. отождествление Hatarbadda/ Atrpata впервые было предложено Э. Бенвенистом²³⁰, которого позднее поддержал М. Майрхофер²³¹. Имя Hatarbadda засвидетельствовано в Персепольских табличках всего один раз в документе FF 1173 127-й год Дария I - 494/493 год до н.э.).

Имя Atrpata несколько раз встречается и в парфянских документах I века до н.э., обнаруженных на территории Туркмении в Нисе - 'trwpt=Atrapat (вариант - 'trwptk=Atropatak)²³². Интересующее нас имя многократно засвидетельствовано в среднеперсидское время²³³, в книжно-пехлевийской литературе²³⁴ и в надписях на геммах²³⁵. Кроме Adurbad'a засвидетельствованы Adurbacancs. Adurbad-Gusnasp²³⁶.

Вообще следует сказать, что имена с *atr* (где *-r*- слоговой, гласный сонант; ему в разных иранских языках соответствуют: *ar*, *ra*, *əṛə* и др.) откуда *atar-*, *avro-* и др., что означает «огонь», «Огонь» (божество), были весьма популярны и широко распространены в иранском мире, ср., например, авестийск. *Atərə.data* («Созданные огнем»; в греческ. источниках - 'Ατράδατης), *Atərə.civra* - («Происходящий от огня») и др.

Наличие в иранских языках различных форм наименования - *Aturpatakan*, *Atropatakan* и др. объясняется различным произношением имени, от которого происходят они - *Aturpat*, *Atropat* и др., что, в конечном счете, было следствием того, что слово «огонь» в иранских языках произносилось по-разному: *atar-*, *atur-*, *avro-* и т. д.

Итак, из сказанного выше определенно вытекает, что имя *Atrpata* засвидетельствовано только в иранском мире, причем на протяжении более чем тысячелетия. Несомненно также и то, что это - обычное иранское имя и нет никаких оснований видеть в нем титул, [37-38] который будто бы означал «Глава (господин) [бога] Огня» и т. д. Это, кроме всего прочего, невозможно и с точки зрения норм иранских языков, о чем речь пойдет ниже. Ни в коем случае имя *Атропат* нельзя, как это делали у нас чуждые науке дилетанты, уподоблять авестийскому *aeθgaraiti* и *андарзбад*²³⁷. Последние никакого отношения к *Атропату* не имеют.

Сказанное выше позволяет думать, что имя *Атропата*, современника Александра Македонского и основателя Новомидийского царства, известного позднее также под названиями *Атропатена*, *Атурпаткан* и т. д., было обычным иранским именем. Оно имеет «прозрачную» иранскую этимологию.

Попытки этимологизирования этого имени предпринимались неоднократно. Но в иранском происхождении *Atrpata* - никто, кроме неспециалистов²³⁸, никогда не сомневался. Обычно имя это на почве иранских языков объясняли как «охраняемый, защищенный огнем». Греческая передача 'Ατροπ'ατης отражает древнеиранское имя *Atrpata*, буквально означающее «Охраняемый, защищенный [*pata* - перфектное причастие от корня *pa* «охранять, защищать»²³⁹; ср., например, *Miurapata* - (в эламских документах - *Miṣṣabad(d)a*; парфянск. *Mihrpat*) = «защищенный, охраняемый Митрой»; *Bagapata* — (в эламск. документах *Bagabada*, в греческ. Βαγαλατης) = «Защищенный, охраняемый Багой» и др.] Огнем». В данном случае имеется в виду, несомненно, божество огня, хорошо известное по *Авесте*²⁴⁰. Древнеиранское *atr*-«огонь», хотя и восходит к индоевропейской эпохе, однако имеет весьма незначительное количество параллелей в индоевропейских языках. Оно родственно ирландск. *aith* «печь», сербо-хорватскому *vatra* «огонь», возможно, армянск. глаголу *ariel* «сжигать»²⁴¹.

Иранистами предлагались и другие этимологии. Так, в частности, предлагалось видеть в этом имени понятие «жрец огня», «глава (владыка) огня» и т. д. Однако последняя этимология по ряду причин должна быть отвергнута. Дело в том, что имена собственные, восходящие к **atr-pati* «глава (жрец) огня», в иранских не засвидетельствованы. Во всех случаях, где засвидетельствовано это понятие, оно образовано не непосредственно от др.-иранск. *atr-*, а от рефлексов древнеиранской формы именительного падежа - **atrs* или *avrs* - авестийск. *atars*²⁴². Так, в парфянском, как показывают документы из Нисы, таким термином в I веке до н.э. был *'twrspty* = *Aturspati*²⁴³ (позднее это слово в парфянском должно было звучать как **Adursbed*). Невозможность формы *Atr-pati* вытекает также из того, что в этом случае нельзя объяснить долгий *a* в *Adarbadagan/Adarbaygan'e*.

Следует также учесть и то, что форма *Atrpati* - невозможна [38-39] еще и с точки зрения вокализма суффиксального наращения. В этом случае в производном от *Atrpati* ожидалось бы **Adarbadtgan* (> **Adarbaytgan*). Правда, случаи с *i* в топонимических названиях с суффиксом — *kan(a)* нам известны, к ним относится, например, парфянск. *gruptykn* (*gruptkn*) в документах из Нисы (название имения)²⁴⁴, однако *gruptykn* (*gruptkn*) = *Friyaratikan* восходит не к имени собственному **Friyaratī*, а к др.-иранск. **Friyaratīya*, суффиксальному образованию (*-iya*) от имени *Friyapata*, буквально «защищенный любовью (к божеству)»²⁴⁵.

Из сказанного вытекает также и то, что нет никаких оснований искать в древнеиранских *Atrpatakan* (*a*) > *Adarbadgan*, *Adarbayjan* и др. что-либо иное, кроме закономерного производного с обычным для топонимов суффиксом - *kan* (*a*) от имени собственного *Atrpat(a)*.

Что касается греческой передачи имени 'Ατροπατης с *-o-*, то она может быть объяснена либо как собственно греческая адаптация древнеиранского слогового - *g* - (если предположить, что др. - иранск. - *gr* - греч. - *rop-*), либо как отражение формы, свойственной определенным древнеиранским (мидийским?) диалектам. Вероятнее второе. Полагают, что в ряде иранских диалектов - *rw* - уже очень рано произносилось как - *ro* -. В частности, такой выдающийся иранист, как W. B. Henning транскрибировал парфянское *'trw* как *atro*-²⁴⁶, а *'trwptkn*, засвидетельствованный в SKZ (среднеперсидск. *'twrp'tk'n*), как *Atropatakan*²⁴⁷.

Два слова о форме этого хоронима с *-a-* во втором слог. Я выше уже отмечал, что она не могла произойти от персидской формы *Aturpatakan*. Источником интересующего нас названия должна быть,

несомненно, существовавшая форма *Atarpatakan(a). В противном случае неоткуда было взяться широко известным ранним арабским формам с *adar-*, *абар-*, *azar-*, одна из наиболее ранних из которых (в *Adarbijan*) засвидетельствована у Йакута²⁴⁸. Правда, до нас дошли и более ранние, хотя, к сожалению, всего лишь две формы: с *Sdar-* и *atra-*. Это относящаяся ко II - III вв. гемма Калькуттского музея с фигуркой зебу и надписью *Adarpatan*²⁴⁹ и форма *Atrapatakan*, засвидетельствованная в греческой редакции Агафангела²⁵⁰, с другой стороны (и это очень важно), мы знаем, что в иранском мире хорошо известны имена от *atr-* с гласной *-a-* во втором слоге, в частности, упомянутый *Hatarbadda*, 'trynk (=Atarenak; в парфянск. документах из Нисы), «Ατραδάτης и др. И наконец, в новоперсидском известна форма *αδάρ-*, не находящая предшественников в среднеперсидском.

Все сказанное заставляет нас думать, что в какой-то группе иранских диалектов, как полагает В. А. Лившиц²⁵¹, распространенных почти несомненно в (Малой) Мидии, существовала обычная [39-40] для иранских форма *atar- (*адар-*), откуда происходит имя *Atarpat* (a)- и, следовательно, хороним* *Atarpatakan* (a). Кстати, как уже отмечалось выше, еще арабы знали имя *Adarbaδ* -, которое, очевидно, должно было быть им известно из мидийско-атропатенских источников. Что для них этот *Adarbaδ* - был уже эпическим героем - вполне естественно.

Закljučая нашу тему, следует добавить, что сказанное выше позволяет выразить уверенность в том, что существовали во всяком случае две традиционные формы хоронима Азербайджан: одна - среднеперсидская *Aturpatakan*, реальным звучанием которой в III - VII вв. было *Adurbadagan*, и другая - по видимому, мидийская на почве Азербайджана - *Atarpatakan (a). Все последующие формы названия Азербайджан закономерно восходят не к персидской, которая после VII в. стала мертвой, а именно к мидийской *Atarpatakan (a), оказавшейся весьма продуктивной.

Название Азербайджан никак не может восходить к «Антарпатиану». Нет никаких оснований возводить его к «теонимам атар и бют» и толковать как «источник (или: место) бога огня». Азербайджан не означает «глава (владыка, жрец) огня». Наконец, несмотря на большую популярность этимологии Азербайджана как «Страна огней», последнее определенно также должно быть отвергнуто самым решительным образом.

Итак, позволю себе еще раз повторить основной вывод части подлежащей работы. Название Азербайджан через посредство ряда засвидетельствованных в источниках промежуточных форм, являвшихся закономерными фонетическими вариантами одного и того же наименования, восходит к относительно поздним формам, например, *Adarbaugan* и др., которые в конечном счете вытекают из исходной формы - *Atarpatakan (a), что является обычным в иранских словообразовании, означает Атропатовская (*А т а р п а т о в с к а я*) и связана с именем *Atarpa(a)-, др. -греческ. 'Ατροπατης, основателем Новомидийского царства.

С названиями стран, образованными от имени лиц, мы встречаемся и в более поздние времена [ср. Лотарингия - от имени короля Лотаря II; Османская империя (официальное название султанской Турции) - от имени основателя династии Османа I (османами называлось и тюркоязычное население империи); Узбекистан - от имени Узбека; Колумбия - от имени Колумба и т. д.]²⁵².

Иранским был не только хороним, но, как было показано выше, и язык Атропатены. Иранским был язык зороастрийской религии и почти несомненно социально-экономическая, политическая и культурная [40-41] терминология, о чем вполне определенно свидетельствует ситуация в сасанидский период.

Закljučая сказанное выше, мы еще раз со всей определенностью должны сказать, что появившийся уже в античную пору атропатенский этнос - это не есть просто какие-то группы прежнего населения Южного Азербайджана, начавшие говорить на диалектах (средне) мидийского языка. Это, как уже отмечалось, был новый этнос, появившийся в результате ассимиляции местных племен региона.

Таковых примеров в истории великое множество. Например, можно сослаться на процессы обрусения отдельных финно-угорских племен, в частности, *веси*, *муромы*, *мери* и др. Ни один серьезный исследователь не станет утверждать, что нынешнее население северо-восточных областей Руси, где еще, так сказать, в исторический период, каких-нибудь тысячу лет назад, жили упомянутые племена, - это соматически, антропологически финно-угры, перешедшие на славянский, русский язык. Племена эти, как мы хорошо знаем, обрусели по мере продвижения в Поволжье и в зону Приладожья и Белозерья славян²⁵³. Ныне население это в этническом отношении вполне русское.

Анатолийского турка, хотя он, несомненно, и является в определенной мере, во всяком случае, антропологически, потомком древнего населения Малой Азии, вовсе нельзя считать малоазийским автохтоном, перешедшим на тюркскую речь. Это представитель новой этнической общности - турецкой, которая возникла в XV - XVI вв. вследствие ассимиляции местного населения тюрко-язычными племенами.

Араб Египта в соматическом, антропологическом отношении — это в общем древний египтянин. Однако современный египтянин - это не просто древний египтянин, перешедший на арабскую речь. Он - этнически араб, араб, объединенный с арабами других территорий общностью языка, культуры, психического склада²⁵⁴ и т.д.

Все это можно отнести к англичанам, французам, испанцам, румынам, казахам, узбекам, туркменам и многим другим народам.

Сказанное вовсе не означает, что мы вычеркиваем из числа предков азербайджанского народа группы хурритов, кутиев, луллубеев, маннеев и другие племена, обитавшие в зоне Южного Азербайджана и на прилегающих территориях в более раннее время. Упомянутые племена и народы - это предтечи, наша предыстория, от которых мы, конечно, не собираемся отказываться, ибо и англичане, как известно, не начинают свою историю с высадки англосаксов на берега Альбиона, а французы - со времен романизации Галлии, и арабы Египта вовсе не думают, что их история начинается [41-42] с того дня, когда границы страны пересекли арабские всадники с развевающимися на копьях зелеными вымпелами - показателями их новой религии, ни испанцы, ни турки, ни персы, ни кто-либо другой не отрешиваются от истории древнейших насельников обитаемых ими территорий, аборигенов, кои ими поглощены, слились с ними, растворились в них²⁵⁵.

Все племена и народы, обитавшие на земле нашего Отечества, сыграли свою, причем важную роль в этнических процессах, протекавших на интересующей нас территории. Все они вливались в этнические общности, формировавшиеся здесь в разные эпохи, а в конечном счете - в этническую общность, возникшую в последние века до н.э., в формировании которой решающая роль принадлежала мидянам.

На протяжении значительного периода - со времени завоевания Южного Азербайджана мидянами - история края - это история мидян (уже смешавшихся с аборигенами края) в новых условиях, это история новомидийского государства (на протяжении более 300 лет) и т.д. Таким образом, история Атропатены - это продолжение истории части мидян, но уже, так сказать, новых мидян в условиях Южного Азербайджана.

Вот почему мы с полным основанием в числе предков азербайджанского народа называем не только древнейших насельников края, но и пришлых ираноязычных мидян, вся предшествующая история которых в определенной мере становится и нашей историей, историей нашего народа. Через мидян мы приобщаемся к индоиранскому, шире - индоевропейскому миру, обретаем родство с иранцами, индусами, германцами, славянами и др. народами. Именно через мидян мы становимся наследниками и иранской культуры, имея право на этот богатый мир, на эпос, Авесту, зороастрово учение и на многое другое.[42-43]

ГЛАВА 2

ПРЕДЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ ЭПОХА НА ВОСТОКЕ. ЗАВОЕВАНИЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО. КРУШЕНИЕ ПЕРСИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ АХЕМЕНИДОВ

На рубеже V и IV вв. до н.э. кризис и окончательное расстройство персидской государственной системы обозначались уже вполне определенно¹. В конце V века началось восстание в Мидии². В самом начале правления Артаксеркса II отпали кадусии³, против которых был совершен малоудачный поход в 404 г. до н. э.⁴ Вскоре разразилась война с братом царя Киrom Младшим⁵. Между прочим, в этой «гражданской войне» довольно двусмысленно вел себя Арбак - сатрап Мидии и один из главных военачальников Артаксеркса II⁶. Воспользовавшись создавшейся ситуацией, из-под власти персов вновь выходит Египет. Вскоре восстает сатрап Сирии Ариобарзан. Затем началось «великое восстание сатрапов»⁷, вследствие чего от царя отпали почти все западные сатрапии⁸.

К началу 50-х годов IV в. до н.э., когда скончался Артаксеркс, Персидская держава Ахеменидов проявляет все признаки разрушения и быстрого упадка⁹. Империя билась в предсмертных судорогах. Гибель ее была отсрочена на немногие годы Артаксерксом III, кровавым тираном, погубившим 115 своих братьев и уничтожившим всех своих родственников без различия пола и возраста. Однако Артаксеркс III был несомненно деятельным, умным и способным правителем¹⁰. Он вел упорную и кровопролитную борьбу с восставшими племенами и народами, а также со всеми сатрапами. Он усмиряет непокорных и восставших, сражается в Сирии, Палестине, Финикии, Египте¹¹. При Артаксерксе III был совершен также и поход против непокорных кадусиев¹². При нем удалось в какой-то мере упрочить центральную власть. Однако в 338 году до н.э. этот последний крупный правитель дома Ахеменидов был отравлен¹³.

Говоря о событиях последних десятилетий существования Персидской державы, следует отметить, что важнейшими участниками их были также греки. Нельзя забывать, что сама Эллада в IV в. до н.э. переживала глубокий кризис. [43-44] Социально-экономические процессы, имевшие место в греческом мире этого времени, подрывали основы экономики эллинских полисов. Экономическая борьба между отдельными городами-государствами переплеталась с политической борьбой, борьбой за гегемонию в эллинском мире. Длительные военные столкновения приводили не только к взаимному ослаблению борющихся сторон, но и к наемничеству, к разложению античной демократии и поискам новых государственных форм. В Греции все чаще раздавались голоса за объединение всей Эллады под единой сильной властью. Это в первую очередь положило бы конец персидской угрозе. Сильная власть должна была также «устроить» многие тысячи неимущих греков, которым не было места в Элладе и которые угрожали самому ее существованию. А «устроить» этих греков, по мнению сторонников сильной власти, можно было только с помощью отвоевания у Персии по крайней мере Малой Азии. Итак, объединение всей Эллады под единой сильной властью и война с Ахеменидским Ираном...

К середине IV в. до н.э. относится возвышение Македонии. Македонский царь Филипп после битвы при Херонее (338 г. до н.э.) подчинил себе всю Грецию¹⁴. Война с Персией становилась реальностью, однако в разгар приготовления к восточному походу Филипп Македонский был убит.

Но смерть Филиппа не означала краха идеи восточного похода. Молодой македонский царь Александр, обладавший большим государственным умом и блестящим полководческим даром, продолжил дело своего отца. Подготовка к персидской кампании велась широким фронтом. В 336 г. до н.э. на трон царя царей Ирана был посажен представитель одной из боковых линий дома Ахеменидов - Кодоман. История правления этого монарха, принявшего тронное имя Дария III (336 - 330 гг. до н.э.), - это история гибели великой Персидской державы под ударами греко-македонских войск Александра Македонского.

К моменту начала войны Персидская держава вне всякого сомнения представляла собою колосс на глиняных ногах. Персы, несмотря на внешне грозную силу и блеск, практически утратили свою власть над народами. Народные массы вели неустannую борьбу против ига Ахеменидов, непрерывно вспыхивали восстания. Персидский царь, можно сказать, уже не был властен над своими наместниками. Распри, интриги, дворцовые перевороты ослабляли центральную власть. И в армии уже приходилось полагаться не на персов, а на чужеземцев - греков, хорошо осведомленных о внутренней слабости Пер-

сидской державы. Гибель Ахеменидской империи была неминуема. В этих условиях и началась война Александра с персами. [44-45]

Персидская армия нередко и прежде не могла противостоять прекрасно обученным греческим воинам, ратные подвиги которых наводили ужас на противников и приводили в трепет всю Азию. Но теперь персидские армии все чаще и чаще обращались в бегство при виде греческих гоплитов¹⁵. Поэтому войну Александра против Ахеменидской державы никак нельзя считать актом безрассудства¹⁶.

Весною 334 года до н.э. прекрасно оснащенная и дисциплинированная греко-македонская армия переправилась через Геллеспонт (совр. Дарданеллы) и вторглась в Малую Азию¹⁷.

Александр был несомненно одним из величайших полководцев древности¹⁸. В его ближайшем окружении было немало выдающихся командиров - Антипатр, Птолемей, Парменион, Филота, Пердикка и многие другие.

Уже первые шаги молодого царя свидетельствуют о его широких военных планах. Однако в начале Александр едва ли помышлял о полном уничтожении Персидской державы¹⁹, а тем более о мировом господстве²⁰. Возможно, по началу он не собирался идти дальше «отмщения» персам и «освобождения греков», т. е. завоевания Малой Азии²¹.

Первая битва между двумя противниками состоялась в мае 334 года до н.э. на берегах реки Граник. Хорошо подготовленная к войне армия Александра²² нанесла крупное поражение армиям малоазиатских сатрапов, приступивших в то время к запоздалым приготовлениям к сражению.

Вторая битва Александра с персидскими армиями, во главе которых теперь стоял сам Дарий III, произошла в 333 году до н.э. в районе древнего киликийского города Исс, в узкой долине между морем и горами (на границе Северной Сирии). И это сражение кончилось победой греко-македонян. Персы были разгромлены. Дарий III позорно бежал с поля боя. Александру досталась огромная добыча. Он захватил также мать, жену и двух дочерей царя царей. Следует отметить, что в этом сражении вместе с персами участвовали и мидяне²³.

В результате второй битвы Малая Азия перешла под власть Александра. Несмотря на большие масштабы антимакедонского движения, охватившего значительные области Македонии, Фракии, Греции, Крита, Малой Азии и др. территорий, а также на сильное сопротивление крупных торговых городов Финикии и Палестины (Тира и Газы) Александру удалось победить своих противников и овладеть Египтом, где он провел зиму 332/31 г. до н.э. Таким образом, македонский царь захватил все порты восточного побережья Средиземного моря, лишил флот персов его баз, обеспечил свое господство на море и обезопасил свои коммуникации. [45-46]

Уже весной 331 г. до н.э. Александр вновь появился в Азии. Вскоре греко-македонские войска перешли Евфрат и Тигр и стали лагерем вблизи от Арбелы, у селения Гаугамела. Здесь 1 октября 331 года до н.э. произошло третье сражение между войсками Александра и Дария III²⁴. Битва у Гаугамелы была одним из самых крупных сражений древности. Она была самой трудной из всех битв, которые пришлось вести македонскому завоевателю до тех пор. Оба противника, как персы, так и греко-македоняне, прекрасно понимали важность этого сражения²⁵.

Армии Дария III были разгромлены. Царь царей позорно бежал с поля боя еще до того, пока исход битвы еще не был решен. Войска сражались. На некоторых участках персидские отряды даже теснили греко-македонян. Бежал царь с несколькими сатрапами и небольшой группой войск в Экбатаны - бывшую столицу Мидии. Однако и греко-македоняне понесли в этой битве самые крупные с момента начала похода потери²⁶.

Александру был открыт путь ко всем жизненно важным центрам Ахеменидской державы²⁷. Он захватил Вавилон и Сузы, а затем вторгся в Персиду. Обе столицы персов - Пасаргады и Персеполь - были захвачены. Македонскому завоевателю досталась здесь огромная добыча в 120 тысяч талантов серебра и золота, много золотой и серебряной посуды, а также различных драгоценностей. Персепольский царский дворец был предан огню²⁸.

Однако, невзирая на все это, Дарий III не думал складывать оружие. Он, как уже отмечалось выше, бежал в Мидию и здесь стал собирать войско.

О положении в Мидии, в частности Южном Азербайджане, так же, как и в Северном, в этот период мы почти ничего не знаем. Нам известно, что мидяне под предводительством ахеменидского сатрапа Мидии Атропата участвовали в гаугамелской битве²⁹, что в этом сражении «соединены были с мидянами кадусии, и албаны, и сакесины»³⁰. Последнее обстоятельство, а также последующие события дают нам возможность предположить, что Атропат, сатрап X (мидийской) сатрапии, в тяжелые для Ахеменидского дома годы, по-видимому, смог прибрать к рукам земли, во всяком случае, значительную часть их, входившие в XI и XIV сатрапии. Только поэтому в битве при Гаугамеле с мидянами «соединены были»³¹ кадусии³² и албаны³³. Что касается сакесин, то они, возможно, еще раньше входили в состав Мидии³⁴. Таким образом, Атропату фактически подвластна была, возможно, вся территория Южного и значительная часть (если не вся) территории Северного Азербайджана. Ему подчинялись, очевидно, и

другие области, входившие в Мидийскую сатрапию (земли так называемой Большой, или Нижней Мидии и некоторые другие районы). Возможно он владел какой-то частью и Западного Закавказья (см. ниже). [46-47]

Мы не знаем, каковы были взаимоотношения Атропата и Дария III после гаугамелской битвы. Можно думать, однако, что отношения их не были разорваны, ибо Дарий III, как упоминалось выше, бежал в Мидию. Именно здесь персидский царь намеревался продолжить борьбу с Александром³⁵. Здесь он пытался сколотить новое войско и достиг в этом отношении, кажется, некоторых успехов³⁶. В Мидии же он ждал помощи кадусиев и скифов³⁷, под последними из которых, вероятно, следует разуместь тех же сакасин.

Сказанное дает какое-то основание считать, что в ту пору Атропат и его союзники поддерживали Дария III. Об этом же, по-видимому, свидетельствуют, так сказать, антиатропатовские действия Александра. И действительно, македонский царь, начав наступление на Мидию из Паретакены, в первую очередь отделил последнюю от Мидийской сатрапии³⁸. Затем он назначил в Мидию нового сатрапа³⁹.

Однако несколько позднее положение изменилось. Выяснилось, что союзные с Атропатом кадусии и скифы не поддержали Дария III⁴⁰. Очевидно не поддержал царя царей и сам Атропат. Вот почему Дарий III, покинув Экбатаны, бежал в восточные провинции монархии, где вскоре и погиб⁴¹. По всей вероятности уже во время наступления Александра на Мидию Атропат представил ему доказательства своей лояльности. Важным в этом отношении является и то, что Экбатаны не сопротивлялись греко-македонянам и что сюда была свезена захваченная персидская казна⁴². Все это, возможно, звенья единой цепи, которые свидетельствуют об изменении политики Атропата, перешедшего на сторону Александра. И недаром Атропат вскоре (в 328 году до н.э.) был восстановлен в своей прежней должности⁴³.

Последний представитель царствующего дома погиб, Ахеменидская империя персов окончательно развалилась. Распад ее был вполне закономерным. Правда, борьба еще продолжалась. Но отныне все силы, противостоящие Александру, сконцентрировались только в Восточном Иране и Средней Азии⁴⁴. На замирение их македонский завоеватель потратил немало сил и времени⁴⁵.

После смерти Дария III Александр стал преемником Ахеменидов, царем Азии. Это был поворотный пункт истории⁴⁶. Новый порядок, устанавливаемый Александром, эллинистический период - это конец эпохи могущества Ирана. Для самих персов это не только конец могущества их мировой державы, но и начало эры иноземного владычества и раздробленности⁴⁷.

Давая общую характеристику ахеменидского периода, мы должны отметить, что Персидская держава была прямой наследницей Мидии⁴⁸, а в определенной мере - и Урарту⁴⁹ и даже Ассирии⁵⁰. [47-48]

Значение ахеменидского периода в истории народов Древнего Востока несомненно велико. Ахемениды сумели в течение значительного отрезка времени обеспечить относительный мир на обширнейшей территории, начиная от Египта и кончая границами Индии. Ахеменидская держава, просуществовавшая более двух веков и оказавшаяся одной из относительно прочных империй древности, сыграла очень важную роль в социально-экономической, политической и культурной жизни народов, входивших в ее состав.

По социально-экономическому укладу своему Ахеменидская империя была крайне неоднородной и пестрой. В нее, наравне с экономически развитыми областями Малой Азии, Сирии, Финикии, Египта, Вавилонии, Южного Азербайджана и др., входили также кочевые племена арабов, скифов и др., часть из которых, несомненно, находилась на стадии разложения первобытнообщинного строя.

В ахеменидский период произошли значительные социально-экономического характера изменения⁵¹. Это явственно заметно в системе земельных отношений, в активной деятельности торговых домов, в масштабах и характере использования рабского труда и т. д.⁵²

Важнейшее значение в экономической жизни империи имело сельское хозяйство. Основным источником богатства ахеменидской державы была земля. Значительная часть обрабатываемой земли являлась собственностью царя⁵³. Значительно было развито скотоводство. Широко славились нисейские кони, разводимые в Мидии.

Весьма высокого уровня развития в Ахеменидской державе достигло ремесло. Особо следует отметить гигантских масштабов строительную деятельность персидских царей⁵⁴.

Велико было значение торговли. Ахемениды всемерно поощряли внутреннюю и международную торговлю. При Ахеменидах была создана единая государственная денежная система, а также налогово-податная система. Персидские цари поощряли урбанизацию. Все это не могло не содействовать росту товарно-денежных отношений⁵⁵.

Ахемениды достигли больших успехов в организации государственного аппарата, административной системы с делением государства на сатрапии. Каждая сатрапия выплачивала царской казне твердо определенную сумму. Например, «...Мидия, парикании и ортокорибантии платили 450 талантов»⁵⁶,

«Каспии, павсики, панти-маты и дарейты платили 200 талантов»⁵⁷, «Саргати... утии, мики... платили 600 талантов»⁵⁸ и т.д.

Во время ахеменидского владычества была создана хорошо налаженная почтовая служба⁵⁹.

[48-49]

Период господства Ахеменидов характеризуется интенсивными процессами этнических смешений и синкретизации культур и религиозных воззрений многочисленных народов империи⁶⁰. Персидские цари широко применяли массовые переселения⁶¹. Они создавали во многих странах также военные колонии из представителей различных народностей⁶².

На строительстве дворцов персидских царей трудились представители почти всех народов империи⁶³.

Оживленные этнические, экономические и культурные контакты, встречи представителей разных племен и народов «в едином мире персов»⁶⁴, процессы смешения и синкретизации - все это способствовало синтезу научных знаний⁶⁵, приемов искусства⁶⁶ и архитектуры⁶⁷, слиянию различных религиозных воззрений⁶⁸ и постепенному возникновению, по существу, новой материальной и духовной культуры, благоприятствовавшей в последующий период распространению эллинизма⁶⁹. Достижения, имевшие место в ахеменидский период, продолжали играть большую роль в истории Востока и позже - в парфянский и сасанидский периоды⁷⁰.

Таким образом, ахеменидские традиции, культура и искусство⁷¹ были созданы не одними лишь народами самого Ирана и, конечно, не одними только персами. Особенно большую роль в формировании ахеменидской культуры играли народы и племена Закавказья⁷², а также степных территорий к северу от них⁷³. Это объясняется не только непосредственным соседством Закавказья и Средней Азии с Ираном⁷⁴, но и «продолжительными контактами в предахеменидский период и особенно многими общими чертами этнокультурного населения иранских племен, создавших Мидийское и Ахеменидское государства, и племен, обитавших далее к северу вплоть до евразийских степей»⁷⁵.

Несомненно и то, что существование Ахеменидской державы сыграло важную роль в историческом и культурном развитии народов Средней Азии, Закавказья⁷⁶, и некоторых других регионов⁷⁷.

Археологический материал с полной очевидностью свидетельствует об относительно тесных связях племен, населявших области Северного Азербайджана с Ахеменидским Ираном.

Сарытепинские памятники (район Казах), например, свидетельствуют не только о связях с Ираном, но и, как кажется, позволяют говорить об ахеменидских традициях в материальной культуре названной округи. Традиции эти можно проследить и в районах Мильской степи, где засвидетельствованы городища середины I тыс. до н.э., рубежа и первых веков н.э., в частности такие, как Каратепинское, Тазакентское и др. Несомненно, культура Ахеменидского Ирана благотворно влияла на культуру племен Северного Азербайджана, обогащала ее⁷⁸. [49-50]

Говоря о влиянии ахеменидской культуры на Азербайджан, следует помнить, что сам ахеменидский феномен в немалой степени зиждился на мидийских традициях, которые, по крайней мере, в Южном Азербайджане стали «своими» уже в первой половине I тысячелетия до н.э.

Отмечая роль и значение ахеменидского периода в истории народов нашей Родины, мы еще раз должны указать и на то, что древние насельники областей Закавказья, Средней Азии и некоторых других районов СССР принимали активное участие в жизни Ахеменидского государства и сложении его культуры. Поэтому «мы вправе рассматривать ахеменидский период как важный этап в истории народов нашей страны»⁷⁹. [50-51]

ГЛАВА 3

АТРОПАТ - АХЕМЕНИДСКИЙ САТРАП МИДИИ. ОБРАЗОВАНИЕ НЕЗАВИСИМОГО ГОСУДАРСТВА МИДИЯ АТРОПАТЕНА (МАЛАЯ МИДИЯ) НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО АЗЕРБАЙДЖАНА

Ситуация в Южном Азербайджане, как и во всей империи, в V - IV вв. до н.э. была беспокойной. Мы знаем о вражде и борьбе сатрапов, многие из которых вели себя как цари и величались их подданными «царями»¹. По-видимому, одним из таких «царей» и был сатрап Мидии Атропат.

Атропат, которому суждено было сыграть исключительно важную роль в истории региона, впервые в источниках упоминается под 331 годом до н.э. при описании знаменитой гаугамелской битвы², завершившейся полным разгромом Ахеменидской державы. Есть сведения и о том, что перед битвой Атропат командовал конной разведкой, высланной персидским царем³. Правда, автор этого сообщения свидетельствует о том, что Атропат погиб в сражении, которое произошло между отрядом пеонийцев (жителей Иллирии) Аристона и тысячным отрядом персидских всадников⁴, что, конечно, неверно, ибо хорошо известно, что Атропат позднее стал основателем царства, которое называлось Малой Мидией, или Атропатеной.

В разные периоды ахеменидского владычества отдельные части территории Южного Азербайджана входили в состав X, XI и XIV Сатрапий. Мидийская, или X, сатрапия включала в себя кроме территории прежнего Мидийского царства (не империи!), областей Южного Азербайджана (Асагарт - времен Дария I), также и земли париканиев и ортокорибантиев⁵ (=скифов-сакесин). Однако мы знаем, что в гаугамелской битве мидяне, которыми командовал Атропат, «были соединены» с кадусиями, албанами и сакесинами⁶. Последнее обстоятельство, а также последующие события дают нам возможность полагать, что мидийский сатрап Ахеменидов в тяжелые для центрального правления годы проводил довольно независимую политику, прибрал к своим рукам земли (по крайней мере значительную часть их), входившие, судя по всему, в XI и XIV сатрапии. Во всяком случае, Атропат наладил какие-то союзнические, возможно, союзническо-даннические отношения с населенниками упомянутых сатрапий. И только поэтому непокоренные [51-52] персами кадусии в битве при Гаугамеле выступали как союзники («были соединены») мидян, а не Персидской державы в целом⁷. По-видимому, такими же союзниками сатрапа Мидии, а не подчиненными Персидской империи, были албаны и сакесины.

Кадусии почти несомненно должны быть связаны с XI сатрапией, куда входили каспии, павсики, пантиматы и дарейты⁸. Неупоминание их Геродотом, возможно, следует объяснить тем, что кадусии, как кажется, скрываются под наименованием «каспиев»⁹, являвшимся, быть может, общим обозначением племен юго-западного Прикаспия¹⁰. Необходимо отметить, что и позднее понятия «Земля кадусиев» и «Земля каспиев» употреблялись как однозначные¹¹. Есть основания полагать, что в XI сатрапию входили и албаны, которые, как полагают авторитетные авторы, также скрывались под наименованием «каспи-ев»¹².

По Геродоту, в XI сатрапию входили каспии, павсики, пантиматы и дарейты¹³. Кстати, Земля дарейтов, по Птоlemeю (VI, 2, 6; ср. Plin., NH, 6,95), составляла особую и большую часть Мидии. Последнее возможно только в том случае, если Южный Азербайджан (где, судя по всему, обитали дарейты) считался уже Мидией.

В XIV сатрапию входили обитавшие в кура-араксинских районах утаи и мики, а также сагарты¹⁴, последних из которых следует локализовать в областях Южного Азербайджана и на прилегающих землях.

Сказанное выше позволяет нам высказать уверенность в том, что вся территория Южного Азербайджана, по-видимому, и значительная часть земель Северного Азербайджана, в той или иной степени была подвластна Атропату. Ему подчинялись, конечно, и другие области, входившие в Мидийскую сатрапию, - земли так называемой Большой, или Нижней, Мидии, возможно, и некоторые другие районы.

То, что Атропат хотя бы в какой-то мере владел областями Восточного Закавказья - свидетельствует о преемственности политики, идущей от царей Мидийской державы, которые, судя по всему, считали этот район своим достоянием¹⁵.

Есть некоторые основания полагать, что власть Мидийской державы в какой-то мере распространялась и на отдельные районы Западного Закавказья, в частности на области исторической Грузии¹⁶. Интересно, что, по Геродоту (1, 104), «из Колхиды недолго проникнуть в Мидию» (имеются в виду границы Мидийской державы, а не исторической Мидии)¹⁷. Тот же автор сообщает, что скифы намеревались «вторгнуться в Мидию возле реки Фасис» (здесь, по-видимому, Риони, менее вероятно - Чорох)¹⁸. Сказанное позволяет подкрепить высказанное выше предположение. Не приходится сомневаться в том, что во всяком случае Ахемениды владели этими [52-53] областями. Это определенно вытекает из указания «отца истории» (Ш, 97) о том, что власть персов простирается до Кавказского хребта. Ряд обстоятельств позволяет полагать, что земли (или часть земель) исторической Грузии входили в состав Мидийской сатрапии¹⁹ или по крайней мере находились под ее эгидой. В пользу высказанного предположения в какой-то мере свидетельствует сообщение Полибия, писавшего свой труд во II веке до н.э. Греческий автор, говоря о событиях последней четверти III века до н.э., сообщает, что некоторые части Атропатены «возвышаются над Понтом (Черным морем. - И. А.), в местах выше Фасиса (по-видимому, р. Риони. - И. А.), а с другой стороны она доходит до Гирканского (Каспийского. - И. А.) моря» (Polyb., V, 55). Почти несомненно, что картина эта восходит к ахеменидской, возможно, даже к мидийской эпохе. Атропатиды, очевидно, и сам Атропат владели этими областями по традиции, ибо они по существу явились политическими преемниками владык Мидийской сатрапии. Только допустив эту возможность, мы сможем объяснить факт наличия значительного иранского, в частности мидийского, влияния, которое обнаруживается в социальной терминологии грузинского языка²⁰, в именах грузинских царей и т.д. Наконец, то обстоятельство, что, по мнению авторитетных ученых, язык, на котором составлена одна из версий армазской билингвы (II век), является близким к среднемидийскому (атропатенскому) языку²¹, определенно должно свидетельствовать о мидийских традициях в областях исторической Грузии, что могло быть только следствием политического господства мидийских элементов на интересующих нас территориях, которые несколько позднее были захвачены армянскими царями (см. ниже).

Говоря о времени возникновения Атропатены, со всей определенностью следует указать, что ни о каком Атропатенском государстве, якобы существовавшем уже в ахеменидское и даже доахеменидское время, речи быть не может. Это утверждение, с которым мы встречаемся в нескольких специальных работах²², зиждется на целом ряде недоразумений и ошибочных положений. Оно не подтверждается ни древневосточными, ни античными источниками, за исключением разве только в тексте у Полибия, что и противоречит всему тому, что нам известно по этому вопросу.

Сам контекст труда Полибия, в котором говорится о том, что «Царство это (т.е. Атропатена. - И. А.) сохраняется еще со времени персов (т.е. Ахеменидов. - И. А.)» (Polyb., V, 55, 9), содержит в себе противоречия²³. Но не в этом дело, а в том, что в интересующем нас случае у Полибия, по-видимому, отразилась, так сказать, неофициальная традиция. Выше уже отмечалось, что в эпоху ослабления Ахеменидской державы многие из сатрапов [53-54] (очевидно, и Атропат) вели себя как цари и даже величались их подданными «царями». Только поэтому Полибий (или его источники) и называет интересующую нас область еще до того, как она превратилась в самостоятельное государство, «царством». На деле никакого «царства» и «царя» не было. Были, как об этом сообщают древнеперсидские и античные источники, сатрапия и сатрап. Причем, не атропатенские сатрапия и сатрап, а Мидийская сатрапия и сатрап Мидии. Атропатенское же царство возникло несколько позднее.

Мы почти ничего не знаем о том, каковы были взаимоотношения Александра и Атропата в начальный период после разгрома Персидской империи. Правда, есть некоторые основания думать, что они были враждебны. Атропат, как кажется, не явился к Александру, последний же, судя по всему, отстранил его от должности, назначив на его место некоего Оксодата²⁴. Возможно, вначале Атропат намеревался вступить в борьбу с Александром. Быть может, намек на это кроется в сообщении Страбона о том, что Атропат «не допустил, чтобы эта страна (будущая Атропатена.— И. А.) - стала подвластна македонянам»²⁵, хотя возможно и иное толкование этого места у великого географа (см. ниже).

Бесспорно, однако, то, что Атропату вскоре удалось наладить взаимоотношения с македонянами.

Возможно, что уже во время наступления Александра на Мидию (речь о Нижней, или Великой, а не Малой Мидии - будущей Атропатене) через Паретакену, которую он между прочим отделил от Мидийской сатрапии, Атропат дал македонскому правителю заверение в своей верности и представил тому доказательства. Только потому, очевидно, Атропат в 328 году до н.э. был восстановлен в должности сатрапа Мидии²⁶. Фактически, однако, власть Атропата распространялась, по-видимому, только на Малую Мидию (с зависимыми от нее областями Закавказья), ибо в Нижней (Великой) Мидии в ту пору хозяйничали греко-македоняне²⁷.

Атропат был, несомненно, крупным государственным деятелем. Будучи весьма талантливым и даже выдающимся человеком, трезвым политиком, дальновидным дипломатом, Атропат прекрасно понимал бесполезность военной борьбы с Александром. И потому он избрал путь переговоров, сближения с греко-македонянами, участвуя при этом в различного рода мероприятиях нового владыки Востока.

При всем этом важно отметить, что Атропат действительно «не допустил» (как бы мы ни понимали само это выражение) завоевателей на территорию Атропатены. И, несмотря на наличие в традиции, идущей от поздней античности (см., например, у Плиния, IV, 10, 39 и др. авторов), утверждения, сохранившего силу еще в эпоху средних веков (в частности, у Низами), о завоевании

[54-55] македонянами земель Азербайджана и даже Кавказа, оно не имеет под собой реальной основы. И в самом деле, Александр в лучшем случае только доходил до границ Атропатены, но не вступал на ее территорию. Интересно, что македонский завоеватель, захватив Гирканию и подчинив себе воинственные горные племена тапуров и амардов²⁸, с целью покорения кадусиев, обитавших на севере Атропатены, оставил в Экбатанах Пармениона с целью, чтобы тот напал на них с юга (т. е. через Атропату)²⁹. Однако план этот остался не осуществленным. Что помешало этому - мы не знаем.

В ту пору обстановка в только что сколачиваемой огромной и неустроенной державе была действительно сложной и очень неустойчивой; господствовали своеволие и коррупция, сатрапы, беззастенчиво грабившие беззащитное население, вели себя весьма независимо. Вскоре новоявленный царь на длительное время был отвлечен неотложными делами в глубинах Азии и более чем пять лет отсутствовал в центральных областях империи.

Атропат и на сей раз, как и прежде - в период ахеменидского аладычества и последовавшие годы лихолетья, несомненно, с большой пользой для себя и на благо отечества своего использовал тот значительный отрезок времени (со дня восстановления в должности сатрапа в 328 году и до возвращения Александра из индийского похода в начале 324 года), когда македонский завоеватель, у которого, при всем его величии, бешеные вспышки гнева нередко чередовались с унынием, во имя осуществления державного замысла вел жесточайшую войну с непокорными племенами и народами Восточного Ирана и Средней Азии, раскрывал заговоры, казнил, миловал, истреблял сотни тысяч людей - целые племена, предавался разгулу и кутежам, закладывал города, брал и сносил с лица земли крепости, мечтая о «слиянии» народов в «единый мир», наводил новые порядки и т.д.

Для Малой Мидии, будущей Атропатены, это был период внутреннего роста и созревания, - время, когда постепенно закладывались основы могущества ее и предстоящей ей самостоятельности.

В марте 324 года Александр вернулся из индийского похода в Сузы. Теперь царю, объявившему себя богом, мечтавшему о создании (по преимуществу из элиты) единого господствующего народа «эллиноперсов» (а отнюдь не об «интернациональном» сближении и «братстве народов», как это часто утверждается в немарксистской историографии³⁰), предстояло править созданной им великой империей.

Александр хорошо понимал необходимость религиозного единства в мировой державе. В установлении своего культа царь видел идеологическое оформление созданной империи³¹. Объективно этот культ способствовал впоследствии развитию тенденции монотеизма в условиях религиозного синтеза³².

[55-56]

Религиозными исканиями царя, вызванными государственной необходимостью, следует объяснить и то, что он со всей серьезностью относился к учениям Заратуштры и магов³³. Об этом интересе говорит хотя бы то, что Александр повелел греку Феопомпу изучать религиозные книги зороастризма³⁴.

Решение сложной задачи управления пока еще неустроенной державой Александр начал с грандиозного мероприятия - «слияния» представителей македонской и иранской аристократии путем бракосочетания, с массовых свадеб в Сузах. Сам Александр первым подал пример, женившись одновременно на двух персидских царевнах. Ему последовали 80 «друзей» царя, женившись на знатнейших в жены азиатских женщин. Распространенное мнение о том, пять дней. Оно сопровождалось необычайной роскошью. Только на золотые подарки было истрчено 15 тысяч талантов. Каждый из воинов, участвовавших на пиру, получил по золотому кубку. На пиру выступали актеры и жонглеры, рапсоды (странствующие певцы-исполнители эпических песен) и музыканты и т. д.³⁵ Александр решил соединить родственными узами не только царствующие дома, но и македонскую высшую и служилую знать с иранскими аристократическими родами. Наследникам их предстояло управлять в будущем мировой империей. Никакое «романтически варварское великолепие» (Ф. Шахермайр) не может скрыть холодный расчет, чисто политический характер «бракосочетания в Сузах»³⁶. Это мероприятие напоминало действие селекционера: приближенные царя, повинувшись высшим государственным интересам, превратились в стадо, которое погнало на случку³⁷. Александр был типичным деспотом. Он знал только один закон - энтелехию* его личности и идентичную ей идею государственности. И свадьба в Сузах как бы символически показывает отношение македонского завоевателя к окружающему миру, к людям, которых он рассматривал в качестве орудий, простых марионеток³⁸.

---

* Энтелехия - в философии Аристотеля целеустремленность, целенаправленность как движущая сила, активное начало, пре-
вращающее возможность в действительность

За знатью последовали и 10 тысяч македонских воинов, взявших в жены азиатских женщин³⁹. Распространенное мнение о том, что свадьба воинов праздновалась одновременно со свадьбой знати, опровергается данными Арриана (VII, 4, 8; ср. *Arr. Anab.*, VII, 12, 2; Chares, fr. 4).

«Бракосочетание в Сузах» интересно для нас прежде всего тем, что участвовавший в этом пиршестве Атропат значительно укрепил свои позиции, войдя в элитарный круг новых хозяев Азии, первых представителей нового порядка. Атропат оказался весьма дальновидным в выборе родства: он выдал свою дочь замуж за [56-57] одного из могущественнейших людей из окружения нового владыки Востока - Пердикку. Атропат продолжал политику сближения с македонянами. Совершенно бесспорно, что царь был доволен Атропатом, который не был обвинен ни в каких злоупотреблениях. К слову следует сказать, что во время длительного отсутствия царя в завоеванных областях пышно «расцвели» всякого рода злоупотребления, насилие, казнокрадство, коррупция и т.п. Александр всеми силами боровшийся против этих зол, нещадно карал и казнил виновных сатрапов⁴⁰. Атропат был вне подозрений и на деле доказал желание сотрудничать с завоевателями.

К концу лета 324 года до н.э. положение в Мидии значительно осложнилось: некто Бариакс поднялся на борьбу против македонских завоевателей. Бариакс, вероятно, стремился восстановить Ахеменидскую державу, что, как кажется, видно из того, что инсургент провозгласил себя царем Персии и Мидии.⁴¹

Неотложные дела позвали Александра в Мидию⁴². Атропат собственными силами подавил восстание Бариакса, захватил его в плен и выдал македонянам, которые и казнили его в Пасаргадах⁴³.

Находившийся в Мидии Александр посетил знаменитую область Вагистан (Бехистун)⁴⁴. Затем царь провел месяц на Нисейских полях, где с древнейших времен выращивалась знаменитая порода коней, слава которых и сами они позднее достигли Китая, где и получили название «небесных коней»⁴⁵. В старину на Нисейских полях паслось 160 тысяч голов, а ко времени правления Александра, вследствие грабежей, учиненных, по-видимому, македонской военщиной, осталось только 60 тысяч коней⁴⁶. На Нисейские поля прибыл и Атропат, пожелавший встретить царя у границ своей сатрапии. Александр был доволен своим сановником, и некоторое время держал его при себе⁴⁷. Вскоре царь со своим войском прибыл в Экбатану, где предавался пиршествам и празднествам. Посещал театры, куда только из Эллады прибыло три тысячи актеров, гимнастические и музыкальные состязания, что сменялось попойками и т.д.⁴⁸ Во время одного из частых в ту пору торжеств Атропат для развлечения Александра привел с собой отряд из ста всадниц, которых, как сообщает Арриан, «полагали амазонками»⁴⁹. Кто они на самом деле - сказать трудно, хотя Страбон и помещает амазонок «в горах над Албанией»⁵⁰. Возможно, в «амазонках» следует видеть воинственных женщин из скифо-сакского населения, отдельные группы которого проникали в Азербайджан еще в глубокой древности и были известны под названием скифов, ортоко-рибантиев, сакасен и др.

Только подобного рода действиями Атропат «не допустил», чтобы страна его «стала подвластна македонянам». Атропат, как кажется, был одним из очень немногих, если не единственным из числа сатрапов развалившейся и завоеванной Александром [57-58] Ахеменидской державы, который смог сохранить власть хотя бы над частью управляемого им края, а несколько позднее провозгласить себя царем независимого уже государства.

Перебив в Мидии в зиму 324 - 323 гг. до н.э. множество коссеев (касситов?) и основав на их землях города⁵¹, Александр покинул пределы этой страны и направился к Вавилону, который, возможно, был избран столицей державы⁵².

Сюда, в Вавилон, весной 323 года до н.э. прибыли послы, чтобы приветствовать Александра как нового бога. Царь был полон планов, а в июне того же года Александр скончался от жестокой болезни⁵³.

Атропат не участвовал в совещании сатрапов и полководцев Александра, имевшем место в Вавилоне в 323 году до н.э., после безвременной кончины царя, когда регентом державы стал зять Атропата Пердикка. На этом совещании Мидийская сатрапия была отдана Питону. Речь могла идти, конечно, только о Великой Мидии, но никак не о Малой, которой фактически и формально управлял тесть Пердикки. Лишать Атропата власти не было никаких оснований и не только потому, что он был ближайшим родичем первого человека империи, но и потому, что он вел себя как верный новому порядку сатрап. О том, что Атропат не был лишен сатрапской власти, свидетельствуют и последующие события.

В 321 году до н.э. после гибели Пердикки состоялся второй раздел сатрапий. Сатрапия Атропата в раздел не поступила. По-видимому, с этого времени Малую Мидию можно считать самостоятельным государством.

Все сказанное позволяет полагать, что в конце 20-х годов IV века Атропат, бывший персидский сатрап, по происхождению своему, возможно, мидянин, становится самостоятельным правителем нового государства, официально называвшегося Мидией, а позднее часто по имени своего первого владыки - Атропатеной - в античных, *Атарпатаканом (известны и другие родственные формы) - в восточных источниках.

Малая Мидия стала первым государством Востока, добившейся политической независимости от македонских завоевателей. Вот уникальный текст из «Географии» Страбона: «Мидия делится на две части. Одну часть называют Великой Мидией... Вторая часть - это Атропатийская Мидия. Свое имя она получила от военачальника Атропата, который не допустил, чтобы эта страна, как часть Великой Мидии, также стала подвластной македонянам. Действительно, провозглашенный царем, Атропат сделал по собственному решению эту страну независимой, и еще теперь наследование сохраняется в его семье, так как его потомки вступали в браки с армянскими и сирийскими царями, а позднее - с парфянскими... Это довольно [58-59] значительная в смысле военной силы страна, так как она может... выставить 10000 всадников и 40000 пехотинцев...»(XI, XIII, 1). Итак, через более чем два с половиной века после падения Маннейского государства в Азербайджане вновь появилось самостоятельное государство. Переоценить значение этого по истине эпохального события трудно. Значение его в исторических судьбах населения края было огромно. След, оставленный им в древней и ранне-средневековой истории края и даже более - части Переднеазиатского Востока, несомненно, велик.

Возникновению Новомидийского государства Атропата способствовало несколько обстоятельств, удачно наложившихся друг на друга. Одну из главных причин, способствовавших возникновению этого государства, следует искать в весьма высоком уровне экономического, социального, культурного и политического развития интересующего нас региона, который был в значительной мере ведущим на протяжении всей древней истории плато. Другим важным фактором была сама политическая ситуация, сложившаяся во время правления как самого Александра (как отмечалось выше, благожелательно относившегося к Атропату), так и в первые годы после его смерти, когда македонские военачальники, занятые дележом наследства великого македонца, «проглядели», по выражению Полибия, момент образования на периферии эллинистического мира, в стороне от главного театра военных действий, нового государства. Немалую роль играли также родственные связи Атропата. Конечно, огромное значение имели личные качества Атропата, несомненно, опиравшегося в своих деяниях на широкую поддержку местного населения, не желавшего подчиняться власти иноземцев.

Говоря о местном населении Атропатены и некоторых смежных областей, никак нельзя сбрасывать со счетов особую воинственность и могучую силу некоторых из ее племен, особенно - кадусиев⁵⁴ и каких-то групп скифского населения. Ведь недаром Дарий III, когда он был уже трижды разбит и почти все его войска были уничтожены или покинули его, возлагал последнюю надежду на кадусиев и скифов. Хотя они и не поддерживали последнего Ахеменида, но расчет на них, как на значительную силу, на которую можно положиться, весьма характерен и говорит о многом. Именно опора на эти племена Азербайджана, по всей вероятности, и позволила Атропату, сохранив власть, пережить других сатрапов. Без этих воинственных племен Атропату едва ли удалось бы не только создать самостоятельное государство, но и уберечь собственную голову в те беспокойные годы⁵⁵.

К сожалению, мы ничего не знаем о характере Новомидийского государства. Можно только предполагать, что в Атропатене установился достаточно типичный для того времени политический строй [59-60] деспотической монархии, как то имело место в ряде других, возникших в ту пору государствах - в Вифинии, Понтийском царстве, Каппадокии и др. Позднее политический строй Атропатены, возможно, в какой-то мере меняется, и она, быть может, превращается в теократическое государство - своеобразную Папскую область, что, очевидно, было связано с той огромной ролью, которую играли в государстве мидийские маги.

Мы не знаем, как проходили годы правления Атропата, каковой была его внутренняя политика, каковы события внешнеполитической жизни. Не знаем даже, когда умер этот первый атропатенский венценосец, кому оставил он свой престол. Но, судя по событиям последующих десятилетий и даже столетий, годы правления родоначальника атропатенского монаршего дома были временем упрочения и укрепления молодого государства. Несомненно, что в годы борьбы полководцев Александра за власть и в период селевкидского владычества Атропат сумел сохранить самостоятельность новообразованного государства, хотя, возможно, уже ему или его ближайшим преемникам пришлось выдержать упорную борьбу с «централизмом» одного из самых способных военачальников Александра - Селевка, завладевшего в последнее десятилетие IV века до н.э. всеми старыми иранскими сатрапиями.

Возможно, уже при Атропате столицей государства стала Газака (Ганзака, от древнеиранского, точнее мидийского *ganza* «сокровищница», «казна»⁵⁶), расположенная, как кажется, в районе дер. Лейлан, находящейся восточнее города Миандоб⁵⁷.

Роль и значение Атропата в истории Атропатены были настолько велики, что позднее страна стала называться его именем - Атропатовская (Мидия), Атропатена.

Экономическую жизнь страны, ее политическую и культурную историю мы знаем, к сожалению, очень плохо. Количество наших письменных источников весьма незначительно, археологический материал чрезвычайно мал. Однако все то, что мы знаем об Атропатене в целом как на основании прямых свидетельств источников, так и косвенных данных и умозаключений, дает нам основание считать, что

она была страной с весьма развитым сельским хозяйством, ремеслом, торговлей и вообще страной, отличающейся высокой культурой. В аспекте сказанного для нас чрезвычайно важны среднемидийские лексические заимствования в армянском, которые, как полагают специалисты, позволяют говорить об атропатенском как о языке с богатой письменной традицией⁵⁸. Носителем такого языка могла быть, конечно, только высококультурная, политически и экономически сильная народность.

Образование на территории Южного Азербайджана самостоятельного государства, несомненно, в значительной мере способствовало [60-61] оживлению хозяйственной жизни страны, имевшей древние традиции, - росту ее производительных сил, оживлению торговли и ремесла. По более поздним данным, мы знаем, что в Атропатене было развито храмовое землевладение. По сведениям античных авторов, магам принадлежали плодородные земли⁵⁹. Было развито и рабовладение. Интересно, что именно в Мидию вывозились и там продавались в рабство жители Вавилона, участвовавшие в антипарфянских выступлениях во второй половине II в. до н.э.

Становление и развитие Атропатенского государства происходило в эпоху эллинизма. Эпоха, начавшаяся с завоеваний Александра Македонского, крушения Ахеменидской державы и создания величайшей империи, знаменует собою конец одного из важных периодов в древней истории и начало нового - эллинизма. Эллинизм - это по существу история цивилизаций обширнейшего региона ойкумены, начиная от Эллады и кончая Индией на протяжении приблизительно трех столетий. Это новый этап в развитии рабовладельческих обществ Запада и Востока. Это грандиозное взаимопроникновение эллинской (греческой) и ряда восточных культур. Это не только время оживления экономических связей между отдаленными областями, но и время проникновения различных греческих институтов, греческой науки, образованности, литературы и искусства в страны Древнего Востока, чем и было подготовлено возникновение синкретической по форме эллинистической культуры. Чрезвычайно важным обстоятельством, значение которого трудно переоценить, было распространение на обширнейших пространствах Востока, в том числе и в Атропатене, греческого языка.

При всем этом, однако, пример Атропаты позволяет поставить под сомнение широко распространенный в специальной и общей литературе тезис о возникновении суверенных государств на Востоке в эту эпоху либо в результате полной их эллинизации, либо как следствие реакции против всего эллинского. Ни того, ни другого, поскольку мы можем судить на основании имеющихся у нас, правда, весьма немногочисленных данных, в Атропатене не было. Она шла к своей самостоятельности какими-то другими путями, пока еще мало нам известными.

В результате слияния племен и народностей Южного Азербайджана - потомков кутиев, луллубеев, хурритов, маннеев и др., с мидянами в эллинистическую эпоху сложился новый этнос с супрематией мидян - атропатенцы.

Нет никакого сомнения в том, что политически господствующим и этнокультурно ведущим (независимо от того, чья культура - местных племен или пришлых иранцев - была выше) в Атропатенском царстве был мидийский элемент.

Важно отметить, что хотя это государство в новых условиях [61-62] и продолжало по существу политическую и этнокультурную традицию Старой Мидии и воспринималось окружающим миром как Мидия, именно в атропатенский период было положено начало формированию собственно самого понятия Азербайджан. Именно отсюда пошла собственно древнеазербайджанская государственность и древнеазербайджанская, точнее - атропатенская мидийская народность. Да и сам хороним «Азербайджан» в основе своей, как мы видели, восходит к тому времени и является закономерно измененной формой древнего *Atarpatakan (a).

ГЛАВА 4

АТРОПАТЕНА - В СИСТЕМЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

За десятилетний период деятельности Александра была создана огромнейшая держава, простиравшаяся от северо-восточной Африки до северо-западных районов Индии, от Черного и Каспийского морей на севере до Персидского залива и Аравийского моря на юге.

Македонская армия разрушила изжившую себя агонизирующую Ахеменидскую державу, но при этом истреблялось колоссальное количество покоренного населения - сотни тысяч людей, опустошались огромные районы, целые цветущие области, уничтожались производительные силы и материальные ценности - особенно на Востоке. Применение грубой силы, неограниченного принуждения по отношению к местному населению, использование захваченных людей в целях наживы путем продажи и отправки их в другие места - это то, что принесли с собою завоеватели¹.

Известно, что одним из главных последствий походов македонского завоевателя было прямое ограбление восточных народов, результатом чего явилось обогащение Греции².

Завоевание Персидской империи породило немало новых, весьма сложных проблем, которые так и не были решены Александром. Деятельность нового владыки мира, несмотря на отдельные положительные стороны, обострила и множество противоречий - социальных, политических, идеологических и др.³, каждое из которых после смерти Александра тот или иной из его преемников пытался решить по-своему.

Следствием завоевания греко-македонянами обширнейших областей Востока явилась, как известно, и новая эпоха - эллинизм, эпоха грандиозного взаимопроникновения греческих и восточных элементов культуры.

Сразу же после смерти Александра встал вопрос: кто станет управлять гигантской по размерам империей. С целью решения этого и ряда других вопросов ближайшие сподвижники Александра собрались в Вавилоне в 323 году. [63-64]

Стало ясно, что мировая держава Александра не выдержала испытания временем, ибо для этого не было ни экономических, ни политических предпосылок⁴. Смерть великого завоевателя ускорила процесс крушения его империи⁵, хотя симптомы ее распада обнаружились еще при жизни самого Александра⁶.

Рыхлый и пестрый конгломерат, сколоченный силой оружия в одном государственном объединении, не имевший ни экономической базы, ни политического единства, начал неудержимо распадаться почти немедленно по смерти царя на более мелкие, но жизнеспособные царства⁷.

Македония, Малая Азия, Сирия и Финикия, Египет, Месопотамия и состоящие, как кажется, из четырнадцати сатрапий⁸ (так называемых «Верхних сатрапий») области Иранского плато, Средней Азии и Северо-Западной Индии - вот составные части империи, остававшиеся, несмотря на все меры, предпринятые Александром, разобщенными. Некоторые из этих областей только номинально зависели от центральной власти, другие - по существу были совершенно независимы, в частности Малая Мидия.

Почти все сподвижники Александра, собравшиеся в 323 году в Вавилоне, в той или иной мере преследовали собственные корыстные цели⁹. Иллюзорное единство империи Александра и согласие бывших соратников монарха разлетелись с его смертью в прах, уступив место сепаратизму и взаимной вражде¹⁰. Началась «борьба всех против всех» (Ф. Шахермайр). Одни предлагали поставить во главе государства «настоящего македонского царя», другие настаивали на сохранении державы за наследниками Александра, третьи стояли за создание «Совета» из приближенных умершего царя и т.д.¹¹

В результате ожесточенных споров было решено, что трон займет сводный брат Александра Арридей под именем Филиппа III. Только что родившийся сын Александра от Роксаны (тоже Александр) был признан соправителем, который по достижении совершеннолетия должен был получить престол.

Реальной власти ни один из царей не имел, ибо Арридей был слабоумным, а Александр - еще младенцем. Дела государственные были возложены на правительственную коллегия¹². Пердикка, в руках которого были оба царя и который располагал казной, стал регентом - «попечителем царства», - как называют его наши источники¹³ и взял на себя общее руководство войсками в Азии. Пердикка был объявлен хилиархом, буквально «тысяцким», что было чем-то вроде визири. Таким образом, как сообщают наши источники, сосредоточив в своих руках всю полноту власти¹⁴ и став первым человеком в империи, Пердикка стал играть роль самого Александра. [64-65]

По решению ближайших сподвижников Александра, принятому в Вавилоне, было произведено перераспределение сатрапий. Египет достался Птолемею, Македония - Антипатру, Фракия - Лисимаху, Великая Фригия - Антигону, Каппадокия - Эвмену, Кария и Киликия - Асандру, Сирия - Лаомедону, Мидия - Пифону и т.д. Лишь в восточных провинциях сохранились прежние правители¹⁵. Владение Атропата на совещании в Вавилоне не упоминалось; его (говоря словами Полибия) как бы «проглядели». Возможно, причина этого заключалась в родственных отношениях Атропата с «правителем Азии».

Пердикка, в качестве недалекой перспективы рассчитывавший на брак с Клеопатрой, сестрой Александра, и на македонский трон, по-видимому, стремился сохранить целостность державы, поэтому он сурово подавлял все сепаратистские попытки сатрапов. Однако, не взирая ни на что, сепаратистские устремления усиливались с каждым днем. Действуя на свой страх и риск, сатрапы часто не выполняли приказаний «первого человека» в империи. Уже в 323 году имели место не только неповиновения сатрапов, но и мощные движения в некоторых областях. Опасным был так называемый второй мятеж греческих колонистов в Бактрах. Повстанцы собрали войско - более двадцати тысяч.

Усмирение колонистов было поручено Пердиккой Пифону, сатрапу Мидии.

Волнения вскоре перекинулись на соседние области, охватив ряд районов Верхних сатрапий¹⁶.

Будучи человеком весьма предприимчивым и решительным и действуя согласно личным планам, на свой страх и риск, Пифон, подавив восстание, провозгласил себя независимым правителем Верхних сатрапий.

Через некоторое время поднялись каппадокийцы, затем - Фригия, правитель Армении, Греция и др. Вскоре против Пердикки организовалась коалиция во главе с Антигоном, Кратером, Лисимахом и Птолемеем, которые начали военные действия против «правителя Азии».

В 321 году Пердикка был убит своими же военачальниками. Совещание полководцев Александра и Трипарадисе (Сирия), состоявшееся в том же году, не внесло существенных изменений в расстановку сил. Регентом стал вернувшийся в Македонию престарелый Антипатр. Состоялось перераспределение сатрапий. Многие сатрапы сохранили свои посты. Одноглазый Антигон, сатрап Фригии, был назначен главнокомандующим в Азии, Пифон получил командование в Верхних сатрапиях, Селевк, один из самых талантливых полководцев Александра, - Вавилон. [65-66]

Владение Атропата не поступило в раздел и на втором совещании, состоявшемся в Трипарадисе.

Более четырех десятилетий как Восток, так и греко-македонский регион оставались ареной кровавых войн претендентов на власть¹⁷. За первые полтора десятилетия, прошедшие после смерти Александра, погибли не только все члены царской семьи, но и многие из сподвижников царя. За эти годы империя окончательно распалась. В Египте и на пограничных землях обосновался Птолемей, в Малой Азии и Сирии - Антигон, во Фракии - Лисимах, в Македонии - Кассандр, в Месопотамии - Селевк, который вскоре подчинил часть восточных провинций. Все они приняли царские титулы. Теперь уже никто из диадохов (преемников, наследников Александра) и не думал о сохранении единства державы. Раздоры продолжались.

В самом начале предпоследнего десятилетия IV века до н.э. ситуация в иранских сатрапиях значительно осложнилась. Это была типичная для времени диадохов ситуация, когда каждый из сатрапов, имевших свое войско и подвластную территорию, пытался не только защитить свои владения, но и по возможности расширить их. В 318 году разгорелась серьезная борьба между одним из самых сильных сатрапов - Пифоном, правителем Мидии, претендовавшим на власть над «Верхними сатрапиями» и пытавшимся подчинить себе весь Иран, и коалицией остальных восточноиранских сатрапов, отстаивавших свою независимость¹⁸. Затея эта не имела успеха. Пифон был отеснен обратно в Мидию.

Мы абсолютно ничего не знаем о том, как отразились только что упомянутые события на Малой Мидии, каково было положение в самой этой стране.

Пифон не прекращал своих интриг. Он даже рискнул встать на пути Антигона к единовластию в Азии. Собрав вокруг себя недовольных, Пифон стал готовить мятеж в войске, но вовремя предупрежденный Антигон схватил его и предал казни в Экбатанах¹⁹.

В 316 году, после ряда удач, Антигон произвел некоторые перестановки в восточных сатрапиях.

Мидийским сатрапом был назначен Оронтобат. Антигон воздержался от решительных действий в иранских сатрапиях. Причина нерешительности «самого могущественного человека в Азии» (М. М. Дьяконов) той поры заключалась в том, что все без исключения сатрапы имели свои вооруженные силы и их устранение требовало военного вмешательства²⁰, что в данный момент не входило в планы²¹ Антигона, ведшего упорную борьбу в Восточном Средиземноморье²².

В конце IV века до н.э. было положено начало созданию Селевкидской державы. Это было одним из важнейших событий в [66-67] истории эллинистической Азии. Приход Селевка в Вавилон в первых числах октября 312 года послужил установлению во всей Передней Азии нового летосчисления - Селевкидской эры, существовавшей как официальное летосчисление в течение нескольких веков²³.

Уже вскоре реальная власть в иранских сатрапиях все больше и больше начала переходить в руки Селевка, что еще раз показывает значение Месопотамии для судеб указанного региона в интересное нас время²⁴.

Почти все 25 десятилетий истории Малой Мидии, начиная с 20-х годов IV века до н.э. и до первой четверти I века до н.э., когда она, сохраняя свое старое, возможно, официальное наименование, все чаще стала называться *Mâd-i Atrpâtakân (Атропатова Мидия) - по-мидийски, Μηδία, Ατροπατηνή - по-гречески или просто *Atrpâtakân, 'Ατροπατηνή, покрыты для нас по существу непроницаемой пеленой, настоящим мраком. Мы почти ничего не знаем об истории страны названного периода. В наших источниках страна эта в связи с событиями интересующего нас времени упоминается всего лишь несколько раз. Единственно, что можно твердо сказать исходя из истории соседних стран и ситуации в целом, а также двух-трех упоминаний в источниках, это то, что царство Атропатидов все это время существовало, иногда даже, кажется, усиливалось. Несомненно и то, что со времени македонского завоевания Малая Мидия окончательно отделилась от собственно Мидии - Великой, или Нижней, Мидии, которой, особенно ее центральным районам, греко-македоняне придавали очень большое значение, так как именно через Мидию осуществлялись связи с восточными областями²⁵. Эти мидийские земли попадают непосредственно под власть греко-македонян, которые строят здесь множество городов с военными поселениями²⁶. Сведения об этом сохранились в трудах античных авторов. Полибий сообщает, что, по почину Александра, «Мидия опоясана со всех сторон эллинскими городами для защиты ее от смежных варварских народов»²⁷. Позднее Аммиан Марцеллин писал: «Мидия в равной степени изобилует богатыми городами, поселениями, построенными по типу крепостей, и многочисленным населением»²⁸.

В Мидии наряду с греческим или эллинизированным населением городов имелся какой-то контингент греческих или эллинизированных солдат, живших в военных поселениях²⁹.

Эллинизм весьма глубоко проник в быт, культуру, политическую жизнь и т.д. Нижней Мидии.

Судьбы Нижней Мидии и ее населения в конечном счете были таковы, что страна распалась на отдельные части, утратив свое прежнее политическое единство, а население ее — мидяне - [67-68] деэтнизовавшись, потеряло свой этнический облик и смешалось с другими племенами и народами.

Что касается Малой Мидии, то она все более и более превращалась в настоящую Мидию, а население ее - в мидян.

Преемники Атропата, продолжая традицию основателя царства, «не допускали», во всяком случае, не очень допускали греко-македонян в свою страну. Это, между прочим, является основной причиной почти полного отсутствия письменных источников по истории Атропатены.

Однако, не взирая ни на что, эллинизм все более проникал и в Малую Мидию. Сюда проникали эллинистические культы, здесь строились святилища синкретических (греко-иранских) божеств, в частности, Геракла - Веретрагны(?) в горах Керифто³⁰, найдена греческая надпись, которая вполне бы могла находиться где-нибудь в Беотии, Аркадии или в какой-либо другой греческой области, обнаружены знаменитые авроманские пергаменты³¹, свидетельствующие о весьма глубоком проникновении греческого языка, письменности и норм права в Мидию Атропатену, причем даже в сельские ее районы.

Как отмечалось выше, о событиях, последовавших в Малой Мидии за временем правления Атропата, мы по существу ничего не знаем. Наши источники на этот счет хранят почти полное молчание. Но несомненно, что время это, в общем и целом было временем укрепления, усиления и, по-видимому, расширения границ Новомидийского царства. Почти несомненно, что Атропатиды, как и греко-македоняне в соседних областях, развернули широкую градостроительную деятельность. Мы знаем о нескольких атропатенских городах, засвидетельствованных античной традицией. Это Газака³² (Ганзака; от древнеиранск., точнее мидийск. ganza - «сокровищница», «казна»³³), Фрааспа³⁴ (Прааспа³⁵, Фараспа³⁶, Фраата³⁷; от древнеиранск. *Frahata+мидийск. aspa или др.-иранск. *Fradah мидийск. aspa, что означает «способствующий коням»³⁸), Фанаспа³⁹, Ангазана⁴⁰. Нам известны несколько городищ на территории Атропатены, в частности, Тазакентское в Мильской степи⁴¹. Известны также несколько других памятников, датируемых, в общем, античным временем⁴², древние названия которых мы не знаем.

Атропатенские цари интересующего нас времени, укрепляя свои политические и экономические позиции, роднились с сирийскими, армянскими и парфянскими царствующими домами⁴³. Их союзнические и дружеские связи простирались, возможно, далеко на север — до албан, сакесинов и др. племен, обитавших на территории Азербайджана.

Трудно не предположить, что правителям Новомидийского царства, возможно, и самому Атропату пришлось как-то выгораживать [68-69] свою страну от поползновений Селевка (305 - 281), который уже в самом конце IV века завладел иранскими сатрапиями⁴⁴.

Войны между диадохами все еще продолжались.

Поскольку борьба на западе мешала Селевку управлять самому восточными провинциями, он около 292 года до н.э. назначил соправителем, осуществлявшим власть в восточной части державы, сво-

его сына Антиоха (280 - 261)⁴⁵, весьма талантливого полководца и государственного деятеля, верного помощника отца во всех его замыслах.

Однако, несмотря на все усилия Селевка и Антиоха, к середине III века до н.э. государство Селевкидов оказалось на краю катастрофы⁴⁶; отпадают Бактрия, Согдиана и Парфия. Вскоре возникает независимое Парфянское государство⁴⁷, которому суждено было сыграть весьма важную роль в истории Азии.

Мы ничего не знаем о том, как отразились на Мидии Атропатене экспедиции Гераклида (еще при Александре) и Патрокла (около 285 - 280 гг. до н.э.), предпринятые с целью изучения Каспийского моря⁴⁸. Следует сказать, что обе экспедиции практического значения не имели, а Селевкиды были слишком заняты другими делами, чтобы снаряжать новые экспедиции к Каспию⁴⁹.

Военные действия за перекройку распавшейся монархии Александра не прекращались на протяжении всего III века до н.э. Диadoхов сменили эпигоны (букв, родившиеся после, потомки). Наследники полководцев Александра - Птолемея, Селевка и др. продолжали соперничать в Малой Азии, Сирии, Финикии, Греции, Македонии и др. областях.

К двадцатым годам III века до н.э. относится первое после Атропата и событий его времени упоминание об Атропатене в письменном источнике. Речь об отрывке из сочинения Полибия⁵⁰.

В 20-е годы III века до н.э. мы застаем царя Атропатены Артабазана владельцем довольно обширной территории не только к югу, но и к северу от Аракса. Судя по словам Полибия, царство Артабазана простиралось от Каспийского моря до верховьев Риони, включая, таким образом, Армению и Иберию. Область эта, как утверждает греческий автор, «...лежит рядом с Мидией, отделяясь от нее промежуточной горной цепью; некоторые части ее возвышаются над Понтом (Черное море. - И. А.) в местах выше Фасиса (Риони. - И. А.), а с другой стороны она доходит до Гирканского (Каспийского. - И. А.) моря. Она населена народом сильным, сражающимся преимущественно на конях и имеющим в достаточном количестве все прочее, что нужно для войны»⁵¹.

О мидийской гегемонии в областях исторической Грузии свидетельствуют и данные грузинских источников - «Картлис цховреба» [69-70] и «Мокцевай Картлисай». По «Картлис цховреба», III век до н.э. в истории Картлийского (Иберийского) царства был временем, так сказать, засилия «персидских» элементов⁵², под которыми в данном случае следует понимать только мидян Атропатены.

По-видимому, именно в это время между Атропатеной и Арменией устанавливаются тесные политические, культурные и иные связи. Среди армянской знати этого периода было немало атропатенцев по рождению, а брачные связи между атропатенской и армянской элитой были обычным⁵³ явлением. Очевидно, к этому времени относятся индийские заимствования в армянский язык⁵⁴.

Отношения с Арменией не всегда были ровны. Дружба, брачные связи, традиционные культурно-экономические контакты нередко сменялись открытой враждой, доходившей до военных столкновений. Так было в конце III - начале II века до н.э., когда в результате яростных схваток на армянском престоле утвердился Арташес, не только тесно связанный с атропатенским кругом⁵⁵, но, возможно, являвшийся мидянином. По крайней мере, Моисей Хоренский Арташеса прямо называет «мидянином»⁵⁶.

В 223 году царем стал Антиох III (223 - 187). С его именем связаны некоторые эфемерные успехи Селевкидов и первое роковое их столкновение с новой политической силой, появившейся на рубеже III и II вв. до н.э. в Восточном Средиземноморье - с Римом⁵⁷.

Уже в первые годы своего правления Антиоху пришлось столкнуться с очень большой опасностью - сатрап Мидии Молон вместе со своим братом Александром, сатрапом Персиды, восстал против власти Селевкидов и захватил почти все восточные области державы, а также Месопотамию⁵⁸. Только огромными усилиями Антиоху удалось справиться со своими противниками. Тело покончившего с собой Милона было распято и выставлено на поругание⁵⁹.

То обстоятельство, что после этого Антиох III прямо вторгается в Атропатену, говорит, возможно, в пользу активного участия атропатенцев в предприятии Милона. Война Антиоха с Артабазаном закончилась миром. Атропатена на некоторое время была вынуждена признать верховную власть Селевкидов⁶⁰.

Некоторое время Антиох III был занят военными действиями на Западе⁶¹. В 212 - 205 гг. до н.э. он начинает свой грандиозный поход на Восток с целью восстановления власти Селевкидов над утраченными областями⁶². С этой целью был ограблен храм Анахиты в Экбатанах, что дало огромную сумму - 4000 талантов⁶³. Были разгромлены парфяне, которые признали верховную власть Селевкидов⁶⁴.

Хотя и формально, но власть Селевкидов признал и правитель [70-71] Греко-Бактрийского царства⁶⁵. Затем был совершен поход в Индию и на аравийское побережье Персидского залива⁶⁶. Собрав богатые дары и дань, Антиох III вернулся в Селевкию на Тигре.

Поход на Восток, несомненно, замедлил распад державы Селевкидов, но не устранил его причин⁶⁷.

В общем и целом конец III века до н.э. был периодом могущества Селевкидской державы. Антиох III, принявший титул «Великого», был признан владыкою на обширнейших просторах Азии. Но длилось это недолго.

Уже к 190 году до н.э. после поражения Антиоха в битве с римлянами при Магнессии возобновился процесс распада Селевкидской державы.

Уже в 60-е годы II века до н.э., быть может и раньше, Атропатена становится вполне самостоятельной⁶⁸.

После поражения при Магнессии власть Селевкидов в Азии значительно ослабла, хотя и в ту пору селевкидские цари иногда одерживали победы⁶⁹ и даже строили города⁷⁰.

К этому времени в областях Западного Ирана и Армянского нагорья возникает несколько самостоятельных государств - Элимаида⁷¹, Харакема⁷², Персида⁷³, Армянское царство Арташеса I (греческ. Артаксий)⁷⁴, Армянское же царство Зариадрия (Зариатр, Зарех, Зарехр; последнее написание — это среднемидийская форма⁷⁵) в Софене⁷⁶. Отложился от Селевкидов и стал выпускать свою монету индийский сатрап Тимарх, объявивший себя царем⁷⁷. Порывает с зависимостью от Селевкидов и Парфия⁷⁸. Таким образом, уже около 160 года до н.э. почти все восточные сатрапии были окончательно потеряны для Селевкидов⁷⁹.

Образовавшиеся армянские царства, особенно царство Арташеса, уже в самом начале ведут себя весьма агрессивно, проводят активную экспансионистскую политику в отношении своих соседей. Страбон пишет: «...Армению, в прежние времена бывшую маленькой страной, увеличили войны Артаксия и Зариадрия... Они совместно расширили свои владения, отрезав часть земель у окружающих народов. У мидян (атропатенцев. - И. А.) они отняли Каспиану, Фавнитиду и Басоропеду, у иберов - предгорье Париадра, Хозену и Гогарену... у халибов и моссиников - Каренитиду и Ксерксену... у катаонов - Акилисену и область по Антитавру, у сирийцев - Таронитиду...»⁸⁰.

Около середины 50-х годов II века до н.э. парфяне, уже давно боровшиеся с Селевкидами, выходят на широкую дорогу завоеваний⁸¹, став таким образом значительной политической силой.

Вскоре (кажется, в 148/147 гг. до н.э.) парфянский царь Митридат I захватывает Мидию⁸², жестоко страдавшую от селевкидских [71-72] вторжений. Захват Мидии был настолько важным событием, что Митридат I после этого принимает титул «Великого царя»⁸³.

Захват Мидии открыл парфянам путь в Месопотамию, которая была завоевана в 141 году до н.э.⁸⁴. Затем была захвачена богатая Элимаида⁸⁵.

Некоторые ученые полагают, что парфяне после завоевания Нижней Мидии захватили также и Мидию Атропатену⁸⁶, однако подтверждений этому в источниках наших нет. Возможно, к этому времени в связи с общей реакцией против греко-македонян позиции парфян, как антиселевкидской «патриотической» силы, боровшейся против всего эллинского, за освобождение народов Востока от непомерного гнета Селевкидов, от гнета греко-македонян, за все «национально» иранское, в Атропатене укрепляются. Быть может, налаживаются какие-то союзнические или даже даннические отношения. Важно и то обстоятельство, что парфяне в этноязыковом⁸⁷ (по-видимому, и культурном) отношении были очень близки мидянам, что и делало первых (т.е. парфян) в Атропатене «своими», в отличие от «чужих» греко-македонян, против которых создавался в ту пору единый фронт.

Однако все сказанное, как кажется, не мешало атропатенцам сохранять суверенитет своего государства. У нас нет оснований полагать, что царство Атропатидов в это время было поглощено парфянами, ибо еще Страбон, закончивший свою «Географию» в самые последние годы до н.э.⁸⁸, писал: «...и еще теперь наследование сохраняется в его (т.е. Атропата. - И. А.) семье (разрядка моя. - И. А.)»⁸⁹.

К 40-м годам II века до н.э. Парфянская держава уже охватывала почти весь Иран и всю Месопотамию⁹⁰. Парфия вскоре превращается в мировую державу, а парфяне на долгие годы стали главнотекущей силой и не только в регионе. К этому времени навсегда было покончено с политическим господством греко-македонян на территории Ирана. Правда, около 130 года до н.э. Селевкиды сделали еще одну, самую последнюю, попытку восстановить свое господство в Иране⁹¹. Однако и эта попытка благодаря организованному выступлению доведенных до отчаяния мидян, поднявших восстание одновременно во всех поселениях, где были размещены македонские солдаты (что и сыграло решающую роль в гибели селевкидской армии)⁹², и удачному наступлению парфянских войск царя Фраата II, кончилась полным разгромом селевкидской армии. Убит был и Антиох VII⁹³.

К концу II - началу I века до н.э. Парфянское государство достигло невиданного ранее могущества⁹⁴.

Таким образом, с государством Селевкидов как мировой державой [72-73] отныне было покончено⁹⁵. «Западный эллинизм» был вынужден сдать свои позиции «восточному иранизму»⁹⁶. Греки, лишившиеся своего привилегированного положения, уже не были отделены стеной социальных различий от местного населения⁹⁷. Благодаря этому, в так называемый парфянский период, начинается по существу

ву следующий этап развития эллинизма. Это было время настоящего синтеза, особенно в сфере идеологии и культуры⁹⁸.

Завершая наше изложение, необходимо напомнить, что завоевание Александром обширных областей Востока, появление там эллинистических государств создали весьма благоприятные условия для сближения и взаимопроникновения различных культур - восточных и эллинско⁹⁹. Это была чрезвычайно интересная, насыщенная различного рода достижениями экономического, политического, идеологического, культурного характера эпоха, длившаяся приблизительно три столетия.

Эллинизм начал ломку этнической и религиозной замкнутости, породил новые формы государственности, заложил основу новой культуры, нового искусства, новых верований¹⁰⁰. В эту пору бурно развиваются города, ремесла, торговля, расширяются площади орошаемых земель, в практику земледелия и ремесла внедряются новые, прогрессивные методы¹⁰¹.

Вместе с тем это было время значительного усиления классовой борьбы, социально-экономических, политических, идеологических и религиозных конфликтов.

Необходимо отметить, что сложившаяся на обширнейшей территории эллинистическая культура не была единообразной. В каждой области, несмотря на общие черты, она выглядела различно и формировалась по-своему, путем взаимодействия принесенной культуры с наиболее устойчивыми традиционными элементами местной культуры. Это взаимодействие и сочетание, сами формы синтеза и синкретизации, происходившие в конкретной исторической обстановке, определялись многими обстоятельствами, в частности численным соотношением местных и пришлых этнических групп в стране, уровнем социально-экономического и культурного развития каждой из них, самой обстановкой и т.д.

В аспекте сказанного, насколько можно судить по имеющимся у нас на сегодня весьма немногочисленным данным (особенно что касается Малой Мидии), положение даже в таких близких во всех отношениях областях, как Мидия и Атропатена - было различным. Большая Мидия, в отличие от Малой, подверглась эллинизации в большей степени, чем Малая Мидия - Атропатена.

Возникшая в интересующую нас пору синкретическая эллинистическая культура оказала огромное влияние на последующее развитие античных обществ. [73-74]

ГЛАВА 5

АТРОПАТЕНА НА РУБЕЖЕ И В НАЧАЛЕ НАШЕЙ ЭРЫ. БОРЬБА ПРОТИВ ИНОЗЕМНЫХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

История Атропатены первой половины I века до н.э. в источниках наших не нашла никакого отражения. Лишь в связи с событиями 60-х годов до нас дошло несколько случайных упоминаний об атропатенцах, причем все это - события внешнеполитической истории, а не внутренней жизни страны. Несколько лучше обстоит дело в отношении фактов и событий атропатенской истории второй половины I века до н.э. - особенно 30-х годов.

Мизерное количество дошедших до нас источников не позволяет нам более или менее полно набросать историю края интересующего нас времени. Однако с полной уверенностью можно сказать, что в указанную эпоху Атропатенское государство, несомненно, существовало, мало того - самым активным образом участвовало в политической жизни региона. И узнаем мы об этом только обращаясь к истории соседних с Атропатеной стран или знакомясь с общей ситуацией в регионе. Собственно этим и объясняется несколько необычная, как бы опосредствованная форма изложения материала в этом параграфе.

Вторая половина II и начало I века до н.э. в областях Переднеазиатского Востока были временем неуклонно развивавшейся экспансии двух крупнейших держав тогдашнего мира - Парфии и Рима. Захватывая новые земли, расширяя и укрепляя сферы своего влияния, Рим и Парфия постепенно продвигались, так сказать, навстречу друг другу, пока не пришли в непосредственное соприкосновение, а вслед за тем и не вступили в борьбу между собою.

Как отмечалось выше, к концу II - началу I века до н.э. Парфянское государство и сами парфяне, с которыми справедливо связывают крушение греко-македонского господства в Азии и возрождение местной государственности, превращаются в грозную силу. Парфяне поддерживали дипломатические связи с Китаем и Римской республикой¹. Парфия, превратившаяся в мировую державу, [74-75] сделалась связующим звеном между восточной и западной частью цивилизованного мира². Это было время широкой экспансии парфян, среди которых лозунги «возвращения наследства Ахеменидов», «завоевания всей Азии» были весьма популярны³. Позиции парфян крепнут и усиливаются в областях, весьма отдаленных от Парфии. Вскоре в некоторых из них к власти приходят представители парфянской царской династии Аршакидов⁴.

Не дремал и Рим. Уже к середине II века до н.э. Римская республика превратилась в сильнейшее государство Средиземноморья. Покончив с Карфагеном и подавив вспышку демократического движения в Греции, Рим вплотную приблизился в это время к Восточному Средиземноморью и стал энергично вмешиваться в дела государств региона⁵. В начале I века до н.э. римляне действовали уже в Малой Азии. В 92 году до н.э. римский полководец Сулла встретился на Евфрате с парфянским послом⁶. Это был первый контакт между парфянами и римлянами. До сих пор, - писал Плутарх⁷, - «оба народа еще не соприкасались друг с другом».

Ситуация в переднеазиатском регионе в ту пору была чрезвычайно сложной. Там постепенно начинает возникать система так называемого «политического дуализма»⁸, являвшаяся следствием прямых столкновений между Римом и Парфией. Население крайних восточных владений Рима, оппозиционно настроенное по отношению к нему, в парфянах видело потенциальных освободителей от римского ига, - силу, которая может разрушить «римский порядок», насажденный и насаждаемый на Востоке пришельцами с Запада, а подданные Парфянской державы, живущие на ее западных окраинах, часто питали надежды на Рим⁹.

Хотя к этому времени по всей эллинистической системе, ее «становому хребту» - державе Селевкидов и был нанесен смертельный удар¹⁰, были уничтожены многие центры греко-македонской колонизации¹¹, являвшиеся в свою очередь центрами эллинистической цивилизации¹², однако в Вавилонии, Сирии, Палестине и некоторых других странах, где был создан ряд мелких государств, возглавлявшихся местными династиями, сохранялся достаточно немалочисленный слой эллинистической и эллинизированной рабовладельческой аристократии (с которым нередко блокировалась и парфянская элита, осевшая здесь), нуждавшийся в сильной Государственной власти, что особенно было необходимо перед лицом восстаний рабов и иных социальных движений. Таковой силой по понятным соображениям, конечно, не могла быть Парфия.

Жесточайшие расправы римских войск с эксплуатируемыми слоями населения стран Центрального и Восточного Средиземноморья, неоднократно восстававшими в конце II века до н.э., [75-76] создавали иллюзию, что якобы римские рабовладельцы способны восстановить господствующее положение эллинистической знати на территориях, где прежде хозяйничали греко-македоняне¹³. Продвижение римлян на Восток, несомненно, вдохнуло новую надежду в греческие круги, видевшие в римлянах единственных защитников «эллинизма» от восточного «варварства» - тех, кто может создать при помощи «римского порядка» социальный мир и т.д.¹⁴. Таким образом, начиная с указанного времени римляне, принявшие на себя роль душителей восстаний рабов и свободной бедноты, - миссию охраны, спасения, а в отдельных случаях и восстановления господства эллинистической рабовладельческой знати, ее колониальной эксплуатации, выступают как сила не только консервативная¹⁵, но и агрессивная, несущая народам Востока насилие, гнет, жестокую систему эксплуатации. Народы региона хорошо знали, что у римлян «...к войне со всеми народами и царями искони один постоянный вывод: ненасытная жажда господства и богатств... Чего ждать от римлян кроме... коварных обещаний и впоследствии открытой вражды... Они возвеличились смелостью, коварством, нападая на народы порознь и разгромив одного обращаются на другого...»¹⁶.

Римская экспансия была опасна и враждебна для народов Закавказья, в первую очередь - Армении. Она была особенно враждебна для народов Иранского плато, - областей, где борьба с греко-македонянами завершилась победой местных сил, созданием, а затем и укреплением своей государственности, в частности для Атропатены.

Борьба, начатая этими народами, особенно парфянами под руководством Аршакидов, против греко-македонских угнетателей продолжалась и в новых условиях, когда прежних насильников заменили новые - римляне. Недаром в иранской традиции, отраженной в «Шах-наме» Фирдоуси, ромеи, т.е. римляне, идентифицируются с завоевателями - греками¹⁷.

С этого времени в Парфии, в достаточной степени эллинизированной, но все же сохранившей старые традиции, в результате мощного движения за возрождение иранской культуры¹⁸, позиции эллинизма значительно слабеют, начинается «реакция» против всего эллинского или, как полагают некоторые ученые, совершается переход от преимущественно эллинизированного к иранско-восточному миру, в котором эллинизм был переварен Востоком¹⁹.

Парфия с этого времени сделалась центром притяжения всех антиэллинских элементов в государствах восточноредиземноморских стран²⁰. Области Иранского плато в I веке до н.э. оказались в значительной степени в сфере влияния политики и культуры²¹ парфян, создавших к тому времени уже новое искусство²², в [76-77] известной мере спасших и возродивших старую зороастрийскую веру²³ в областях, где она хотя и сохранилась, но была затмлена различного рода синкретическими культами²⁴.

Роль и значение парфян, к этому времени окончательно и навсегда из «филэллинов» превратившихся в антиэллинскую силу, во всем сказанном были, несомненно, огромны. В общем и целом парфяне выступали в роли борцов за освобождение народов Востока от ненавистного греко-македонского, а несколько позднее - римского ига. Недаром само имя парфян - *pahlavan* (др.-персидск. *parvava*, ср. персидск. *pahlav*, т.е. «парфянин»), дошедшее до нас, по-видимому, через парфянских поэтов-музыкантов (по-парфянски - *gosan*)²⁵, в традиции получило значение «богатырь».

На Западе утверждение господства Рима сопровождалось, как отмечалось выше, насаждением не только «римского порядка», но и появлением нового греко-римского искусства²⁶. Оба эти процесса озаменовали конец собственно эллинистической эпохи²⁷.

В общем и целом интересующее нас время - это не просто век политических потрясений, но и эпоха социально-экономических, культурных, религиозных и иных новшеств. Это время бурных социальных противоречий, существования резких различий в социальном укладе западных и восточных областей региона²⁸, значительного развития международной торговли²⁹, в которой парфяне играли большую роль³⁰, появления новых, умирания старых рынков. Шелк*, хлопчатые ткани, пряности, ювелирные изделия, алмазы, слоновая кость и многое другое вывозилось в страны Передней Азии из отдаленных Индии и Китая³¹. Из областей Парфянского царства в Китай доставляли гранат, виноград, «мидийскую траву» (люцерну), знаменитых мидийских «нисейских коней», которых китайцы называли «небесными конями»³².

Интересующее нас время - это век исканий, разброда, шатаний и разномыслия, век космополитизма³³, невероятных противоречий и контрастов, как поисков новых связей, новых нравственных идеалов, новых богов-защитников³⁴, век религиозного и культурного синкретизма, нового искусства³⁵.

Таковым было положение перед тем, как оба врага - Рим и Парфия - вступили в смертельную схватку.

* Межд, прочим, Прокопий Кесарийский (О персидской войне, I, 20) пишет, что прежде греки шелк называли *medikon* (т. е. «мидийский»), а в его время - *senk*, т. е. «китайский».

После упрочения своего положения на Востоке парфяне устремились на Запад. Уже в начальные годы правления Митридата II (123 - 87 гг. до н.э.) парфяне одерживают верх над усилившейся к [77-78] тому времени Харакеной³⁶, может быть, и вавилонским сатрапом Гимером³⁷. Парфяне начинают вмешиваться во внутренние дела Армении и селевкидских правителей, превратившихся к этому времени из владык мировой державы в царьков мелких, враждующих друг с другом государств. Парфяне проявляют также весьма значительную активность в областях Закавказья, особенно в Албании, что наблюдается по монетным находкам³⁸, антропоморфным статуэткам и погребальным памятникам - керамическим саркофагам, обнаруженным, в частности, в зоне села Моллаисаклы Исмаиллинского района³⁹. Эти погребальные памятники, несомненно, были оставлены выходцами из парфянского мира, по-видимому, обосновавшимися в Албании⁴⁰.

Позиции парфян и в Атропатене в I веке до н.э., судя по всему, должны были, почти несомненно, продолжать укрепляться, и укрепляться перманентно, с редкими и случайными перерывами, возникавшими в связи с теми или иными политическими событиями. И в самом деле, в I веке н.э. «парфянизация» в Атропатене настолько была сильна и всеохватывающа в быту, в строительном искусстве, в архитектуре и т.д. (достаточно сослаться хотя бы на комплекс Кале Зоха⁴¹, идентифицируемый с атропатенским городом Фанасной⁴²), что трудно предположить, что все это случилось как бы сразу, без подготовительного периода. Конечно, так быть не могло. Все говорит за то, что парфянское влияние в Атропатене должно было начаться раньше. Кстати, это можно заключить прежде всего на основании нумизматических данных. Парфянские монеты действительно имели широкое хождение в Атропатене I века до н.э.⁴³ Мало того, есть основания думать, что парфянское серебро экбатанского чекана распространялось по Закавказью через Атропатену⁴⁴.

О роли и значении парфян той поры в Атропатене говорит и дошедший до нас один из авроманских документов, составленный на парфянском языке⁴⁵.

О мотивах и причинах сближения мидян, в частности мидян Атропатены, с парфянами выше уже упоминалось. Почва для этого в самой Атропатене была весьма благодатной. Здесь, судя по всему, сопротивление эллинизации должно было быть достаточно активным. Создание в сложнейших условиях своего государства, куда, как мы неоднократно отмечали выше, греко-македонян не очень допускали, упорная борьба с Селевкидами за сохранение своей самостоятельности и многое другое в условиях космополитации, разброда и религиозного синкретизма должно было повлечь за собою осознание принадлежности мидян Атропатены к своей этнической общности, - породить попытки сохранить и утвердить приоритет своих культурных традиций, своей религии, [78-79] своей государственности и т.д. Как указывалось, эти же цели преследовали парфяне.

Парфян в Атропатену влекло, кроме обычных в таких случаях причин - просто территориальное расширение державы, захват стратегически важного плацдарма и т.д., - еще несколько обстоятельств. Прежде всего - единая цель атропатенцев и парфян - т.е. борьба против эллинизма. Уже одно это делало их естественными союзниками.

Парфяне и атропатенцы должны были стать союзниками, как кажется, и в деле возрождения древней, «своей» культуры и религии.

В Атропатене традиции эти уходили вглубь - еще к началу I тысячелетия до н.э. Еще тогда в областях Западного Ирана, в том числе и в Южном Азербайджане бытовали различные маздаистические учения, наличествовал очаг младоавестийских верований. В эпоху мидийского владычества, когда проповедниками этих учений становятся маги, позиции маздаистическо-авестийских учений в зоне будущей Атропатены, несомненно, еще более крепнут. Нет сомнения в том, что официальной религией Атропатидов и мидян Атропатены была маздаистическо-зороастрийско-авестийская вера. Само имя основателя Атропатенского государства Атропата явно зороастрийское⁴⁶. Зороастрийское жречество - маги и в эпоху Парфянского царства продолжали играть важнейшую роль в религиозной жизни западных областей Ирана, оказывали сильнейшее влияние на религию и идеологию стран Малой Азии и Закавказья⁴⁷.

Особая роль Атропатены, атропатенских магов в истории зороастризма не вызывает сомнения. Недаром зороастрийская традиция связывала родину этого учения с Атропатеной - Ат^а/рпатаканом⁴⁸. Хотя это не так, но само это обстоятельство говорит о многом.

В эпоху господства религиозного синкретизма позиции зороастризма (и не только в Атропатене!) пошатнулись, учение это подверглось трансформации. Аршакиды возродили и спасли старую веру, которая стала их знаменем в борьбе за самоутверждение, в борьбе со всем иноземным. И в самом деле, первая попытка собирания авестийских книг, как кажется, была предпринята при парфянских Аршакидах. В Парфии I века до н.э., почти несомненно, существовал письменный текст Авесты, по крайней мере, отдельных ее частей⁴⁹.

Имея в виду все сказанное выше об общности интересов парфян и мидян Атропатены, их культурную близость, языковое родство и многое другое, что их связывало, трудно не предположить, что эти, так сказать, возрожденческие идеи не были транспортированы в Атропатену. [79-80]

И в самом деле, в это время, видимо, происходило значительное этнокультурное сближение и даже, возможно, слияние на атропатенской почве мидийско-атропатенских и парфянских элементов. Внешне это нашло отражение, в частности, в частом употреблении термина «мидяне» вместо «парфяне». Последнее обстоятельство вполне определенно свидетельствовало также и о роли и значении мидийского элемента в истории Парфии.

В это время в Атропатене, почти несомненно, возникает под влиянием парфян очаг нового авестийского зороастризма, центром которого, возможно, стал храм города Шиз (современ. городище Тахт-и Сулейман) с огнем, известным позднее под названием Адургушнасп. Правда, теперь мы знаем, что известный зороастрийский храм в Тахт-и Сулеймане был построен в сасанидское время⁵⁰. Однако нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что традиция, отраженная у арабских авторов, упорно относит существование Шиза к парфянской эпохе, называя Аршакидов «царями аш-Шиза», которые лето проводили в «аш-Шизе, который относится к Азербайджану»⁵¹. В связи со сказанным нельзя не упомянуть о том, что некоторые авторитетные ученые говорят о двух жреческих школах в зороастризме⁵² - «северной», или шизской, которую с полным основанием можно называть парфяно-атропатенской (поначалу парфянской), и «южной», или персидской. Интересно, что еще автор V века Египта различал «пахлавик» и «парскаден»⁵³, что, по-видимому, следует понимать соответственно как религия парфян и персов⁵⁴.

Нельзя не отметить, что роль и значение храма Адургушнасп даже в сасанидскую эпоху были настолько велики, что цари после восшествия на престол отправлялись сюда на поклонение. Можно думать, что в это время в Атропатене стал окончательно оформляться «Видевдат» - одна из книг Авесты. Хотя в Видевдате немало позднего по содержанию и происхождению материала (в частности, названия единиц измерения в Видевдате связаны с греко-римской системой мер⁵⁵, что, кстати, позволяет отнести эту книгу к рассматриваемому нами периоду), в нем, однако, сохранилось также много явно архаичного, раннего, нередко чуждого остальной Авесте⁵⁶.

В специальной литературе высказывалось мнение, что религиозные представления мидян соответствуют тому, что отражено в Видевдате, который (точнее - Протовидевдат), как полагают, возник в западно-иранских областях⁵⁷, а составителями его могли быть мидийские маги⁵⁸. Кстати, вся книга эта свидетельствует об огромной роли в ней магии. [80-81]

Говоря о Видевдате, нельзя не отметить, что и в нем, так же как и в Гатах, явно заметны следы реформы. Это явствует прежде всего из самого названия книги - Видевдата, что теперь переводят не просто «Закон против дэвов», как это делали до недавнего времени, а, так сказать, с уточнением - «Отвержение прежних божеств»⁵⁹.

Что касается письменности, то не приходится сомневаться в том, что в Атропатене той поры употреблялась письменность арамейского происхождения.

Так это или иначе, но, не предположив наличия в Атропатене I века до н.э. нового центра авестийского зороастризма, трудно понять ту огромную роль, силу и власть зороастрийского жречества - магов в последующей истории Атропатены, существования там многочисленных «огней» и то обстоятельство, что Атурпатакан в сасанидский период, несмотря на утрату политической самостоятельности, оставался религиозным центром империи.

Есть все основания полагать, что Атропатена до заключения брачных уз между атропатенским и армянским царскими домами где-то, по всей вероятности во второй четверти I века до н.э., в принципе держалась пропарфянской политики, после же женитьбы атропатенского царя Митридата на армянской царевне политика атропатенского венценосца, как можно предположить, если и не была антипарфянской, то была, безусловно, армянофильской и антиримской.

В это время на почве общих интересов против Рима история двух соседних народов - атропатенцев и армян тесно переплеталась и протекала в русле союза, дружбы, согласия, теснейшего политического и культурно-экономического контакта.

В результате войн между Парфией и Арменией, последняя была подчинена Митридату II⁶⁰. Парфянский царь взял в заложники царевича Тиграна, который долгое время находился при дворе Аршакидов⁶¹. Вскоре были разгромлены последние Селевкиды⁶².

В 95 году до н.э. Митридат II при помощи парфянских войск сажает на армянский престол Тиграна, который в благодарность за это уступает Парфии 70 долин, которые, по одним данным, были расположены в Армении⁶³, по другим - в Атропатене. По-видимому, эти долины были объектом спора между двумя государствами. Еще Страбон писал: «У атропатийцев есть... могущественные соседи - армяне и парфяне, которые опустошают их страну. Однако они оказывают сопротивление и отбирают назад захваченную у них землю»⁶⁴.

Некоторые ученые полагают, что Тигран II передал парфянам в качестве выкупа за свое освобождение именно те «70 долин», которые будто бы были завоеваны еще Арташесом I у атропатенцев⁶⁵. [81-82] Если это верно, то указанное обстоятельство свидетельствовало бы о враждебных отношениях

между двумя царствами уже в самом начальном периоде возникновения Армянского государства и об армянской экспансии в Атропатене где-то в конце первой или в начале второй четверти II века до н.э.

Тигран II (95 - 55 гг.) уже в первые годы своего правления проявляет агрессивность по отношению к своим соседям - в первую очередь к армянскому же царству в Софене, которое было завоевано им в 94 году до н.э. В том же году Тигран II заключает союз с могущественным царем Понтического государства Митридатом VI Евпатором и женится на его дочери Клеопатре. Армянский царь, как мы уже знаем, находился в родственных отношениях и с Атропатидами - царь Атропатены Митридат был женат на дочери Тиграна II⁶⁶.

Главной целью понто-армянского союза было стремление противостоять Риму. Но до роковой войны с Римом Тиграну II предстояли еще борьба с Парфией и счастье увидеть созданную им хотя и эфемерную, но великую Армянскую державу.

Выход парфян на Евфрат серьезно беспокоил римлян, к тому времени уже завладевших обширной территорией в Малой Азии⁶⁷.

Тигран II после захвата Софены продолжал активные экспансионистские действия. Он утвердил свои позиции в Каппадокии, что и привело в 93 - 92 гг. до н.э. к кратковременной войне с Римом. Хотя Тигран был разгромлен и понес большие потери, тем не менее, успехи армянского царя заставили римлян искать контакта с парфянами⁶⁸. В 92 году до н.э. римский полководец Сулла встретился на Евфрате с парфянским послом Оробазом⁶⁹. Эта встреча, невзирая ни на что, содействовала какому-то сближению Митридата II Парфянского с римлянами, однако, как показали дальнейшие события, парфяне тогда еще не осознавали той опасности, которую нес им, да и всему Востоку Рим⁷⁰.

Ослабление Парфии в результате междоусобиц, а также Рима, где бушевала гражданская война, окончательно развязали руки Тиграну II. Первым делом где-то между 90 и 88 гг. до н.э.⁷¹ он напал на своих благодетелей-парфян. Тигран II, прежде всего, отвоевал у парфян семьдесят долин⁷², уступленных им в качестве выкупа за свое освобождение.

Тигран II, как это следует из Страбона⁷³, также захватил у атропатенцев область, которую географ называет Симбакой⁷⁴, что, однако, должно быть исправлено на «Албака»⁷⁵ (что=соврем. область Большой Ахбак, расположенная вокруг нынешней Бешкалы)⁷⁶. Мы не знаем, был ли в ту пору Тигран уже связан узами родства с атропатенским царствующим домом. Неизвестно нам и то, [82-83] управлял ли тогда государством Митридат, который известен как зять армянского царя.

Была ли на самом деле подчинена, как отмечает Страбон⁷⁷, Атропатена и стала ли она вассальным царством⁷⁸, а Митридат Атропатенский позднее «верным вассалом»⁷⁹ Тиграна II, будто бы платившим ему дань⁸⁰ и обязавшимся доставлять во время войны вспомогательные войска⁸¹, как считают некоторые ученые, - мы не знаем. Мы твердо знаем только то, что атропатенский царь Митридат, как уже отмечалось выше, был женат на дочери армянского царя. Этим определялось многое во взаимоотношениях двух венценосцев, являвшихся, возможно, просто союзниками, что для неосведомленного глаза могло показаться вассалитетом и т.д.

Тигран II продолжал свою экспансионистскую политику. Захватив Адиабену, он «опустошил»⁸² там целые районы.

Нелишне отметить, что одной из трех крупных народностей Адиабены, с запада примыкавшей к Атропатене, были мидяне - основное население той же Атропатены. Говоря об Адиабене, Страбон отмечал: «Мидяне, армяне и вавилоняне, самые многочисленные здесь народности, с самого начала установили меж собою такие отношения, что все они, когда это им было удобно, нападали друг на друга и затем снова примирялись...»⁸³

Из Адиабены царь продолжал наступление на юго-восток и дошел до летней резиденции парфян - Экбатаны, где сжег их замок⁸⁴.

В результате удачной войны с Парфией, завершившейся в 85 году до н.э.⁸⁵, Тигран II завладел обширнейшими районами Передней Азии и принял титул «царя царей»⁸⁶. В 83 году до н.э. армянский царь завоевал Сирию и Финикию⁸⁷.

Вследствие сказанного политическая ситуация на Ближнем Востоке в значительной степени изменилась - Парфия на два десятилетия сошла на положение второразрядного государства, а царство Тиграна II превратилось в могущественную и великую державу⁸⁸. Несомненно, огромные завоевания Тиграна II были в значительной мере обусловлены слабостью двух других великих держав того времени.

Хотя прямых свидетельств источников у нас нет, однако не вызывает сомнения, что приблизительно пятнадцатилетний период блеска и величия Армянского государства был временем союза, дружбы и согласия между ним и государством Атропатидов.

Тигран II ничего не подозревал. Он не только не готовился к войне с Римом, но, напротив, спокойно и беспечно достраивал свою новую столицу Тигранакерт. И вообще следует сказать, что в последние годы, вследствие близорукой политики, Тигран II совершил немало ошибок, которые и привели к роковым последствиям⁸⁹. [83-84]

Тучи сгущались. В 70 году до н.э. тесть Тиграна II Митридат Понтийский был разгромлен римским полководцем Лукуллом и бежал в Армению, где некоторое время был энергичным советчиком «царя царей»⁹⁰.

В 69 году до н.э. Лукулл, в полной тайне готовившийся к войне, вторгся в Армению и весной того же года осадил Тигранакерт. Тигран II к этому времени собрал огромную армию. К нему на помощь, как сообщает Плутарх, пришли «поголовным ополчением армяне и кордуены, явились цари, ведя медов (атропатенцев. - И. А.) и адиабенов поголовным ополчением, пришли от моря, что в Вавилоне, много арабов и много албанов [с берегов] Каспия и соседствующих с албанами иберов; прибыло немало племен, не имеющих царей и пасущих стада [на берегах] Аракса, привлеченные [одни] желанием оказать помощь, [другие] - дарами»⁹¹. Кстати, этот отрывок не дает никаких оснований считать (как полагают некоторые ученые)⁹², что войско Тиграна II состояло из «подчиненных ему вассальных царств и княжеств»⁹³. В тексте Плутарха, как уже отмечалось в специальной литературе, речь идет о том, что одни из перечисленных народов движимы были желанием просто помочь Тиграну II⁹⁴, а другие были привлечены дарами⁹⁵. Возможно, среди пришедших на помощь народов были и те, которые связаны были с армянским царем отношениями зависимости.

Следует отметить, что Тигран II прямо перед роковым боем, как сообщает Плутарх, «принял командование над средней частью войска, левое крыло доверил адиабенскому царю, а правое, в передних рядах которого находилась также большая часть бронированной конницы, - мидийскому (атропатенскому. - И. А.)»⁹⁶.

Эта закованная в броню и вооруженная копьями часть конницы, на которую Тигран II, по словам Плутарха, «возлагал особые надежды», состояла из семнадцати тысяч конников. Сообщая об этом, Плутарх специально отмечает, что «это число приводится в донесении Лукулла сенату» (см. Plut., Luc., XXVI). Командовать именно этой частью союзного войска, которое, почти несомненно, состояло из мидян и было приведено из Атропатены [вспомним Страбона, сообщившего о наличии у атропатенцев 10 000 всадников, или слова процитированного выше Плутарха, свидетельствовавшего о том, что «явились цари, ведя медов (атропатенцев. - И. А.) и адиабенов поголовным ополчением» и т.д.], было поручено зятю Тиграна II - атропатенскому царю Митридату.

В битве при Тигранакерте, осенью 69 года до н.э., несмотря на значительное численное превосходство войск союзников, вследствие ошибок царя и его неблагоразумия⁹⁷, Лукулл одержал блестящую победу, наголову разбив своих противников⁹⁸. Здесь же [84-85] следует отметить, что, как на это уже указывалось авторитетными учеными, «простое скопление огромных полчищ не только безрезультатно, но делает также негодными действительно выносливые и боеспособные войска, к которым они присоединяются, вовлекая их в общее поражение»⁹⁹.

Римлянам достались несметные богатства - казна Тиграна II в восемь тысяч талантов¹⁰⁰, тридцать миллионов медимнов зерна¹⁰¹ и многое другое. Тигран II потерял почти все завоеванные им земли.

Последствия этого поражения были весьма тяжелы. Это было началом конца созданной силой оружия державы, краеугольным камнем которой являлись великодержавная амбициозность и политика насилия.

Однако время еще не пришло. После поражения союзники делали все, чтобы усилить антиримский лагерь. Ими были сделаны величайшие усилия, чтобы примирить армян с парфянами и склонить их к совместной борьбе с общим врагом - Римом¹⁰².

Тигран был даже готов поступиться частью приобретенных в процессе завоеваний земель в пользу парфян. Но и римляне, хорошо понимая всю опасность ситуации, которая могла бы возникнуть в случае присоединения парфян к союзникам, не дремали. Лукулл отправил к парфянам посла. Таким образом, каждая из сторон попыталась в своих интересах вовлечь в конфликт парфянского царя Фраата III¹⁰³. Однако последний предпочел нейтралитет¹⁰⁴, что, несомненно, было величайшей ошибкой.

68 и 67 годы до н.э. Тигран II и Митридат Понтийский, несомненно, при активном участии Митридата Атропатенского, собравшие огромную армию, состоящую в основном из армян, иберов, мардов и атропатенцев¹⁰⁵, одержали несколько важных побед над Лукуллом. Первая из них была победа у реки Арацания в сентябре 68 года до н.э.¹⁰⁶

Сопоставляя данные двух наших основных источников по этому вопросу - Плутарха (Luc., XXXI, 7 - 14) и Диона Кассия (XXXVI, 4 - 5) - можно прийти к заключению, что Лукулл, желавшего во что бы то ни стало сразиться с противником и захватить древнюю столицу Армении Арташат и с этой целью переправившегося через реку Арацания, встречает конница союзников. Лукулл, как повествует Плутарх (XXXI, 7 - 14), «был устрешен грозным видом и огромной численностью едущих с Тигранов-

садников... Сам он первым ударил на атропатенцев, чьи лучшие силы находились как раз против него...»^{*}. [85-86]

У Диона Кассия (XXXVI, 4 - 5) по этому поводу сказано, что конница неприятеля (разумеется, как это явствует из Плутарха, и атропатенцев) «сильно потеснила римскую, но никто из них не вступал в рукопашный бой с пехотинцами, а наоборот, они тотчас же отступали каждый раз, как только Лукулл в помощь своим всадникам высылал щитоносцев. Несмотря на это, враги не понесли никакого урона, и, поворачиваясь, стреляли из луков в преследовавших их врагов, многих тут же убивали, многим же нанесли раны...»

Итак, в битве при Арацании, в которой принимала участие и атропатенская конница, римляне понесли тяжелое поражение¹⁰⁷.

Вознамерившийся идти к Арташату Лукулл был вынужден, вследствие тяжелых зимних условий Армении и непослушания солдат, направиться в Месопотамию.

Тем временем союзные армии, развивая свой успех, вторглись в Малую Азию, нанося римлянам тяжелые потери¹⁰⁸. Особенно бурную деятельность развил Митридат Атропатенский, который, неожиданно налетая на римлян, преследовал и уничтожал их рассеянные там и сям небольшие отряды¹⁰⁹.

В 67 году до н.э. Тигран II вторгся в Каппадокию и вместе со своим зятем, царем Атропатены, стал ее покорять и опустошать¹¹⁰. В том же году Лукулл был отозван из Азии.

Так бесславно завершилась попытка Рима расширить зону своих азиатских владений. Так же позорно окончилась карьера одного из видных римских полководцев - Лукулла.

Союзники торжествовали победу. Митридат Понтийский и Тигран II вернули немало завоеванных прежде, но затем утраченных земель¹¹¹.

Войны эти вовсе не были только войнами Рима и Армении, как это нередко преподносится в специальной и учебной литературе¹¹². Это были очень тяжелые войны целого ряда народов региона, стремившихся противостоять римской экспансии, которая несла с собою смерть, разрушения, грабежи, угон и продажу в рабство населения и т.д. Все это очень хорошо знали насельники областей Передней Азии. И поэтому, несмотря на религиозные различия, политические, экономические и иного характера разногласия, имевшие место в ту пору между ними, они объединялись против общей большой угрозы. Конечно, основная роль в этом союзе в ту пору принадлежала Армении, с которой, однако, ее с полным правом разделяли Понт и царство Атропатидов.

К сожалению, несмотря на все попытки союзников, к антиримской коалиции не удалось привлечь Парфию, которая была в ту пору все еще достаточно сильна. Возможно, если Парфию удалось [86-87] бы привлечь на сторону союзников, события мировой истории выглядели бы иначе.

О том, что «возбуждение» против Рима носило всеобщий характер можно заключить из наших источников. В частности, у Цицерона по этому вопросу имеются чрезвычайно интересные сведения. Он свидетельствует о том, что после вторжения войск Лукулла в пределы тиграновых владений «...еще большее количество племен было возбуждено к восстанию против нашего полководца. С одной стороны, были объаты страхом племена, которых римский народ никогда не думал тревожить или покорять войной. С другой стороны, среди варварских племен распространилось мнение, способное сильно взволновать и потрясти умы, - будто наши войска пришли в те страны с целью ограбления богатейшего и весьма почитаемого святилища. Таким образом, многочисленные и сильные племена были возбуждены каким-то небывалым страхом и ужасом...»¹¹³.

Всеобщий характер этой войны прозорливо подметили и некоторые исследователи уже в XIX веке. «Война, - писал крупнейший историк Рима, - должна была теперь стать из войны правительств национально-азиатской войной, - цари и народы Азии объединяются против могущественного и высокомерного Запада... Нетрудно было изобразить эту войну национальной борьбой Востока с Западом, потому что таковой она была...»

Толпами стекались азиаты под знамена царей, призвавших их к защите Востока и его богатств от безбожных чужеземцев»¹¹⁴.

Если отбросить некоторые неточные, не совсем правильные и модернистские выражения, вроде таких, как «национально-азиатская», «национальная борьба» и т.д., сказанное, невзирая на возражения некоторых историков¹¹⁵, желавших героем видеть только Тиграна II, очень точно передает ситуацию в областях Востока перед вторжением туда римских захватчиков.

Поражение Рима в войнах с союзниками вовсе не означало конец римской экспансии в области Востока. В 66 году до н.э. Гней Помпей сменил Лукулла в качестве полномочного наместника и главнокомандующего римских войск в восточных областях и немедленно энергично занялся подготовкой к

^{*} Дальнейшее повествование Плутарха, как это показал акад. Я. А. Манандян (Тигран II и Рим. Ереван, 1943, с. 155), является заведомым измышлением, которое не только ничем не подтверждается, но и противоречит достоверным свидетельствам Диона Кассия.

войне. Прежде всеш он заключил союз с парфянами, которые должны были начать войну с Арменией¹¹⁶, возможно, стал натравливать на Тиграна II сына его, Тиграна Младшего, восставшего против отца еще осенью 67 года до н.э. Женившись на дочери Фраата III, Тигран призвал в Армению парфянские войска, которые, судя по некоторым сведениям, захватив Атропатену¹¹⁷, вторглись в Армению и осадили Арташат¹¹⁸. [87-88]

Тем временем Помпей, окончательно разгромивший Митридата Понтийского, вторгся в Армению и приблизился к Арташату¹¹⁹.

В 66 году до н.э. Тигран II, потерявший своих союзников и видя всю безнадежность своего положения, заключил унижительный мир с римлянами, условия которого были продиктованы Помпеем¹²⁰. Это соглашение положило «конец молодой армянской великодержавной империи»¹²¹.

Тигран II должен был заплатить огромную контрибуцию и лишился всех завоеванных земель, «оставаясь царем лишь одной отечественной страны»¹²² - Армении, которую, по понятным соображениям, теперь нельзя было уже называть «Великой». Отныне Тигран II становится «другом и союзником римского народа»¹²³ (что на языке римлян означало вассалом), а Армения из великой державы превращается в вассальное царство¹²⁴ и военный форпост Римского государства¹²⁵.

Что было в это время с Атропатеной - мы ничего не знаем. Правда, до нас дошли некоторые римские источники¹²⁶, которые в перечне побежденных Помпеем стран и царей называют Мидию (Атропатену?) и ее царя Дария. Однако, как полагают авторитетные ученые, мы имеем здесь дело с теми «несносными преувеличениями, которые порождены широковещательными и нарочито двусмысленными реляциями Помпея...»¹²⁷.

Единственный вывод, который можно сделать из этих сообщений, это то, что где-то близко к 65 году до н.э. правителем Атропатены стал Дарий.

Итак, несмотря на то, что в описываемый период Атропатена и атропатенцы в наших источниках упоминаются всего лишь несколько раз и только в связи с историей соседних стран или событиями общерегионального характера, несмотря на многие неясности и т.д., общая картина разыгрывавшихся в ту пору на Переднеазиатском Востоке событий, - картина, которую мы набросали выше, позволяет нам с полным основанием утверждать, что атропатенцы, будучи значительной антиримской силой, самым активным образом участвовали в эпохальной борьбе народов региона против непрошенных «гостей». Они, несомненно, выстояли в этой тяжелейшей борьбе, отстаивали свою независимость. Между прочим, Страбон, опиравшийся на Аполлонида, являвшегося, как кажется, почти современником¹²⁸ рассмотренных выше событий, сообщает, что Атропатена «довольно значительная в смысле военной силы страна, так как она может... выставить 10 000 всадников и 40 000 пехотинцев» (XI, XIII, 2). Это действительно внушительная сила. После мира с Тиграном Помпей отправился в страны Закавказья. После разгрома Тиграна II парфяне несмотря на отдельные неудачи превращаются в единственную значительную силу, проводившую [88-89] независимую политику, причем прямо враждебную Риму, собирая вокруг себя все недовольные элементы¹²⁹. Можно сказать, что ко второй половине 50-х годов I века до н.э. Парфия была фактически в состоянии войны с союзной Риму Арменией¹³⁰. И если Рим пока еще не объявил войны Парфии, то это было следствием напряженной обстановки в столице республики¹³¹.

Оценивая ситуацию, можно определенно сказать, что где-то к середине I века до н.э., согласно греческим и римским авторам¹³², мир был разделен между Парфией и Римом.

Первое решительное сражение между римлянами и парфянами произошло в 53 году до н.э. у города Карры в северной Месопотамии¹³³.

Парфянские войска под командованием Сурены нанесли римлянам жесточайшее поражение¹³⁴. На поле боя погибло свыше 20 тысяч римских воинов, около 10 тысяч было взято в плен¹³⁵. Погибло много военачальников, в числе их сам командующий Красс и его сын.

Парфянская держава вновь была на подъеме, что и заставило армянского царя Артавазда, заклятого врага парфян, пойти на союз с царем Парфии Ородом II и даже породниться с ним, выдав свою сестру за царевича Пакора, вскоре ставшего царем-соправителем¹³⁶.

Победа парфян над римлянами при Каррах имела огромные военно-политические и психологические последствия¹³⁷. Она не только приостановила продвижение Рима на Восток, но и сняла в глазах населения региона ореол непобедимости с римлян, находившихся на вершине своего могущества. Память об этом страшном поражении жила в Риме до самой гибели империи.

Атропатенцы, конечно, не могли быть безучастными наблюдателями событий, развернувшихся в связи с Каррами. Они почти, несомненно, были в одном лагере с парфянами. Это показали и события ближайшего будущего.

Мы не знаем, кто царствовал тогда в Атропатене. Нам известно* лишь, что между Дарием и знаменитым Артаваздом (см. ниже) страной управлял Ариобарзан, которого, в отличие от Ариобарзана II (см. ниже), следует именовать Ариобарзаном I.

Между прочим, в связи с Каррами мы узнаем о мидянах одну деталь этнографического характера. Плутарх, сообщая о Сурене, свидетельствует, что «по обычаю мидян, он притирал лицо румянами и разделял волосы пробором, тогда как прочие парфяне, чтобы [89-90] казаться страшнее, носят волосы на скифский лад, опуская их на лоб»¹³⁸.

Эпоха Орода II (57 - 36 гг. до н.э.) была несомненно временем наибольшего могущества Парфянской державы¹³⁹. Парфяне той поры, хотя в конечном счете и не смогли воспользоваться плодами своей эпохальной победы при Каррах и гражданскими войнами в Риме, вели довольно энергичную борьбу против римлян. К 40 году до н.э. парфяне начали широкое наступление на владения Рима в Восточном Средиземноморье¹⁴⁰, став прямой угрозой владычеству римлян в этом районе¹⁴¹.

Римско-парфянские отношения в значительной степени осложнились со времени возвышения Марка Антония¹⁴², римского триумвира, с именем которого связаны важнейшие события, в частности в истории Атропатены.

Уже в 38 году до н.э. военачальник Антония Публий Вентилий при Гиндаре нанес парфянам тяжелейшее поражение¹⁴³, о котором древний автор, современник событий Помпей Трог, в своем труде напишет следующие слова: «Ни в одну из войн парфяне не терпели более страшного поражения»¹⁴⁴. Итак, так удачно начатое парфянами продвижение на Запад, блестящие успехи, проникновение парфянских отрядов вплоть до Ионии и т.д. имели печальный конец. Катастрофический исход антиримских мероприятий парфян, что было сопряжено с огромными людскими и материальными потерями, вызвал острый политический кризис в Парфянской державе¹⁴⁵. Парфяне после своего поражения у Гиндара долгое время не показывались на римском берегу Евфрата¹⁴⁶.

После гиндарской битвы Антоний сам принял командование над войсками¹⁴⁷. Войско его было огромно. Древние авторы только одних римских легионеров насчитывают в нем от 60 до 70 тысяч, вспомогательных войск - около 40 тысяч, 10 тысяч испанских и галльских, 6 тысяч армянских всадников и т.д.¹⁴⁸. В обозе римлян имелись осадные машины и прочее снаряжение¹⁴⁹.

Союз Антония с его любовницей египетской царицей Клеопатрой, окончательно оформленный в 36 году до н.э., в полной мере определил политические позиции триумвира как защитника интересов эллинизированной знати различных областей Восточного Средиземноморья¹⁵⁰.

Именно поэтому Антоний восстановил на значительной части подвластных ему территорий систему мелких эллинизированных государств¹⁵¹, союз знати которых он намеревался возглавить¹⁵².

Антоний вел себя как самодержец: раздавал земли, перекраивал границы государств¹⁵³. Особенно щедро была одарена Клеопатра¹⁵⁴.

Кампания Антонием была задумана широко, планы его были обширны. [90-91] Триумвир замыслил основать великую азиатскую державу, наподобие царства Александра Македонского. Следуя примеру Красса, объявившего перед своим выступлением в поход, что он распространит владычество Рима до Индии, Антоний назвал сына своего, рожденного ему Клеопатрой, Александром¹⁵⁵. Ведя себя как самодержец и по примеру восточных великих царей считая себя божественного происхождения¹⁵⁶, он своего сына Александра прозвал Гелиосом* (а его сестру - близнеца Клеопатру - Селеной**)¹⁵⁷. Именно этот Александр, названный так в честь великого завоевателя, позднее был помолвлен с дочерью атропатенского царя.

Воссоздание великой азиатской державы невозможно было без покорения Парфянской державы. Итак, завоевание Парфянской державы, война с парфянами...

Поход готовился в какой-то степени за счет крупных денежных сумм, полученных от Клеопатры¹⁵⁸, которая в значительной степени была также вдохновительницей его¹⁵⁹.

Антоний двинулся в поход где-то летом 36 года до н.э.¹⁶⁰. Хотя значительная часть удобного для военных действий времени года была уже пропущена¹⁶¹, однако ситуация, сложившаяся после прихода к власти Фраата IV в Парфии, где царил жесточайший террор, приведший к гибели многих знатных, самого престарелого Орода II и др.¹⁶², а также наметившиеся резкие расхождения между новым парфянским царем и царем Атропатены, что было причиной обращения последнего к Антонию¹⁶³, казалось, благоприятствовали планам триумвира¹⁶⁴.

* В Res gestae divi Augusti (XXXIII) сказано, что «...Ариобарзан (имеется в виду Ариобарзан II. -И. А.), царя Артавазда сын, царя Ариобарзана внук...» Следовательно, Ариобарзан I управлял Атропатеной до известного Артавазда, где-то между 60-ми и 30-ми годами I века до н.э.

* Г е л и о с - в греческой мифологии бог Солнца.

** С е л е н а - в греческой мифологии богиня Луны.

Однако кризис был преодолен. Перед лицом римской опасности парфяне и их союзники сорганизовались. Фраат IV подтянул довольно значительные силы в Северную Месопотамию, собираясь вернуть военные действия, против римлян в районах к востоку от Евфрата, которые благоприятствовали для действий больших масс искусной парфянской конницы¹⁶⁵. Атропатенский царь, который, как кажется, имел «16 тысяч всадников, вооруженных почти так же, как парфяне»¹⁶⁶, был, несомненно, вместе с Фраатом на Евфрате¹⁶⁷. Это следует, кроме всего прочего, также и из того, что когда римляне осаждали одну из столиц Атропатены Фрааспу, там самого царя не было, а «находились дети и жены мидийского (т.е. атропатенского. - И. А.) царя»¹⁶⁸. [91-92]

Но против ожидания Антоний не пошел на столицу парфян Ктесифон. Это казалось тем более странным, что и в прежние времена и позднее войны римлян против Парфии начинались с ктесифонского направления¹⁶⁹.

То, что Антоний не двинулся ближайшим путем на Ктесифон, было, по мнению некоторых ученых, военной и еще более политической ошибкой командующего¹⁷⁰. Вместо, так сказать, «проторенного» пути Антоний пошел в северном направлении и дошел до города Карана (нынешний Эрзерум)¹⁷¹, откуда он через территорию Армении собирался вторгнуться в Атропатену, а оттуда уже, по-видимому, «в самое сердце» (Т. Моммзен) неприятельской державы - Экбатану, Раги и т.д.¹⁷². Таким образом, Антоний намеревался выйти на пути, соединявшие Парфию с богатейшими областями Двуречья, которые, в случае удачи римлян, парфяне не смогли бы оборонять, ибо им тогда пришлось бы бросить все силы на защиту «колыбели» своей державы - собственно Парфии¹⁷³. Причин такого решения триумвира было несколько. Прежде всего такой план, при составлении которого Антоний, как полагают, воспользовался наметками плана парфянской кампании, подготовлявшейся Юлием Цезарем в последние месяцы жизни¹⁷⁴, был совершенно неожиданным для парфян и уже поэтому весьма выигрышным для римского полководца. Во-вторых, идя указанным выше путем, Антоний, возможно, собирался соединиться с войсками Публия Канидия Красса, к тому времени уже, как сообщает Кассий Дион, победившего иберов и албан¹⁷⁵ и, как полагают некоторые ученые, тем самым обезопасившего римлян от нападений со стороны Закавказья¹⁷⁶. В-третьих, такой план похода, весьма устраивавший армянского царя, мечтавшего, как и предки его, завладеть Атропатеной¹⁷⁷ и поэтому так настойчиво рекомендовался римскому полководцу Артаваздом¹⁷⁸, очевидно, не жалевшего красок при описании достоинств и выгод его.

Итак, соединившись со своими союзниками¹⁷⁹ в Каране, Антоний устроил здесь смотр¹⁸⁰ своей блестящей и грозной армии и «немедленно двинулся дальше, оставив Армению слева от себя, и, достигнув Атропатены, стал разорять страну»¹⁸¹.

Путь армии Антония пролегал, очевидно, по линии Хой - Маранд¹⁸², откуда триумvir надеялся быстрым маршем добраться до Фрааспы (Фрааты и т.д.) и захватить ее. Если исходить из Страбона (XI, XIII, 3), то Фрааспу, в отличие от Газаки, которую античный автор называет «летней столицей» и которую ныне локализуют у деревни Лейлан¹⁸³, следует признать зимней резиденцией атропатенских царей. Правда, Страбон, город, осажденный Антонием, в отличие от других авторов, называвших его Фрааспой (Фраатой и т.д.), именует «сильной крепостью Верой» (там же), [92-93] ссылаясь при этом на Квинта Деллия, римского должностного лица, принимавшего участие в походе¹⁸⁴. Вообще в сообщении Страбона о резиденциях атропатенских царей не все ясно, в частности не ясен вопрос о крепости Вера. Одни считают Веру цитаделью Газаки, другие - Фрааспы, третьи полагают, что это сама Фрааспа¹⁸⁵. Фрааспу до недавнего времени искали на месте руин совр. Тахт-и Сулеймана¹⁸⁶, но в последнее время ее локализуют в окрестностях Мараги¹⁸⁷. В связи со сказанным интересно отметить, что недавно вновь было высказано предположение, что Веру следует искать в полутора десятках километров от Мараги¹⁸⁸, где на склонах Сахенда действительно сохранились крепостные сооружения Дашкале Зохах¹⁸⁹. Все это пока весьма проблематично, и сказать что-либо твердо - довольно трудно. Возвращаясь к походу Антония, следует сказать, что внешне вполне разумно и рационально выглядевший план военной кампании при воплощении в жизнь оказался исключительно трудным. Сам Антоний, принимая этот план, не имел представления о трудностях местности и вовсе недооценил силы сопротивления противостоящих ему атропатенцев и парфян¹⁹⁰.

Сразу возникли значительные трудности при передвижении по горным дорогам - особенно для огромного обоза, состоящего из трехсот повозок, на которых везли осадные и метательные машины, в частности восьмидесятифутовый таран¹⁹¹ и другое снаряжение.

Стремясь быстро захватить Фрааспу, нетерпеливый Антоний решил оставить обоз под охраной двух легионов своего легата Оппия Статиана и вспомогательных отрядов, в их числе и войск Артавазда Армянского¹⁹² и царя Понта Полемона, а сам двинулся вперед. Это была грубейшая тактическая ошибка, что было отмечено еще Плутархом¹⁹³. При подобной ситуации, во-первых, возникала совершенно неве-

*** В другом месте Плутарх (Ant., II) раскрывает содержание выражения «как парфяне» и, говоря об атропатенской коннице, сообщает: «...вооруженной луками и стрелами».

роютная растянутость армии, ее коммуникаций: протяженность только отряда, оставленного для охраны обоза, и самого обоза должна была равняться 10 - 12 км¹⁹⁴, что, конечно, создавало много трудностей. Во-вторых, подобный шаг вынуждал триумвира по существу на бездеятельность у мощных стен Фрааспы, где римляне стали насыпать вал¹⁹⁵. Кстати, вопреки ожиданиям Антония, Фрааспа была подготовлена к длительной обороне. Там, судя по всему, был довольно значительный гарнизон и большой запас продовольствия¹⁹⁶. В-третьих, создавалась прямая опасность для отрядов Оппия Статиана и союзников Антония, отрезанных от основной массы римской армии.

Вскоре ошибкой Антония не замедлили воспользоваться его враги. Мобильная парфянская армия под командованием самого Фраата IV, состоящая приблизительно из 40 - 45 тысяч всадников, в их числе и атропатенских, по получении сведений о направлении [93-94] движения армии римлян довольно быстро напала на ее след. Идущий на выручку осажденной Фрааспы, Фраат, узнав об отрядах Оппия Статиана, выслал, как сообщает Плутарх¹⁹⁷, «сильный отряд конницы, которая зажала Статиана в кольцо и перебила 10 тысяч римских солдат. Сам Статиан тоже погиб, машины варвары изломали и разбили. Кроме машин в их руках оказалось множество пленных, и среди них - царь Полемон».

Пришедший на помощь своему легату и союзникам Антоний, по словам Диона Кассия, «не нашел ничего больше, кроме трупов»¹⁹⁸. Армянский царь Артавазд позорно покинул поле боя вместе со своим отрядом¹⁹⁹.

Уничтожение арьергарда и бегство армянского царя по существу решили исход кампании²⁰⁰. Однако Антоний пока не прекращал осады Фрааспы. Парфяно-атропатенская конница к тому времени полностью отрезала римлянам пути к отступлению и по существу заблокировала их²⁰¹. В лагере осаждавших начинался голод²⁰². Тактика парфяно-атропатенского командования после уничтожения римского арьергарда была выжидательной и носила фактически оборонный характер. Оно, не желая рисковать, намеренно избегало крупных сражений с войсками Антония до той поры, когда силы захватчиков будут измотаны и тогда уничтожение римской армии не представит трудностей. Пока союзные отряды, налетая на римлян «то с одной, то с другой стороны» (Плутарх), изматывали непрощенных гостей.

Затянувшаяся осада Фрааспы, уничтожение отрядов, высылавшихся на фуражировку²⁰³, голод и многое другое деморализовывали войска противника.

С целью поднятия боевого духа легионеров и стремясь добиться быстрого исхода кампании, которая, в случае затяжки войны до зимы, неминуема должна была обернуться для римлян трагедией, Антоний «...с десятью легионами*, тремя преторскими когортами** и всей конницею*** отправился добывать продовольствие и корм для лошадей - в надежде, что так скорее всего вынудит врагов принять открытый бой»²⁰⁴.

Римляне, встретившись с союзниками, немедленно атаковали их, но ловкие всадники быстро скрылись, оставив на поле боя всего 80 убитых, а пленных было захвачено всего 30 человек²⁰⁵.

Римлян, как сообщает Плутарх²⁰⁶, «охватило чувство бессилия и отчаяния, всех угнетала страшная мысль, что победа дает им выигрыш, [94-95] столь ничтожный, а поражение может снова отнять столько же, сколько отняло побоище у повозок»****.

На другой день, при возвращении римлян в лагерь под Фрааспой, союзные войска, ведя с противником, так сказать, «войну нервов», несколько раз нападали на него, «так что римляне насилу добиваются до своего лагеря»²⁰⁷.

Тем временем осажденные в Фрааспе «мидяне (т.е. атропатенцы. - И. А.), совершив набег на лагерные укрепления, распугали и отбросили передовых бойцов...»²⁰⁸. Как это можно предположить, исходя из Плутарха и Диона Кассия, осажденные сделали смелую вылазку во время отсутствия Антония, который по возвращении сурово наказал путем «децимации»***** те части своих войск, которые допустили противника, причинившего римлянам много вреда, в расположение лагеря. Он, - пишет Плутарх, - «...разбил их (воинов, проявивших, по выражению автора, «малодушие». - И. А.) на десятки и из каждого десятка одного - кому выпал жребий - предал смерти, остальным же распорядился вместо пшеницы выдавать ячмень»²⁰⁹.

Приближения зимы в равной степени опасались как римляне, так и защитники Атропатены - парфяне и мидяне. Антоний хорошо понимал, что стать на зимние квартиры в стране, население которой глубоко враждебно относилось к римлянам, просто невозможно. У него не было надежного опорного пункта, ближайшая округа была опустошена и потому подвоз припасов не мог быть обеспечен²¹⁰. Фраат IV вместе со своим союзником Артаваздом Атропатенским не хуже Антония понимали, что содержать

* В легионе было около 4000 солдат (см. статью Т. Kromayer'a в «Hermes», XXXIII, 1898, с. 27).

** Преторская когорта - личная охрана командующего.

*** У Антония, как известно, было 10000 испанских и галльских всадников.

**** Имеется в виду гибель римского арьергарда Оппия Статиана.

***** Так называемая «десятичная казнь».

их огромную армию, в основном состоящую из конницы (40 - 50 тысяч!), зимою в полевых условиях, конечно, невозможно - основная масса всадников могла покинуть армию. На последнее обстоятельство, кстати, намекают античные авторы²¹¹, что, между прочим, свидетельствует о невысокой дисциплине в армии. Плутарх без всякой гиперболы сообщает: «...война была нелегкой для обеих сторон, а будущее представлялось еще более грозным»²¹².

Первым не выдержал Антоний - он отправил к Фраату IV послов с требованием возвращения старых и во время его похода захваченных знамен и пленных. Парфянский царь, принимая римлян, вел себя высокомерно и надменно (сцена описана Дионом Кассием)²¹³, отверг их требование, но заявил, что в случае, если они снимут осаду и без промедлений покинут страну, войска его не будут чинить им препятствий, и дадут римлянам возможность спокойно вернуться на родину. Разумеется, это были лишь [95-96] слова (которым, как кажется, по началу Антоний поверил). Командование союзников вовсе не хотело выпускать из рук верного успеха²¹⁴ и планировало уничтожение римских войск²¹⁵.

Считая перемирие фактически заключенным, Антоний после сборов, занявших несколько дней, побросал оставшиеся у него осадные машины (которые немедленно были сожжены осажденными)²¹⁶ и, невзирая на недовольство части воинов, снялся с лагеря и начал отступление - запоздалое или преждевременное, во всяком случае, несвоевременное. Союзное войско, невзирая на обещание Фраата IV, шло по пятам римлян, с твердым намерением уничтожить противника²¹⁷.

Римляне, отступая из Атропатены, шли не тем путем, по которому они вторглись в страну. Полагают, что Антоний, предупрежденный какой-то личностью или даже личностями*, повел своих воинов на восток от соврем. Мараги, затем по трудным горным дорогам вокруг восточных склонов Сахенда по направлению к Тебризской долине и Маранду, а оттуда уже, возможно, к Ахару и далее - к Араксу²¹⁸, который в ту пору «отделял Мидию (т.е. Атропатену. - И. А.) от Армении»²¹⁹.

Двадцатисемидневный переход по преимуществу по труднопроходимым, зачастую горным дорогам, в зимнюю стужу, голод, жажда, постоянное преследование со стороны вражеской кавалерии, около двадцати более или менее крупных схваток, только в одной из которых римляне потеряли 3 тысячи убитыми и 5 тысяч ранеными, сделали свое дело. Кстати, в числе преследователей римлян Плутарх²²⁰ однажды специально упоминает «отряд мидян (т.е. атропатенцев. - И. А.)».

Ценою очень больших потерь армия Антония добралась до Армении, где триумвир устроил смотр своему войску²²¹. Античные авторы и современные ученые потери Антония в Атропатене определяют хотя и различно, но единодушно в том, что они были огромны²²². Полагают, что общее число погибших в Атропатене римлян приближается к 35 тысячам²²³. [96-97]

Итак, грандиозная по своим масштабам «парфянская» экспедиция - поход, который, по мысли Антония и Клеопатры, должен был бы стать повторением великой эпопеи Александра и завершиться воссозданием его державы, - закончилась почти катастрофой. Римляне получили в Атропатене хороший урок.

Причин провала затеи Антония было немало. Причины эти были как объективного характера (труднопроходимые дороги, суровая зима, голод и т.д.), так и субъективные (стратегические, тактические и политические ошибки «упрямого» главнокомандующего). Одни историки провал кампании 36 года объясняли объективными, другие - субъективными причинами²²⁴.

Но главное заключалось в том, что римляне, как завоеватели, несшие с собой грабежи, насилие и пытавшиеся восстановить эллинистические порядки и поработить местное население, вызывали ненависть самых широких масс этого населения, уже давно ополчившегося против «эллинов» и эллинистических порядков и в процессе жестокой борьбы успевших возродиться этнически, возродить свою государственность, свою культуру.

Антоний и его советчики не учли тех глубочайших изменений²²⁵, происшедших в восточном, особенно «парфянском» мире за последние несколько десятилетий, - изменений, о которых говорилось в начале этой главы.

Все то, что мы знаем из источников, позволяет нам сказать, что атропатенцы - самые широкие слои населения - встретили римлян, в которых они видели преемников греко-македонских завоевателей, глубоко враждебно. Борьба против захватчиков носила всеобщий, всенародный характер. Только благодаря этому для римлян создались в Атропатене совершенно невыносимые условия. Только благодаря этому могущественные римляне были посрамлены, побиты и изгнаны из страны. Мужественное сопротивление атропатенцев, героическая оборона Фрааспы, всеобщая борьба против римских войск в значи-

---

* Одни утверждают (Plut., Ant., XLI и др.), что это был какой-то человек из племени мардов (некоторые считают, что вместо mardus следует читать margus, т.е. маргианец, см. The Cambridge History of Iran, 3, 1. Cambridge, 1983, с. 61. Другие полагают, что речь должна идти о солдате из прежней армии Красса, женившегося на мидянке (Ср. Florus II, 20; Velleus Paterculus II, 82. См. также The Cambridge History..., с. 61). Наконец, есть основание считать, что римлянам при отступлении их часто помогал знатный парфянский полководец Монес, старавшийся по-своему уплатить Антонию свой долг признательности за то щедрое гостеприимство римлянина, которым он пользовался, когда бежал от гнева Фраата IV, к которому он позднее вернулся.

тельной мере способствовали крушению авантюристического плана Антония завоевать Парфию²²⁶ и создать новую «мировую» державу на манер империи Александра Македонского.

Атропатенский царь торжествовал великую победу²²⁷. Победа была тем более знаменательной, что ему досталась огромная добыча, он был обладателем римских знамен, захваченных у Оппия Статиана, в плену у него находился царь Понта Полемон. Все это не могло не способствовать росту авторитета (возможно, даже международного) Атропатены и ее царя Артавазда.

Вскоре после этой эпохальной победы между союзниками - атропатенцами и парфянами - наступает разлад. Полагают, что причиной этого была ссора двух владык, возникшая при дележе [97-98] добычи, захваченной у римлян^{**}. Едва ли причина была только в этом. Очевидно, дела обстояли значительно сложнее и «внушали мидийцу (т.е. Артавазду. - И. А.) подозрение и страх, что Фраат покушается на его престол»²²⁸.

По-видимому, парфянский царь решил, что пришла пора поглощения Атропатены. Так или иначе, положение было настолько угрожающим, что Артавазд, как кажется, убежденный филопарфянин, рискует отойти от традиционной пропарфянской политики и в 35 году до н.э. посылает своего пленника Полемона в Александрию к Антонию с предложением мира и дружбы²²⁹, «зовет его к себе, обещая выступить на стороне римлян со всем своим войском»²³⁰. Итак, Артавазд впервые в истории Атропатены решил сделать ставку на силу римского оружия.

Раздоры между Артаваздом и Фраатом не могли не радовать незадачливого триумвира, не собиравшегося отказываться от сумасбродной идеи создания «мировой» державы. По словам Плутарха, «новые и самые радужные надежды открывались (теперь) Антонию»²³¹. Для нас очень важно то (и на это обращает особое внимание Плутарх), что «если в прошлый раз, - как пишет античный автор, - чтобы одолеть парфян, ему (т.е. Антонию. - И. А.) недоставало лишь одного - многочисленной конницы, вооруженной луками и стрелами, то теперь она была в его распоряжении... и он уже готовился еще раз пройти через Армению, чтобы, соединившись с мидийцем у реки Аракса, открыть военные действия»²³². Правда, конница еще не была в распоряжении Антония. Но не в этом дело. Для нас в данном случае важна высокая оценка атропатенской кавалерии. Именно ее не хватило, чтобы одолеть грозных парфян!

Роковой шаг совершен... Вчерашние заклятые враги протягивают друг другу руки и строят обширные планы на будущее. Весной 34 года до н.э. Антоний двинулся в Армению, захватил в плен царя Артавазда и его семью, взял столицу страны - Артаксату, завладел казной и объявил Армению завоеванной²³³. Провозглашенный царем Армении, Артаксий (Арташес) поначалу пытался сопротивляться римлянам, но вскоре бежал к парфянам. Тогда же Артавазд Атропатенский возвратил Антонию знамена, захваченные у Оппия Статиана²³⁴, пообещал выдать свою дочь Иотапу за сына Антония и Клеопатры Александра²³⁵, предназначенного отцом во владетели Востока. Антоний объявил о продолжении войны с Парфией, но ее пришлось отложить до победы над главным [98-99] западным соперником - Октавианом, бывшим своим союзником, членом второго триумvirата, будущим Августом²³⁶.

В том же 34 году до н.э. Антоний отпраздновал в Александрии триумф над Арменией²³⁷. Тогда же в самой помпезной обстановке Антоний «сыновей, которых Клеопатра родила от него, провозгласил царями царей и Александру назначил Армению, Мидию и Парфию (как только эта страна будет завоевана)... Александра Антоний вывел в полном мидийском уборе, с тиарой и прямой китарой*... Это был наряд царей Мидии и Армении...»²³⁸.

По-видимому, тогда же состоялась официальная помолвка Александра Гелиоса и Иотапы. Тем временем положение Артавазда Атропатенского весьма осложнилось. В значительной мере в связи с этим обстоятельством Антоний вынужден был весной 33 года до н.э. двинуться в Армению. Сосредоточив здесь вновь большое войско, он собирался было начать поход против парфян, но обострившийся конфликт с Октавианом заставил Антония отказаться от войны с парфянами. Римский полководец, спешивший вернуться на Запад, встретился с атропатенским царем, оставил на подмогу ему небольшое войско, просил оказать ему помощь в борьбе с Октавианом²³⁹ и удалился из Армении.

Как кажется, в это время Артавазд несколько расширил свои владения за счет соседней Армении²⁴⁰.

Первое время Артавазд в какой-то мере благодаря римской помощи мог отражать парфяно-армянский натиск, но вскоре, лишившись римских войск, которые были отозваны Антонием из Армении, был разбит и взят в плен, а Атропатена Фраатом IV была отдана армянскому царю Артаксию²⁴¹. Положение это, видно, длилось совсем недолго, ибо вскоре, судя по нескольким обстоятельствам, атропатенский царь бежал (?) из плена²⁴². И только потому перед битвой при Акции (31 год до н.э.), обер-

^{**} Так думают античные авторы. Таково мнение многих современных авторов, в частности А. Гутшмида, Ф. Гроссо, А. Г. Бокщанина и др.

* Тиара и китара - царские головные уборы.

нувшейся для Клеопатры и Антония катастрофой, «царь Мидии (Атропатены. - И. А.), - как сообщает Плутарх, - [смог] прислать (на помощь Антонию. - И. А.) вспомогательный отряд»²⁴³.

Значит, в 31 году до н.э. Артавазд был уже на свободе. И именно ему, царю Атропатены, после трагической битвы при Акции, где флот Октавиана разбил флот Антония и Клеопатры, последняя, рассчитывая на поддержку Атропатены²⁴⁴, присылает голову убитого армянского царя Артавазда²⁴⁵, в свое время плененного и увезенного Антонием в Египет.

Вскоре того же Артавазда Атропатенского мы встречаем в роли ходатая уже у Октавиана, который передает ему, судя по [99-100] одним данным²⁴⁶, Малую Армению, по другим - просто Армению²⁴⁷ (ту, которую нередко неточно называют Великой Арменией?), и которой он управляет, по-видимому, до 20 года до н.э. (?)²⁴⁸. Октавиан возвращает атропатенскому царю и его дочь Иотапу²⁴⁹, суженую Александра Гелиоса. Все сказанное, в частности возвращение Иотапы, могло иметь место, конечно, только после полного поражения Антония и Клеопатры и захвата Августом Египта, т.е. где-то после 30 года до н.э.

Итак, с середины 30-х годов до н.э. политическая ориентация Атропатены резко меняется. Этот шаг, возможно и вынужденный, явился поворотным пунктом в истории страны, хотя быть может и не был хорошо продуман. Римская ориентация длилась недолго. Атропатена и атропатенцы вскоре вновь оказываются в одном лагере с Парфией и парфянами, и надолго - на целые два столетия. Сближение с Римом, дорогой ценой оплаченное Артаваздом, дало Атропатене немало выгод, а главное, породило еще больше надежд, особенно в связи с давно существующими у Атропатидов дерзкими амбициозными планами - стремлением захватить соседнюю Армению, объединить под единой короной Атропатенское и Армянское царства.

Близость культур, политические и иные связи, дружба и вражда между мидянами и армянами уходят в глубокую древность. Влияние мидян на армян было огромно. Страбон прямо пишет: «Обычаи мидян большей частью те же, что и у армян... Мидяне, однако, как говорят, являются родоначальниками обычаев армян...»²⁵⁰. Близость была настолько зримой, что античный автор говорит даже о «родстве» мидян и армян (что, конечно, неверно, но бесспорно, что мидийский и армянский языки - представители одной большой индоевропейской языковой семьи).

Мидяне уже давно завоевали крепкие позиции в армянской среде и играли весьма значительную роль в истории Армении на протяжении, по крайней мере, семисот лет²⁵¹.

В Армении было много мест, населенных мидянами. Армянские авторы говорят о мидянах, «живущих на свободном Масисе (Арарате. - И. А.)»²⁵². Интересно, что «марские (т.е. мидийские. - И. А.) селения» на восток от Арарата упоминаются армянскими авторами еще в эпоху средних веков, в частности в VIII веке²⁵³.

В политической жизни Армении античного времени важнейшую роль играл нахарарский род мидийского происхождения - Мурацанов, глава которого Марацоц-тер занимал «второе место» (т.е. был первым после царя) в социально-политической иерархии Армянского царства²⁵⁴. Весьма интересно, что в иерархии Парфянского государства, уже в I веке нашей эры, за правителями Атропатены [100-101] также было закреплено «второе место»²⁵⁵. Среди армянской знати было немало атропатенцев по рождению и т.д. Поэтому совсем не удивительно, что в древнеармянском языке, так же как и в древнеперсидском²⁵⁶, имеются мидийские лексические заимствования²⁵⁷.

Итак, взаимоотношения между двумя народами, двумя царствами были давние, носили традиционный характер. И нет ничего удивительного в том, что в период установления дружеских связей между Атропатеной и Римом, о которых говорит Страбон (XI, 13, 2), усилившийся атропатенский царь делает попытку объединить два царства.

В отличие от Антония, пытавшегося добиться компромисса между этими (т.е. агрессивными поползновениями атропатенцев) и своими собственными планами на Востоке, Август проводил по отношению к Атропатене, можно сказать, либеральную политику и оказывал полную помощь Артавазду и его преемникам, давая возможность вновь обрести им древний престиж и осуществить в пользу Рима свои притязания на армянский престол²⁵⁸.

Артавазд Атропатенский оставался верным союзником римлян - сначала Антония, а затем Августа.

Около 20 года до н.э. к власти в Атропатене приходит сын Артавазда Ариобарзан II²⁵⁹. Это было время, когда обстановка на Востоке изменилась к лучшему для Рима - парфяне перешли к политике мира и уступок Августу²⁶⁰.

Ариобарзан прожил в Риме с десяток лет. Тацит писал о нем как о «мидянине, отличавшемся телесной красотой и выдающимися душевными качествами»²⁶¹. Ариобарзан питал к римлянам самые дружественные чувства, и это, конечно, сыграло главную роль в его утверждении и на армянском престоле.

В связи с усилением парфянской ориентации и антиримскими выступлениями в Армении римляне где-то вскоре после 20 года до н.э. посылают в эту страну свои войска. Римляне объявляют царем

Армении Артавазда²⁶² (отец или сын Ариобарзана?), который спустя некоторое время, как пишет Тацит²⁶³, «был свергнут ими (армянами. - И. А.) не без ущерба для нас (т.е. римлян. - И. А.)».

Позже Ариобарзан, опираясь на прямую поддержку Августа, считал возможным воскресить надежды на обретение армянского престола²⁶⁴.

Вот что пишет по этому поводу Тацит²⁶⁵: «Тогда, чтобы навести порядок в Армении, туда был направлен Гай Цезарь (приемный сын Августа. - И. А.). С согласия и одобрения армян он назначил царем над ними Ариобарзана, родом мидянина...» В «Деяниях божественного Августа», базирующихся на собственном рассказе [101-102] принцепса о его деятельности, составленном в самом конце его жизни²⁶⁶, по интересующему нас вопросу сказано: «И этот же народ (армян. - И. А.), после того отпавший и возмущившийся²⁶⁷, усмирённый моим сыном Гаем, я передал под управление царю Ариобарзану, царя мидов (мидян; в данном случае имеются в виду атропатенцы. - И. А.) Артабаза (Артавазда. - И. А.) сыну...» (XXVII, 2).

Гай Цезарь в 1 году до н.э. вторгся в Армению. Завоеванная страна была передана атропатенскому царю. Итак, атропатенский царь Ариобарзан, которого армянская знать поначалу охотно приняла, стал также и царем Армении²⁶⁸. Сбылись наконец многолетние надежды и чаяния Атропатидов - оба царства были объединены под одной короной.

Однако царствование Ариобарзана в Армении не было спокойным. Армяне, подстрекаемые, видимо, парфянами, не желали терпеть иго чужеземного владыки. Во 2 году н.э.²⁶⁹ армяне подняли восстание против Рима и Ариобарзана²⁷⁰, что и было причиной повторного вторжения Гая в Армению. Особенно упорное сопротивление оказали армяне около крепости Артагира²⁷¹, расположенной, как полагают, где-то в долине Аракса²⁷². Именно здесь парфянский* военачальник Ад(д)²⁷³ нанес Гаю смертельную рану, от которой он скончался через несколько месяцев. Тем не менее в конечном счете армяне были разгромлены. По-видимому, в процессе этой войны атропатенский владыка отобрал обратно у армян район Албака²⁷⁴ (у Страбона ошибочно: Симбака. У Плиния: 'Αλον'αχα), являвшийся яблоком раздора между двумя странами.

Этот горный район, расположенный между озерами Ван и Урмия (около 38° северной широты и 44° восточной долготы), составлявший часть области Васпуракан²⁷⁵ - Басоропеда (той самой, которую, как свидетельствует Страбон (XI, XIV, 5), армяне во II веке до н.э. «отрезали» вместе с Каспианой и Фавнитидой у мидян - атропатенцев), имел огромное стратегическое, военно-политическое значение²⁷⁶.

Вполне возможно, что правителями именно этой области (Васпуракана), примыкавшей к Масису (где, по словам армянских авторов, жили мары-мидяне, см. выше), были занимавшие «второе место» в древней Армении²⁷⁷ мары-мидяне (род Мурацанов?).

В Албаке еще при Арташесе жили мидяне - «потомки Аждахака»²⁷⁸ (у Моисея Хоренского Аждахак=Астиагу. У Фомны Арцруни, возможно, имеется в виду Артавазд, союзник Антония)²⁷⁹, при [102-103] армянском царе Ерванде в крепостях Албака засвидетельствованы мидяне, в частности в крепости Дхельмар, как сказано в источнике, жила «женщина из семьи Аждахака»²⁸⁰, там же при описании события, возможно, конца 1 века до н.э. упоминается одна знатная атропатенская семья, позднее переселившаяся в Арташат²⁸¹ (Артаксату), столицу Армении.

Итак, объединенные римско-атропатенские силы, усмирив восставших, завладели в том же году (2 г. н.э.) Арменией. Ариобарзан был вновь объявлен царем Армении²⁸². Но царствовал он там недолго. Скончался Ариобарзан, согласно Диону Кассию²⁸³, вскоре после взятия Артагира. Тацит²⁸⁴ утверждает, что «после того как его (Ариобарзана. - И. А.) постигла смерть от несчастного случая, армяне не желали терпеть царями его детей...» Однако из «Деяний божественного Августа» нам хорошо известно, что Август после смерти Ариобарзана передал Армению «сыну его Артавазду» (XXVII, 2). Дион Кассий²⁸⁵ также сообщает о том, что Артавазд был утвержден на армянском престоле Августом и римским сенатом. Он управлял Арменией на протяжении нескольких лет и был убит где-то перед смертью Августа²⁸⁶. О его дружественном отношении к принцепсу свидетельствует серебряная монета с изображением Августа и надписью на обороте: βασιλεὺς μεγάλων Ἀρταῶν αὐτοῦ («царь великий Артавазд»)²⁸⁷.

Неожиданная смерть Гая, внезапный уход из жизни Ариобарзана, убийство Артавазда явились тяжелым ударом по планам Августа, да и его атропатенских союзников. Итак, сложившаяся во 2 году н.э. первая и последняя благоприятная обстановка для закрепления Атропатидов на армянском престоле вследствие ряда обстоятельств закончилась неудачей - Армения для Атропатидов была потеряна навсегда.

Как кажется, последним Атропатидом, правившим Атропатеной, был сын Ариобарзана II Ариоваст²⁸⁸. Вскоре угасла та яркая звезда Атропатидов, о которой мы узнаем из слов Страбона, - Атропатидов, первому из которых удалось сохранить независимость своей страны перед лицом гегемонистиче-

* У Бокщанина (Указ, соч., с. 167) он ошибочно назван армянским военачальником.

ских стремлений Александра Македонского, - Атропатидов, среди которых были Артабазан, Митридат, Артавазд и др., - Атропатидов, которые громили римлян, забирали у них в качестве трофеев их знамена, но в то же время и на протяжении приблизительно четырех десятилетий дружили с ними.

Римляне в эти годы не могли вести на Востоке агрессивную политику - у них не было достаточно военных сил и материальных средств. Положение римлян особенно осложнилось, когда в 14 году умер Август²⁸⁹.

Где-то около 20 года н.э. династии Атропатидов в Атропатене [103-104] был положен конец²⁹⁰. Власть перешла в руки младшей ветви парфянских Аршакидов.

В истории Атропатены, таким образом, завершается эпоха римской ориентации, атропатенцы вновь возвращаются в «парфянское лоно».

Атропатиды управляли страной около трех с половиной столетий - редчайший случай в истории, в частности, и древней. Между тем самое последнее, что мы узнаем об Атропатидах (сведения эти происходят не из Атропатены, а из Рима!), содержится в одной двуязычной латино-греческой надписи. В этой надписи упоминается имя последнего отпрыска атропатенской царской династии - Гая Юлия Артабаза (по-видимому, внука или правнука знаменитого Артавазда - врага, а позднее - союзника римлян), вписанного в одну из римских триб²⁹¹. Так потомок некогда могущественных царей стал римским гражданином - довольно печальный конец для него, среди предков которого были выдающиеся деятели, да и самой династии, но поучительный случай мировой истории.

ГЛАВА 6

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА АТРОПАТЕНЫ*

Памятники материальной культуры Атропатены до сих пор изучены крайне недостаточно. Это объясняется, во-первых, малочисленностью и фрагментарностью письменных источников и, во-вторых, незначительным объемом археологического обследования этого региона. Тем не менее, уже сейчас можно попытаться с той или иной степенью полноты охарактеризовать поселения Атропатены и их типы, архитектурные и фортификационные принципы, приемы строительной техники, типы погребального обряда, уровень денежного обращения этого государства и некоторые другие черты материальной культуры.

Поселения. Античные авторы (Страбон, Плутарх, Птолемей, Дион Кассий) свидетельствуют о достаточно развитой городской жизни Атропатены. В числе наиболее значительных городов эллинистическо-парфянского времени называют Фрааспу (Фразта, Фараспа), Газаку (Ганзака), Фанаспу, Аганзану и др. Трудность для исследователя, однако, состоит в том, что ни один из этих городов до настоящего времени окончательно не локализован. Фрааспу долгое время¹ отождествляли с современным городищем Тахт-и Сулейман, расположенным примерно в 160 км к юго-востоку от оз. Урмия. Однако недавние раскопки на городище экспедиции Немецкого Археологического Института² не выявили пока здесь слов парфянского времени, что побудило многих исследователей³ поддержать (или, по крайней мере, принять во внимание) высказывавшуюся ранее точку зрения о локализации Фрааспы в окрестностях современного города Марага⁴.

С городищем Тахт-и Сулейман, опираясь при этом, в первую очередь, на византийские источники⁵, отождествляли и Газаку⁶. Однако и эта локализация, особенно в последнее время, вызвала [105-106] резкие возражения ряда исследователей⁷, которые поддержали другую точку зрения, а именно относительно расположения Газаки в районе дер. Лейлан, находящейся восточнее г. Миандоб. Теперь эта идентификация является общепризнанной⁸.

Локализация двух других городов Атропатены - Аганзаны и Фанаспы - не вызывает разногласий среди исследователей. При этом Аганзана, отождествляемая с теперешним городом Зенджан⁹, не подвергалась серьезным археологическим работам. Что касается Фанаспы, то было высказано предположение, что этот город, отмеченный у Птолемея (VI, 2), идентичен с городищем Кале Зохах между современными городами Марата и Миане, ближе к последнему¹⁰. Городище неоднократно посещалось путешественниками и археологами¹¹, среди которых следует отметить разведочные изыскания в течение нескольких лет экспедиции Немецкого Археологического Института¹². Подробное (хотя и без раскопок) обследование памятника выявило значительные архитектурные, керамические и иные остатки, что, собственно, и послужило для исследователей основой¹³ для отождествления городища с птолемеевой Фанаспой.

Тазакентское городище в Мильской степи (Ждановский район Азербайджанской ССР), расположенное на двух холмах, окруженных рвами и датируемое керамикой, монетными и другими находками IV в. до н.э. - I в. н.э., отождествляется с древним Пайтакараном, упоминаемым в источниках первых вв. н.э.¹⁴

Помимо названных выше городов в античной литературе (Страбон, XI, 13, 3) засвидетельствована крепость Вера. Локализация этой крепости также вызвала оживленную полемику среди историков, главным образом, вследствие испорченности данного места в тексте Страбона. В зависимости от его прочтения высказывались следующие варианты локализации Веры: 1) цитадель Газаки; 2) цитадель Фрааспы; 3) сама Фрааспа¹⁵. Однако в недавнее время вновь было обращено внимание на предложение локализовать Веру приблизительно в 16 км выше Мараги, на склонах Сахенда¹⁶, поскольку примерно такую же удаленность на северо-запад от Мараги имеет крепостное сооружение Дашкале Зохах, под мощными строительными остатками которого, относящимися к исламскому периоду, заметны значительные остатки строений доисламского времени¹⁷. Косвенным свидетельством в пользу такого предположения, по мнению его сторонников, может служить труднодоступное и удобное для обороны положение крепости¹⁸.

---

* В написании этой главы принимал участие В. А. Гаилов, за что выражаю ему свою благодарность.

Представление о крепостных сооружениях парфянского времени в Мидии Атропатене дают разведочные работы экспедиции Немецкого Археологического Института в районе Астара - Ардебиль¹⁹. В ходе этих работ был зафиксирован ряд крепостей, функционировавших на протяжении длительного времени, в том числе, насколько [106-107] позволяет судить керамический материал, и в парфянское время: Кале Сасан, Кале Новдуз, безымянная «Кала» в 30 км к северо-западу от Ардебилля. В их размещении и устройстве можно заметить целый ряд общих черт. Все они располагаются на высоких, труднодоступных холмах, окружены мощными стенами из бутового камня²⁰ с полукруглыми башнями, имеют слабую внутреннюю застройку, но при этом всегда внутри стен имеется цистерна (или цистерны) для хранения запасов питьевой воды²¹.

К сожалению, ни одно из вышеперечисленных поселений Атропатены, как уже говорилось, не может считаться окончательно локализованным. Это в равной мере относится как к городищам, об идентификации которых спорят ученые, так и к городищам, отождествление которых с современными пунктами таких споров не вызывает. Однако надо полагать, что дальнейшие археологические работы помогут определить правомерность или ошибочность этих гипотез, а также выяснить более точно время существования и значение других памятников, в настоящее время датируемых, в общем, античным периодом: Кале Оглу, Камчи Чай, Кале Зарин Кух, Гяур Кале и др. в Южном Азербайджане, Карателе, Галатепе в Мильской степи и ряд других на территории Азербайджанской ССР.

Архитектура. Выбор строительного материала во все времена, и тем более в древности, целиком зависел от условий окружающего ландшафта. Перевозки, в силу относительной неразвитости экономических связей между различными областями, были затруднены, поэтому предпочтение отдавалось местным материалам. Географические условия Мидии Атропатены способствовали широкому применению в качестве строительного материала камня, хотя, ввиду трудоемкости его обработки, камень (в основном бутовый) использовался в первую очередь при возведении сооружений оборонительного характера (городские и крепостные стены, башни, форты и т.п.). Небольшие камни и гальки, скрепленные глиняным или гипсовым раствором, обычно служили фундаментом зданий из обожженного кирпича, который можно считать вторым по значению строительным материалом в этой области (павильон в Кале Зохах). Широко применялся камень, особенно известняк, песчаник в архитектурном декоре здания общественного назначения. Так, большое количество деталей декора было зафиксировано в районе дворца на Кале Зохах. Здесь же грабительскими раскопками было частично вскрыто одно из помещений здания, сложенного из каменных квадров²².

Дерево в строительстве применялось очень ограниченно (балки для перекрытия кровли, дверные косяки и притолоки и проч.) и являлось, по существу, второстепенным строительным материалом. [107-108]

В парфянский период широкое распространение, наряду с плоскими балочными кровлями, характерными в основном для жилой архитектуры, приобретают сводчатые перекрытия, выполненные в различной технике. Причем некоторые типы сводов характерны только для Иранского плато и являются развитием древних местных традиций²³. Техника выведения сводов и их форма зависели, как правило, от материала.

В сооружениях из обожженного кирпича, где применялся быстро сохнувший известковый или гипсовый раствор, техника выкладки сводов и арок была следующей: кирпичи располагались либо плашмя радиально по отношению к центру свода, либо ставились вертикально на ребра. Применялась и комбинированная кладка, когда пазухи свода (полуарки) выкладывались из радиально размещенных кирпичей, а завершение свода - из вертикально поставленных (Кале Зохах)²⁴. Своды и арки таких построек были полуциркульными.

Своды в постройках из бутового камня на известковом или гипсовом растворе выводились с применением кружала отрезками шириной 1,2 - 1,25 м и имели полуциркульный контур²⁵.

Детали архитектурного оформления дворцовых, храмовых, общественных сооружений, материалы, применявшиеся в их строительстве, обнаружены на довольно большом числе памятников Атропатены. Но большинство их было зафиксировано либо во время работ, преследовавших другие цели, либо во вторичном использовании в конструкциях нового и новейшего времени, что значительно снижает их познавательную ценность. Пожалуй, только два памятника дают более или менее целостную картину архитектурных принципов, бытовавших на территории Мидии Атропатены: Кале Зохах как пример поселения гражданского характера и скальный комплекс Керейто (Карафто, Карафту) близ Такаба²⁶ в качестве, как кажется, храмового сооружения.

Городище Кале Зохах, состоящее из двух холмов и соединяющей их седловины, имеет общую протяженность около 1 км в направлении север - юг и включает в себя разновременные сооружения от доахеменидского периода до исламского времени. К парфянскому периоду жизни городища относится северный холм, отделенный от седловины со следами поселения II - I тыс. до н.э. и примыкающего к ней с юга второго холма с крепостными сооружениями времени Сасанидов - бутовой стеной с прямоуголь-

ными башнями, сложенной без скрепляющего раствора. На западной оконечности этой стены, со стороны р. Керанку, на местности заметны следы крепостных ворот. Для защиты всего холма использовалась, очевидно, и крепостная стена более раннего времени, сохранившаяся почти на всем протяжении²⁷. С внешней стороны стены, прямо перед воротами, [108-109] видны отдельные здания, сложенные из бута. Комплекс помещений внутри стены расположен на большой территории, что, по мнению исследователя, свидетельствует о его дворцовом характере.

Наиболее значительным и хорошо сохранившимся сооружением Кале Зоха является павильон, расположенный к юго-западу от этого дворцового комплекса и отделенный от него террасой. Павильон, представляющий в плане квадрат (внутренние размеры 5,90 x 5,80 м), возведен из поставленных на ребро кирпичей (32 x 32 x 6 – 33 x 33 x 6 см) на бутовом фундаменте. Внутреннее помещение, перекрытое сводами, достигает высоты 9,40м (до вершины бочки), а общая реконструируемая высота павильона около 12м при ширине 8,90м. Вход в павильон, шириной 2,50 м, расположен с северо-восточной стороны; с юго-западной и северо-западной сторон павильон открыт на речную долину полуциркульными арками шириной свыше 4м, а с юго-восточной стороны - закрыт, что, как полагают²⁸, говорит против культового определения павильона как храма огня или чахартака²⁹. В то же время его расположение на обрывистом берегу реки, на высокой скале перед ущельем, указывает на его представительную функцию в структуре дворца³⁰.

На стенах с внутренней и внешней стороны, в нишах, а также на внутренней поверхности сводов местами сохранилась штукатурка со следами росписи краской в виде кессона с изображениями женских головок, меандрового орнамента, цепочек волн в рельефной подаче и др.³¹. Завершается павильон зубчатым парапетом с трехступенчатыми мерлонами, соответствующим иранской строительной традиции, особенно ахеменидского времени³².

Архитектурные особенности павильона (профили архитектурных деталей внутри здания, арки с расположенными под ними нишами, декор и др.), имеющие аналогии с архитектурой как Передней Азии (дворцы в Ашшуре и в Кух-и Ходжа), так и Рима, а также фрагменты керамики позволяют датировать его парфянским временем, точнее - I в. н.э.³³

В горах Керефто на границе между современными иранскими провинциями Западный Азербайджан и Курдистан расположен скальный комплекс, примечательный как своей архитектурой, так и греческой апотропеической надписью, вырезанной над входом в одно из его помещений³⁴. Текст надписи гласит: «'Ηραχλης [εν]υ' - 'αδε χατοι χει μζδην εισελυοι χαχον», т.е., «Здесь обитает Геракл, ничто дурное да не внидет».

Помещения, вырубленные в скале, располагаются на двух уровнях, сообщающихся между собой³⁵. Вход в комплекс, расположенный ныне на высоте около 9м от подножья скалы, ведет в нижний [109-110] этаж, состоящий из нескольких помещений общей длиной 18,60м с оштукатуренными сводчатыми потолками, завершающихся комнатой с апсидой. Нижний ансамбль сообщается коридором с верхним этажом, проходя при этом через три промежуточных помещения более позднего, вероятно, исламского времени³⁶. Верхний этаж составляют «вестибюль» с встроенными в ниши суфами по обе его стороны и расположенные за ним анфиладно три помещения, над первым из которых, отделенным от «вестибюля» дверью (1,80 x 1,10м), и располагалась вышеупомянутая надпись. Эта комната, как и следующая за ней, очевидно, запирались изнутри на тяжелый засов, о чем свидетельствует наличие в них слева от дверей прямоугольных выемок. В комнате с надписью сохранились окна, на верхних фасциях которых расположен фриз в виде зубцов и кругов.

Относительно функционального назначения этого пещерного сооружения в Керефто³⁷ в литературе высказано две точки зрения. Одни³⁸ утверждают культовую принадлежность его, другие³⁹, напротив, говорят о гражданском характере комплекса скальных помещений, считая его местонахождением греческого гарнизона, задачей которого была защита северных границ Великой Мидии от окружающих «варварских» народов.

Сторонниками определения Керефто как жилого комплекса отмечается, что апотропеическая, так сказать, профилактическая формула с именем Геракла всегда находится над входом в частный дом и является своего рода благословением, связанным с жилищем, находящимся, таким образом, под покровительством божества.

Сторонники этой точки зрения отмечали также изолированность комплекса Керефто, расположение последнего в стороне от больших дорог, в местности со скудной растительностью, пригодной разве что для пастбища.

Из сказанного делается вывод о невозможности основания здесь святилища и утверждается гражданский характер сооружения в Керефто.

Однако следует указать, во-первых, что надписи, подобные керефтинским, применялись не только в жилых помещениях. Такие формулы известны на гробницах, надгробных стелах, общественных зданиях, а также в сакральной архитектуре⁴⁰.

Во-вторых, при таком функциональном назначении совершенно непонятной становится логика администрации, размещавшей пограничный пост в «изолированной местности, в стороне от больших дорог», по которым только и можно ожидать вторжения врага. Основание в таком месте, как Керефто, святилища, куда могло [110-111] бы сходиться окрестное население для празднеств и принесения жертвы, кажется более оправданным. Не только на Востоке, но и в Греции пещерные святилища, посвященные различным богам, были широко распространены. Причем, все они, судя по описанию Павсания (X, XXXII, 5), находились на значительном расстоянии (от 30 до 150 стадий; стадий = 184,97м) от городов и других крупных населенных пунктов и нередко назывались «пещерными».

Источник воды, находящийся в одном из помещений комплекса, также наводит на мысль об определенной «святости» места, на что уже обращалось внимание⁴¹ и что позволяет высказать предположение о наличии здесь помимо культа «восточного Геракла» и культа Анахиты, богини «небесной воды». Интересно, что Страбон (XI, 7, 5), ссылаясь на Евдокса Книдского, сообщает о пещерах Гиркании, по которым реки изливаются прямо в море и к которым местные жители приходят для совершения жертвоприношений⁴².

Следует отметить, что культы божеств, сходных с Гераклом, были широко распространены на Востоке. Это иранский Веретрагна, вавилонский Нергал, армянский Вахагн и др. В античной Армении (в Ашташате в Таронской области) известен даже храм Геракла-Вахагна, располагавшийся в пещере на высоком холме⁴³.

Что касается собственно культа самого Геракла, то огромную популярность на всем Востоке он приобрел после походов Александра Македонского⁴⁴.

Изображения этого героя мы встречаем на монетах эллинистического и парфянского времени, образ его был широко распространен в изобразительном искусстве и скульптуре⁴⁵.

Некоторые авторы идентифицируют храм в Керефто с упоминаемым Тацитом (Анналы, XII, 13) святилищем на горе Санбулос, что является сомнительным. Гора Санбулос - это, по-видимому, Бехистун, где имеется изображение «отдыхающего Геракла», рельеф, изображающий победу Готарза над Мехердатом (о борьбе двух последних и говорится у Тацита), и посвяtitельная надпись Гераклу Каллинику.

Текст надписи в Керефто, а также архитектурная планировка комплекса, имеющая аналоги в различных регионах древнего мира, наводит на мысль о существовании здесь культа Геракла или довольно раннего проявления синкретического (Геракла-Веретрагны?) культа греко-иранского божества в Мидии Атропатене⁴⁶.

Главным образом на основе палеографии надписи, а также по архитектурным приемам комплекс можно датировать концом VI - началом III века до н.э., т.е. отнести его к начальному периоду существования государства Мидии Атропатены.

Из отдельных архитектурных деталей, обнаруженных на территории древней Атропатены, наиболее многочисленную группу [111-112] составляют каменные базы колонн. Целая группа их (17 экземпляров) была зафиксирована вторичным использованием в конструкциях трех современных мечетей в дер. Лейлан. Все эти базы - частично грубо исполненные, частично очень хорошо обработанные - обнаруживают типичные иранские формы, причем три из них, несомненно, относятся к парфянскому времени⁴⁷. Они восходят к ступенчатым базам ахеменидского времени и находят полную аналогию в базах колонн из Хурры между Султанабадом и Кумом⁴⁸.

Единичные экземпляры баз колонн найдены в Кале Оглу⁴⁹, Кале Зоха⁵⁰, Билаваре близ Хоя⁵¹, на Тазакендском городище⁵² и в ряде других пунктов.

Многочисленные фрагменты архитектурного убранства были зафиксированы в районе предполагаемого дворца парфянского времени на Кале Зоха. Среди них следует отметить: 1) угловую часть аканфовой капители или фриза; 2) капитель колонны, состоящей из двух тор с помещенным на них карнизом довольно простого профиля; 3) блок карниза с пазами для крепления, украшенного рядами перлов; 4) замковый камень (архивольт) свода, профилированный и украшенный зубцами; 5) ионизированную капитель пилястра⁵³. Здесь же был найден обломок кровельной черепицы (солен), что позволяет предположить соответствующее покрытие зданий на Кале Зоха⁵⁴. Способ черепичного покрытия был, очевидно, заимствован из практики эллинистического строительства.

Отмеченные архитектурные остатки и строительные материалы подтверждают точку зрения о дворцовом характере археологического комплекса на северном холме городища Кале Зоха.

Керамика. Богатый и разнообразный керамический материал, добытый исследователями на поселениях и в погребениях, свидетельствует о широком развитии керамического производства в Атропатене и мастерстве местных ремесленников-гончаров. Керамика отличается как многообразием форм - кувшины (часто с носиком), чаши, вазы, миски, горшки, фляги и др., так и высоким качеством изделий. Большинство сосудов изготовлено из хорошо отмученной глины, равномерно обожжено. Широко применялось ангобирование и лощение красного, бежевого или серо-черного цвета. Имеется значительная

группа расписных сосудов (в основном, кувшинов), орнаментированных красной краской в виде фестонов, геометрических фигур, цветочных мотивов и пр. Наряду с расписной керамикой встречаются керамические формы, орнаментированные штампом. Отдельную группу составляют глазурованные сосуды.

В связи с увеличением керамического материала появилась возможность выделения определенных периодов, фаз в существовании [112-113] той или иной группы керамики⁵⁵, что, несомненно, в дальнейшем должно привести к созданию керамической школы Атропатены.

В настоящее время можно выделить две фазы в эволюции керамики Атропатены: раннюю (III - II вв. до н.э.) и позднюю (I в. до н.э. - II в. н.э.).

Ранняя фаза, как и в Мидии, характеризуется присутствием расписной керамики, имеющей, однако, свои локальные особенности. Отличия наблюдаются как и в орнаментовке сосудов, так и в их профилях.

Отмечая различия между керамикой Мидии и Мидии Атропатены, необходимо указать и на отсутствие строгого единообразия в декоре расписных сосудов и в самой Атропатене.

Значительно большее разнообразие типов и форм наблюдается в следующей фазе.

Примерно со второй половины II в. до н.э. появляется тип керамики, который в настоящее время является основным в датировке археологических объектов парфянским временем - это керамика красновато-коричневого цвета (варианты: охристый, бурый), получившая в литературе название «clinkyware»⁵⁶. Этот вид керамики, появившись в начале парфянского периода, продолжает существовать почти до самого его конца, исчезая не ранее чем в конце II - начале III вв. н.э.⁵⁷ Особенно много фрагментов керамики этого типа зафиксировано на Кале Зохах и на укрепленном холме «Кала» близ Ардебил⁵⁸.

Глазурованная керамика, появившись на западе Ирана приблизительно в первой половине II в. до н.э., была сначала бледно-зеленого или беловатого цвета и не отличалась многообразием форм. Но уже к концу I в. до н.э. наблюдается увеличение форм глазурованных сосудов, а также изменение цвета глазури - теперь она в основном голубых (бирюзовых) и зеленых тонов⁵⁹. Находка на городище Кале Зохах, покрытой светло-бирюзовой глазурью фляги «паломника»⁶⁰, полностью соответствует датировке памятника I в. н.э.

Бытовая керамика является, пожалуй, самой многочисленной категорией в позднюю фазу и представлена как сосудами, изготовленными на гончарном круге, так и лепными формами.

Для I в. до н.э. - I в. н.э. характерно также наличие зооморфной керамики, представляющей собой сосуды на трех-четырех небольших ножках, носик которых оформлен в виде головы животного, исполненный реалистично или стилизованно. Множество таких сосудов было обнаружено в окрестностях Герми⁶¹.

Погребальные памятники. Погребальные памятники Атропатены до настоящего времени изучены далеко недостаточно. Практически, [113-114] кроме погребений в больших глиняных сосудах, получивших в литературе название «кувшинных погребений», другие виды погребений с территории Атропатены пока не известны.

Кувшинные погребения представляют собой захоронения в больших глиняных сосудах хозяйственного назначения (высота сосудов - 1,50 - 1,80 м, ширина зачастую свыше 1 м)⁶². Никаких надгробных сооружений кувшинные погребения не имеют. Покойник помещался в кувшин, располагавшийся чаще всего горизонтально, в сильно скорченном положении головой к горловине на левом или правом боку. Высказывалось мнение⁶³, что погребение покойника на левом боку является мужским, на правом - женским. Внутри погребального кувшина помещался мелкий инвентарь и украшения (браслеты, шейные гривны, кольца, бусы и др.)⁶⁴, а рядом с ним располагались глиняные сосуды, среди которых следует отметить расписные сосуды (в основном, кувшины) с геометрическим орнаментом красной и черной красками⁶⁵ и чернолощенные чаши, орнаментированные с внутренней стороны резными и штампованными узорами⁶⁶. Ориентация погребальных кувшинов произвольная.

Долгое время кувшинные погребения датировались в основном последними веками до н.э.⁶⁷, однако обследованные в последнее время погребения в окрестностях Нахичевани⁶⁸ и в Агджабединском районе (Мильская степь)⁶⁹ позволяют датировать самые ранние кувшинные погребения VI - III вв. до н.э.

Монетные находки. Монетные клады и единичные находки монет на территории Атропатены, к сожалению, пока еще немногочисленные, дают тем не менее определенное представление об уровне денежного обращения этого государства. Денежное обращение в эллинистический период на территории Атропатены засвидетельствовано пока на основании единичных монет, среди которых следует отметить посмертную драхму Александра Македонского (III в. до н.э.), найденную в погребении вблизи оз. Урмия⁷⁰.

Очень большое распространение на территории Атропатены получили монеты парфянских царей, в основном драхмы. Особенно широко представлены драхмы I в. до н.э. - II в. н.э. - от Орода II (около 57 - 37 гг. до н.э.) до Вологеза IV (147 - 191 гг. н.э.)⁷¹.

Большое значение для представления об уровне денежного обращения в Атропатене имеют два клада с территории этого государства: клад из Ахара, обнаруженный в 1923 г. и состоящий примерно из 600 парфянских драхм от Готарза I до Орода II⁷², и клад из Али-Байрамлинского района Азерб. ССР - 110 драхм от Артабана II (10 - 38 гг.) до Вологеза IV⁷³. [114-115]

В первые века н.э. наряду с парфянскими драхмами в Атропатене обращались, хотя и в ограниченном масштабе, римские денарии императора Августа⁷⁴. Уже этот, отнюдь не полный, перечень монет свидетельствует о развитости денежного обращения Атропатены.

Этот обзор свидетельствует о том, что наши представления о материальной культуре Атропатены все еще весьма смутны.

ГЛАВА 7

РЕЛИГИЯ. ПРОБЛЕМА АВЕСТЫ. ЗОРОАСТРИЗМ

В областях Западной Мидии, в частности в зоне будущей Малой, или Атропатовской Мидии уже, по-видимому, в начальные века I тысячелетия до н.э. были распространены различные маздаистические учения. Здесь и на прилегающих территориях, как кажется, существовал очаг младоавестийских верований где-то в начале того же тысячелетия.

Однако нам известно также и то, что уже в первые десятилетия существования Атропатенского государства на интересующей нас территории, так же как и в других эллинистических государствах Востока, были распространены принесенные греко-македонскими завоевателями различные греческие культы, в частности культ Геракла.

Позиции маздаистических учений или даже, возможно, собственно зороастрийского маздаизма в областях будущей Атропатены должны были, несомненно, укрепиться после мидийского завоевания Манной, особенно - концентрации здесь части мидийского этноса и превращения этого региона, так сказать, в новую Мидию.

Переходя к Авесте, следует указать, что этот памятник в том виде, в каком он дошел до нас, является небольшой частью канонизированного при Сасанидах в качестве государственной религии свода священных книг зороастрийской религии. Да и самих зороастрийцев теперь не так уж много. После арабского завоевания и гибели Сасанидской державы лишь незначительная часть зороастрийцев сохранила свою веру. Их обычно называют «парсами» (тех, которые живут в Индии), «гебрами» (живущих в Иране; «гебр» - искаженное от арабск. «кафир», т.е. «неверный»), «огнепоклонниками» (ввиду огромной роли огня в зороастрийских верованиях и обрядах). Судьба разбросала зороастрийцев по всему свету. Они живут в Иране, Индии, Пакистане, США, Англии, Австрии, Канаде, Шри Ланке, Йемене, Китае и др. странах. В настоящее время во всем мире зороастрийцев не более 130 тысяч¹.

Полагают, что при Сасанидах Авеста была кодифицирована [116-117] несколько раз - в III, IV и даже VI и VII веках². Считают, что именно в сасанидскую эпоху, в эпоху возрождения зороастризма, для точной, передающей оттенки, записи священных текстов Авесты был создан на основе пехлевийского (в свою очередь восходящего к арамейскому письму) особый шрифт с большим количеством знаков (что и позволяло передавать произношение со значительной точностью). Шрифт этот, по мнению авторитетных ученых, являлся результатом единократного индивидуального творения³. Интересно, что произошло это в то же время, когда были изобретены армянский, грузинский и албанский алфавиты.

Канонизированный текст Авесты был снабжен переводом на пехлеви (письменный язык сасанидского Ирана среднеперсидский) и комментарием.

Вероятно, в ту же эпоху появился термин «Зенд-Авеста» как общее обозначение священных книг зороастрийской религии, состоящих из собственно древней Авесты (среднеперсидск. *apastak>aβiastay*, т.е. «основа», «предписание», «установление»), написанной на «авестийском» языке (см. ниже), и «Зенда» (среднеперсидск. *zend*, т.е. «изложение», «толкование», «объяснение»), написанного на среднеперсидском языке.

Поэтому употребление названия «Зенд-Авеста» по отношению к собственно Авесте (с чем приходится встречаться не только в XIX веке, но иногда и в наши дни) непозволительно. Ошибочно и употребление определения «зендский язык» для обозначения языка Авесты.

Отдельные соображения филологического порядка и сообщения античных авторов позволяют полагать⁴, что первая попытка собирания священных книг зороастрийской религии, когда-то владевшей умами насельников Ирана, Азербайджана, значительной части Средней Азии и некоторых других районов была произведена еще при парфянских Аршакидах. Считают, что в Восточной Парфии в I в. до н.э. существовал письменный текст Авесты, по крайней мере ее отдельных частей⁵.

Подкрепляют эту точку зрения и данные зороастрийской традиции, изложенные в средневековых богословских и иных книгах, таких, как, например, Денкарт, Бундахишн, Арда Вираф-намаке и др. Судя по этим и некоторым другим материалам, в частности данным античных авторов, Авеста некогда представляла собою гигантский свод религиозных и ритуальных установлений, космогонических и эсхатологических представлений, священных гимнов, посвященных разным божествам, различных молитв, эти-

ческих норм, мифологических, эпических, легендарных и других материалов. Причем не всегда все это связывали с именем пророка Зороастра (Заратуштры). [117-118]

Есть основания считать, что в парфянское время собиралась, восстанавливалась и записывалась не только устная зороастрийская традиция, как полагают некоторые ученые⁶. Наравне с устной традицией собирались, восстанавливались и заново записывались именно письменные фрагменты священных книг, существовавшие в прежние века, один экземпляр которых был сожжен, по заверению зороастрийской традиции, Александром Македонским⁷. И в самом деле, мы знаем, что еще в последней четверти IV в. до н.э. греческий ученый Феопомп по поручению Александра Македонского изучал древние книги зороастровской религии⁸. Плиний (XXX, 2) сообщает, со слов одного из лучших знатоков зороастровской религии Гермиппа (III в. до н.э.), что священные книги зороастризма включали в себя более двух миллионов строк. Интересно, что, судя по традиции, сасанидский царь Шапур I велел перевести на пехлеви утраченные в оригинале, но сохранившиеся в переводах, в частности древнегреческом (в Денкарте утверждается, что был древнегреческий перевод Авесты, или, как мы полагаем, отдельных частей ее), книги Авесты, которые, очевидно, и служили Феопомпу для его штудий. О существовании письменного текста зороастрийских книг свидетельствует не только упоминание древнегреческого автора Павсания о том, что зороастрийский жрец «поёт, читая по к н и г е», но и сообщения древних об имевшихся еще в эпоху Сократа «логиях» Зороастра⁹. Некоторые ученые в сообщении Геродота о том, что маги во время жертвоприношений поют теогонические песни также видят намек на существование письменного текста Гат-части Авесты¹⁰. Наконец, в пользу существования письменного текста весты, скорее всего - отдельных ее частей, еще в доахеменидское время должно свидетельствовать одно обстоятельство логического порядка. Думается, что авестийские вероучения, не будь они письменно засвидетельствованными, едва ли могли влиять на древнегреческую философию и на иудейскую религию, о чем было сказано выше.

Итак, письменная Авеста (или отдельные ее части), включавшая в себя, как считали греческие авторы, два миллиона строк, или, как утверждала зороастрийская традиция и более поздние арабо- и персоязычные авторы, Авеста, написанная на 12 000 бычьих (коровьих) шкурах или досках золотыми буквами, существовала задолго до Александра Македонского.

Именно эту Авесту, погибшую во время греко-македонского завоевания и на протяжении нескольких веков сохранявшуюся более, по-видимому, в устной передаче (возможно, конечно, что сохранялись и отдельные письменные фрагменты из книг), и попытался восстановить парфянский царь Аршакид Вологез (по-видимому, Вологез I)¹¹. [118-119]

Однако, как полагают ученые, от первоначальной Авесты в памяти могло сохраниться, конечно, далеко не все (некоторые исследователи считают, что не более 350 тысяч слов). Так или иначе, сохранившиеся части Авесты были, как уже упоминалось выше, кодифицированы в I в. до н.э.

Весьма деятельно Авесту стали собирать и восстанавливать при первом сасанидском Ардашире Папагане (225 - 240 гг.)¹². В IV веке Авеста была канонизирована, как кажется, в Атропатене¹³, ставшей еще до указанного времени государственной святыней империи, верховным жрецом Aturpat'om Mahrspandan'om.

Редакции Авесты производились и позднее¹⁴.

После последней редакции сильно поредевшая Авеста состояла из 21 наска (книги). Однако и эта Авеста не дошла до нас полностью. Священные книги зороастризма подверглись вторичному гонению уже при арабах. Нам известно, что во время арабского завоевания рукописи Авесты, как и другая исламская литература, нещадно сжигались, о чем сообщает, в частности, Бируни¹⁵. Так, уже безвозвратно гибла значительная часть авестийских книг, над восстановлением которых трудились многие поколения ученых богословов, жрецов и множество безвестных тружеников, начиная от парфянской эпохи и кончая сасанидским временем на протяжении, по крайней мере, шести-семи веков.

Теперь от зороастрийских книг, восстановленных при Аршакидах и Сасанидах, осталось то, что мы привыкли называть Авестой, а именно: три неполных книги (наска) Яшты, Ясна, Виспрат и один сравнительно полный - Видевдат, а также так называемая Малая Авеста (Хурд Авеста, среднеперсид. Хуртак Апастак), которая представляет извлеченный по преимуществу из известной нам Большой Авесты сборник-минимум молитв, необходимых зороастрийцу-мирянину в повседневной жизни. В Малую Авесту иногда по традиции включают и Яшты. Сохранились также отдельные авестийские фрагменты (из недошедших до нас книг Авесты) в форме небольших сборников и т.д. Все это, как полагают специалисты, только 1/4 часть реставрированной при Сасанидах Авесты¹⁶.

Названия и краткое содержание двадцати (из двадцати одной) книг, восстановленных при Сасанидах, известны нам по Денкарту, зороастрийскому сочинению IX века. Причем следует отметить, что резюме этих книг было сделано не по тексту самой Авесты, а по пехлевийскому ее переводу¹⁷. Содержание различных авестийских насков пересказывалось и в других пехлевийских книгах. Следует указать, что пехлевийские книги являются, по существу, нашим единственным источником, дающим возможность составить некоторые представления об утраченных частях Авесты¹⁸.

Наиболее ранние сведения о парсах Индии, о том, что у них [119-120] имеются священные книги зороастровой религии попадают в Европу только в XVII веке. Вскоре в библиотеке Оксфордского колледжа (Англия) появляются первые рукописи Авесты, привезенные туда из Индии.

Однако на протяжении десятилетий прочесть Авесту никому не удавалось. Впервые в Европе Авеста была издана в 1771 году французом Анкетилем Дюперроном¹⁹ (1731 - 1805), много лет прожившим в Индии и изучавшим священные книги с помощью парсийских жрецов. Это было, несомненно, великим подвигом и эпохальным открытием. Но на протяжении более полувека, когда в Европе бушевали страсти разгоревшегося вокруг Авесты спора, научный подвиг французского ученого не был оценен по достоинству. Наоборот, он подвергался осмеянию и издевательствам. И только после смерти Анкетилия Дюперрона, уже в двадцатые годы XIX века, ученый был, так сказать, реабилитирован и признан родоначальником новой науки, которая позднее стала известна под названием авестологии.

Именно Анкетиль Дюперрон ввел в европейскую культуру представление о зороастризме, как последний отражен в изданной им Авесте. Именно на его толкованиях зороастровой религии базировались высказывания Гегеля, Гете и других великих мыслителей и ученых XIX века²⁰. Вскоре Авеста становится объектом исследований целой плеяды блестящих ученых. Эстафета эта передается из поколения в поколение, и поныне проблемы Авесты волнуют умы исследователей в разных странах.

Как отмечалось выше, дошедшая до нас Авеста состоит из Ясны, Яштов, Виспрата. Видевдата и Малой Авесты.

Ясна («почитание», «поклонение», «жертвоприношение») - самая объемистая часть Авесты, состоящая из 72 глав и содержащая отдельные молитвы, читаемые при богослужении, совершении различных обрядов, ритуалов и при жертвоприношении. Важнейшей частью (17 глав) ее являются Гаты («гимны», «песнопения»), составленные в метрической форме и по характеру напоминающие речи библейских пророков.

В Гатах ученые отмечали их значительную эмоциональность и «человечность». В них, как полагают, слышится голос человека и местами «отчетливо ощущается индивидуальность автора» (Е. Э. Бертельс).

Авторство Гат обычно приписывается самому Заратуштре (Заратустре, Зороастру), призывавшему в своих проповедях отречься от мира зла и тьмы и избрать мир добра и света. Чтение Гат представляет один из самых священных ритуалов зороастрова учения с древнейших времен по сей день.

Следует отметить, что Гаты, пожалуй, самая трудная для [120-121] понимания часть Авесты. Один из крупнейших авторитетов в области иранистики прямо писал, что Гаты «представляют труднейшую часть всей индоевропейской филологии» (Хр. Бартоломэ). Можно с уверенностью сказать, что у нас столько разных Гат, сколько есть их переводов (И. М. Дьяконов).

Принято считать, что Гаты являются наиболее древней частью Авесты, хотя несомненно, что в Авесте имеются фрагменты более древние, чем Гаты. Это можно утверждать, во всяком случае, в отношении некоторых частей Яштов, да и самой Ясны.

К Гатам примыкает Ясна Семи глав (главы 35 - 41), частично составленная стихами. От этих глав веет глубокой древностью.

Заключительная часть Ясны содержит молитвы.

Чрезвычайно ценной и интересной в мировоззренческом и литературно-художественном отношении частью Авесты являются Яшты («поклонение», «восхваление»), состоящие из 22 хвалебных гимнов-молитв, посвященных различным божествам иранского пантеона. Яшты, являющиеся, пожалуй, наиболее древней частью Авесты, сохранили значительное количество эпических мотивов, мифологических образов и сюжетов, перекликающихся с подобным же материалом в Ведах индусов. Часть этих сюжетов позднее была использована Фердовси в его «Шахнаме».

Следует отметить, что Яшты содержат не только фрагменты из древнейшей иранской поэзии до зороастрийского периода, но и гимны более позднего времени.

Виспрат («Все рату»; «рату» - «владыка», «судья», «божество». Таким образом - «Все судии», «Все владыки», «Все божества») - это целиком жреческая, молитвенная книга, состоящая из 24 глав (число их в разных рукописях колеблется), представляющих собою молитвенные обращения к различным божествам с изъявлением почитания. Виспрат по существу является дополнением к Ясне и по характеру своему несколько сходен с библейской книгой «Левит». Книга эта - самая бледная и неинтересная часть Авесты.

Видевдат (употребляется и искаженное Вендидат) теперь переводят не просто «Закон против девов», как это делали до недавнего времени, а так сказать, с уточнением - «Отвержение прежних божеств»²¹.

Видевдат - единственная из числа 21 книги Авесты, восстановленных при Сасанидах, которая сохранилась, можно сказать, полностью и которая соответствует почти целиком одной из книг старой Авесты.

Видевдат - это, прежде всего свод законов и предписаний о том, что можно, что нельзя, что дозволено, что запрещено. Книга эта, состоящая из 22 глав (афгардов, или фаргардов), [121-122] содержит правила ритуального очищения, правила совершения различных обрядов. В ней говорится о соблюдении особой заботы об огне и других стихиях, необходимости проявления заботы о собаках и других полезных животных, о правилах земледелия, приводится перечень грехов и добродетелей, даются предписания по вопросу об искуплении грехов, содержатся некоторые религиозно-юридические положения, элементы гражданского и уголовного права и т.д.

Для нас особенно важно то, что в Видевдате сохранились мифы, легенды, эпические творения, космогонические, космологические, географические представления и элементы народных воззрений иранских племен. Одни из них - сравнительно поздние, другие восходят к глубокой древности.

В так называемой «Географической поэме», которой начинается 1 фаргард Видевдата²², немало сюжетов, восходящих к глубокой древности. В ней повествуется о сотворении Ахурой Маздой обитаемых стран, первой из которых названа Арьянам Вайчах - «Арийский простор», которая, будучи, очевидно, прародиной ариев, характеризуется как наилучшая страна в мире, где, однако, позднее появились бичи, созданные духом тьмы и зла Ангра Манью.

В I фаргарде названы 16 стран, в числе которых имеются как реальные, так и мифические. В перечислении стран нет никакой системы и порядка. Глава заканчивается словами: «Существуют и другие прекрасные, богатые природой, пригодные для жизни места и страны».

«Географическая поэма» свидетельствует о широте географического горизонта Авесты. Перечисленные страны, возможно, это не только области, по которым мигрировали арии, но и земли, где к моменту составления текста Видевдата был распространен зороастризм²³. Что касается времени составления Видевдата, то следует сказать, что еще недавно книгу эту считали более позднего происхождения, чем другие части Авесты. Правда, в Видевдате, как и вообще во всей Младшей Авесте (см. ниже), немало очень позднего по содержанию и происхождению материала, но в нем совершенно бесспорно сохранилось много и явно архаического²⁴, раннего, нередко чуждого остальной Авесте²⁵. Высказывалось мнение о том, что религиозные представления мидян доахеменидской эпохи соответствуют именно тому, что отражено в Видевдате, который (точнее, Протовидевдат), как полагают, возник в западноиранских областях²⁶, а составителями его могли быть мидийские маги²⁷. О древности мировоззрения Видевдата свидетельствует также и то, что верховное божество в нем названо Ahura Mazda (а не Ахура, Мазда Ахура, Мазда - как в Гатах). Дело в том, [122-123] что, как полагают специалисты, наиболее древним состоянием является таковое, когда (еще в незороастрийской традиции?) название Ахура («владыка», «господин», «господь»). В ранний период, как и у древних индийцев - asura; ср. известный Assara Mazaš, что=Asura Mazda. Термин ahura засвидетельствован в западноиранской ономастике уже с VIII века до н.э.) уточнялось эпитетом Мазда²⁸ («мудрый», что родственно индийск. medhas, русск. мудр), т.е. божество называлось Ахура Маздой.

Во втором фаргарде Видевдата сохранился миф о прародителе человечества, культурном герое, владыке мира в эпоху тысячелетнего «золотого века» Йиме (средневеков. Джамшид), восходящий к древнейшим мотивам иранского эпоса. В этом мифе, насквозь пронизанном первобытным мироощущением, сохранились архаические реликтовые формы эпоса, в которых легко опознаются мотивы и образы арийского и даже индоевропейского уровней²⁹.

Переходя к общей оценке Авесты, следует сказать, что памятник этот разнохарактерный, с невероятным количеством напластований, возникших в разное время и в различных местах.

Наиболее древним слоем в Авесте являются, конечно, народные элементы, отраженные в особенности в эпических песнях и других частях памятника. Они возникали не позднее начальных веков I тысячелетия до н.э. Некоторые из них, возможно, восходят ко II тысячелетию, быть может, и к более ранним временам. Древнейшие эпические песни сохранились в различных частях Ясны и Яштов. Сюда относится и песнь «Похищение скота», песни Михр Яшта, миф о Йиме. Значительной архаичностью веет также от «Души быка» - центрального образа заратуштровых Гат. Однако эти элементы в Авесте очень сильно переплетены со значительно более поздними жреческими идеями, пытавшимися подчинить их к канонизированному учению.

Нынешнюю Авесту обычно делят на две части - Гатическую (Старшую) Авесту и Младшую Авесту. К Старшей Авесте, кроме Гат, относят также и некоторые другие разделы Ясны. Все остальное относится к Младшей Авесте³⁰.

Отдавая обычно старшинство Гатической Авесте, ученые нередко считают, что младоавестийская традиция является поздним извращением первоначально чистого учения пророка Заратуштры³¹, отраженного в Гатической Авесте.

Спору нет, Гаты, авторство которых обычно приписывается Заратуштре, резко отличаются от так называемой Младшей Авесты, что признается подавляющим большинством авестологов³², хотя другие и пытаются снять контраст между ними³³. Однако несомненно также и то, что Младшую Авесту, бесспор-

но, содержащую много поздних материалов, никак нельзя в целом считать поздним извращением [123-124] учения Заратуштры, на что неоднократно указывали виднейшие иранисты³⁴.

И в самом деле, в Младшей Авесте архаизмов куда больше, чем в Гатах, хотя и в них немало очень древнего, порою идущего от эпохи индоевропейской общности. Младшая Авеста по сравнению с Гатами часто значительно ближе к исходному общеарийскому и даже индоевропейскому материалу. В отдельных случаях она прямо воспроизводит архаичные индоевропейские модели, тогда как в Гатах их не так уж много и изменены они там до неузнаваемости. В Младшей Авесте, где в духе Вед господствует политеизм, действуют Митра, Веретрагна, Тиштрия, Вайю и многие другие, в то время как в Гатах при господстве дуализма по существу очень сильно проглядывает монотеизм.

Младшей Авесте присущи кровавые жертвоприношения и культ хмельного напитка Хаомы, что Гатами если открыто и не порицается, то и не проповедуется. Младшая Авеста сохранила старую общеарийскую социальную терминологию, тогда как в Гатах она заменена новой³⁵. В Младшей Авесте вообще много общего с Ригведой. В ней наличествует иногда паразитальное сходство с хеттской, древнегреческой, италийскими, германо-скандинавскими религиями и мифологией.

Все сказанное о Младшей Авесте свидетельствует о глубокой древности ее идей и образов. Итак, если Гаты - это творчество самого Заратуштры, то в Младшей Авесте немало дозаратуштровского материала, хотя и приспособленного к зороастризму, но находящегося в серьезном противоречии с сущностью учения пророка.

Заратуштра был «первым из сынов Азии, кого «усыновил» Запад. Его учение обогатило Грецию примерно на четыре века раньше того, как в ней было принято вероучение Христа. Заратуштру знал уже Платон... в течение веков Заратуштра... был единстаенным, кто представлял на Западе древнюю азиатскую мудрость (Жан Дюшен Гийемен).

Что касается личности, времени жизни и места деятельности Заратуштры, то по этим вопросам высказывалось так много диаметрально противоположных точек зрения, что здесь нет никакой возможности хотя бы бегло остановиться на них³⁶.

Одни считают Заратуштру исторической личностью, великим пророком и автором Гат, другие категорически отказываются признавать это. Одни время жизни Заратуштры относят к VII - VI тысячелетиям до н.э., другие - к бронзовому веку, третьи - к 1000 году до н.э., четвертые - к VII - VI вв. до н.э. и т.д. Подавляющее большинство ученых согласно в том, что пророк жил где-то между 1000 - 600 годами до н.э. [124-125]

Многие обстоятельства свидетельствуют о древности в областях Западного Ирана идей и образов, отраженных в Младшей Авесте. Можно также утверждать наличие раннего очага младоавестийских верований в областях Южного Азербайджана³⁷. Но сказанное вовсе не дает нам основания для локализации здесь родины авестийских вероучений и самого «авестийского народа».

Дело в том, что, как уже отмечалось, в Авесте огромное количество напластований, возникших в разное время и в различных местах. И уже поэтому едва ли можно серьезно говорить о родине авестийских вероучений в прямом смысле слова³⁸, - о родине, которую, между прочим, ищут в различных местах обширнейшей территории, начиная от Западной Сибири и кончая областями Западного Ирана. Ее локализуют то в зоне позднеямной³⁹, то андроновской культуры⁴⁰, то в Средней Азии⁴¹, то в Мидии (Рагах) или в Южном Азербайджане⁴².

В настоящее время можно говорить разве только о распространении в тот или иной период авестийских вероучений на тех или иных территориях.

Что же касается так называемого «авестийского народа» (Awestavolk), носителя авестийских диалектов, в реальности которого многие ученые не сомневались в недавнем прошлом⁴³, то определенно следует сказать, что такового никогда не существовало⁴⁴.

Следует отметить, что Авеста, вопреки заявлениям, иногда раздававшимся у нас, никогда не могла быть написана на каком-либо неиранском языке, с которого она позднее якобы была переведена. Сама подобная постановка не серьезна. Все и вся в Авесте буквально пронизано иранством, иранским духом - вплоть до мелочей.

В том, что язык авестийских книг иранский - никакого сомнения нет. Одни ученые относили его к западноиранским⁴⁵, другие считали его скорее восточноиранским⁴⁶, наконец, третьи, полагали, что язык Авесты занимал, так сказать, промежуточное положение между западной и восточной группами иранских языков⁴⁷. Однако исследования последних двух десятилетий показали, что оба авестийских диалекта (младоавестийский и гатический), будучи иранскими, принадлежали к так называемым искусственным языкам, каковыми пользовались в индоевропейской сакральной и героической поэзии⁴⁸, но не в быту.

Говоря об отличительных особенностях Гат и Младшей Авесты, нельзя не отметить и то, что если первые из них в полной мере продолжали традицию жреческой поэзии, то во второй явно сказывались особенности индоевропейской светской героической поэзии⁴⁹.

Правда, в отдельных случаях можно говорить о влиянии, например, [125-126] на Младшую Авесту западноиранских диалектов, а на Гаты - восточноиранских, что, конечно, весьма важно, ибо это обстоятельство позволяет отнести в большей мере каждую из частей священного писания к определенной территории.

Создание Авесты (точнее, отдельных ее частей) принадлежит не какому-нибудь мифическому «авестийскому народу», а большой группе ираноязычных народностей, уже в самом начале I тысячелетия до н.э., а то и раньше обитавших в Средней Азии, Восточном и Западном Иране. Многое из Авесты было принесено ими с их прежней родины. Немало было создано в местах нового обитания.

Возвращаясь к Гатам, нельзя не отметить, что они в значительной мере плод реформаторской деятельности⁵⁰, о чем свидетельствует и то, что в них немало противоречий с традиционными индоевропейскими воззрениями⁵¹. Само содержание Гат говорит в пользу новизны доктрины Заратуштры⁵². Чрезвычайно важно, что греки, которые знали о Зороастре намного больше нас, воспринимали пророка как реформатора⁵³, о чем вполне определенно свидетельствует Агафий (II, 24): «...он (т.е. Зороастр.- И. А.) старые священные обычаи и создал разные порочные верования».

Реформированность Гат следует также и из того, что они, по авторитетному мнению специалистов, вышли не из народных верований⁵⁴ и были адресованы, в отличие от Младшей Авесты, в общем ориентированной на относительно широкую массу⁵⁵, духовной элите⁵⁶.

Между прочим, реформированность зороастрового учения проницательно подметил и Гёте в своем знаменитом «Диване»: «Зороастр, по-видимому, превратил изначально чистую благородную естественную религию в сложный ритуальный культ»⁵⁷.

Хотя мы точно и не знаем, где проповедывал пророк, тем не менее распространение в областях Западного Ирана уже где-то в первой половине I тысячелетия до н.э. реформированной религиозной системы, которую принято называть зороастризмом, - факт несомненный⁵⁸.

Зороастризм, выросший, несомненно, из древнеиранских религиозных и мифологических представлений, подверг их, конечно, значительному, а в отдельных случаях коренному изменению.

Зороастризм возник в период появления ранних государственных образований и является идеологией той эпохи. Проповедь Заратуштры, изложенная им в основном в Гатах, была направлена против родоплеменных вождей и старого жречества. Он борется за преобразования жизненного уклада народа, за торжество земледельческого труда и оседлого скотоводства, за политическое [126-127] объединение на основе сильной власти. Недаром в Гатах содержится призыв к мирной жизни и процветанию под покровительством сильных владык, - к борьбе с усобицами и набегами, против враждебных правителей и жрецов-сторонников drug'a (лжи), антиподов правды (aša - Авесты, др.-иранск. — arta)⁵⁹. Заратуштра со всей страстью призывает к борьбе с кочевниками, грабившими земледельцев, угонявших их скот. Он выступает против массовых кровавых жертвоприношений скота, отвергает политеизм - культ старых натуралистических божеств.

Для религиозно-философской системы зороастризма наиболее характерен дуализм, выражавшийся в противопоставлении двух начал = Добра и Зла, Правды и Лжи, Света и Тьмы, борьба между которыми, приобретая космические масштабы и сконцентрировавшись в один общий мировой конфликт, составляет содержание всего мирового процесса, в котором человеку отведена активная роль. Во главе сил Добра стоит Ахура Мазда (позже - Ахурамазда, Ормузд), сил Зла - Анхра Майнью (позже Ахриман). Дайвам (дев, див) - древним натуралистическим божествам, попавшим у Заратуштры в лагерь Зла, противостоят ахуры - божества, обладавшие высшей властью. Весь мир в учении Заратуштры рассматривается как раздвоенный, разделенный на две сферы: реальную, земную, телесную и духовную, потустороннюю, воображаемую. Главное внимание уделяется миру земному. Дуализм Заратуштры служит утверждению его социального и хозяйственного идеала. Представления о земной жизни перенесены на всю Вселенную. Дуализм на небесах есть лишь проекция земного дуализма, земных антагонизмов. Согласно оптимистическому учению зороастризма, благодаря совместным усилиям приверженцев истинной веры, в конечном счете, побеждает добро. Приходит новый мир, знаменующий собой триумф сил Добра. В этой борьбе немалое место занимает свободный в своем выборе человек (в этой борьбе человек может стать на любую сторону). Человек должен активно содействовать победе Добра, Правды и Света над Злом, Ложью и Тьмой. Основными орудиями человека в этой борьбе являются «добрая мысль», «доброе слово», «доброе дело». Как это явствует из духа учения, человек должен способствовать победе над Злом не столько обрядами и молитвами, сколько образом жизни - увеличением материальных благ путем прилежного занятия сельским хозяйством, усердной обработки земли, бережного отношения к скоту. Согласно Авесте, возделывание хлеба наносит ущерб злу началу и продвигает дело Добра в такой же мере, как и прочтение 10 000 молитв. Предусматривались и обычные добродетели - щедрость, честность, верность договору. Аскетизм всегда был чужд зороастризму. Безбрачие считалось тяжелейшим грехом. [127-128]

Рассматривая концепцию человека в Гатах, следует со всей определенностью указать, что в них человек - земледelec и кочевник - не действующий субъект, стоящий в центре художественного воображения; он только присутствует, являясь лишь объектом воздействия божеств, стоящих в центре внимания составителя Гат. Из людей слагателя Гат привлекают лишь «властители, «сверхчеловеческие» образы вождей, царей и жрецов. Если к активности привлекается «слабый человек», то лишь в роли служителя богов, исполнителя воли властей небесных и земных. Человеку, как таковому, отводится место лишь чуть повыше того, которое занимает благодетельный скот, также служащий божествам и ими опекаемый.

Концепция человека в Гатах - это, таким образом, при всей ее первобытной наивности, уже религиозная трактовка человека как существа, призванного служить сильным мира сего и небесного, не столько действующего ради блага своего, сколько (подобно скоту) опекаемого стоящей над ним властью земной и горной» (И. С. Брагинский).

В Авесте в значительной мере отразилась и зародившаяся в эпоху становления государственности мечта народа о добром владыке⁶⁰. В Гатах говорится о добрых правителях, долг которых - изгонять врагов, совершающих набеги на земледельческие области, и «нести мир для радостных поселений» (Ясна, 48, 5 и др.).

Говоря о пантеоне Авесты, следует отметить, что у арийских племен, как отмечалось выше, еще, по-видимому, в глубокой древности существовали два типа богов - дэвы и асуры (ахуры - у иранцев). Высшую ступень в зороастрийской небесной иерархии после Ахуры Мазды занимает шестерка или семерка (позднее число их колеблется) божеств, называемых Амеша Спентами (Бессмертными святыми) и являвшихся духами - помощниками верховного божества. Здесь, по существу, повторяется древняя индоиранская схема семибожного пантеона. Пять из Амеша Спентов имеют прямые соответствия в индийской (ведийской) мифологии. Каждый Амеша Спент в качестве отличительного символа имел свой цветок - мускусную розу, жасмин, лилию и т.д.

За Амеша Спентами следовали остальные божества - язаты (те, кому молятся, поклоняются). Митра (буквально: «договор», «согласие»), древнее индоиранское божество договора, самый, пожалуй, почитаемый из числа язатов. Он выступал так же, как божество Солнца. Позднее культ Митры распространился чрезвычайно широко, даже на Западе.

Значительной популярностью пользовались Ардвисура Анахита («Сильная, непорочная Ардви»), Веретрагна, Мах и другие божества. [128-129]

Ардвисура Анахита, богиня воды и плодородия, описывается в Авесте как сильная, прекрасная дева, дающая плодородие земле и плодovitость скоту и людям. Веретрагна (Вархран - в пехлеви, Бахрам - в фарси) - бог войны и победы - восходит к эпохе индоиранской общности.

Мах являлся божеством Луны.

В виде божества представляются Разум, Мир, сама зороастрийская Вера («дайна», отсюда и «дин», т.е. «вера», «религия»).

Огромной популярностью в зороастризме пользовался культ Огня, идущий от глубочайшей древности. Огонь (Атар, позднее - Азар) рассматривался как выражение или символ божественной справедливости - Арты (Аша - в Авесте).

Заключая наши рассуждения об учении Заратуштры, следует со всей определенностью указать, что проходящий красной нитью по всей Авесте и пронизывающий все миропонимание зороастрийца дуализм, идущий от старых маздаистических верований, распространенных в западных областях Иранского плато, в частности и в Южном Азербайджане, уже в самом начале I тысячелетия до н.э. сочетается в реформированной религиозной системе Заратуштры, которая излагается в Гатах, с явно проявляющейся тенденцией к монотеизму, выраженной в вере в верховного бога Ахуру Мазду, ставшего, по существу, единственным богом⁶¹. Поэтому Заратуштру, возможно, следует считать одним из первых в истории человечества проповедников идеи единобожия, а гатовский зороастризм - одной из первых попыток создания монотеистической религии.

В формировании зороастризма, кроме старых маздаистических религий, определенную роль играли зерванизм, «учение магов» и некоторые другие вероучения.

Зороастризм стал распространяться в западных областях Иранского плато, конечно, и в Южном Азербайджане, где и раньше бытовали схожие с ним верования - маздаизм, дуализм, культ огня и многое другое, почти несомненно в начальные века I тысячелетия до н.э. По-видимому, где-то во второй четверти (по-видимому, в конце ее) I тысячелетия до н.э. с распространенным здесь зороастризмом начинает знакомиться иудейский и эллинский мир. Вскоре Заратуштра был, так сказать, «усыновлен» Западом.

Один из ведущих современных иранистов Запада так оценивает роль зороастризма: «Зороастризм - самая древняя из мировых религий откровения, и, по-видимому, он оказал на человечество, прямо или косвенно, больше влияния, чем какая-либо другая вера»⁶².

Зороастризм и связанные с ним религиозно-философские системы, несомненно, оказали определенное влияние на иудаизм и раннее христианство, позаимствовавшие у них немало «ключевых» [129-130] концепций, и значительное - на многих представителей греческой философской мысли.

Зороастризм окончательно оформился как государственная и догматическая религия при Сасанидах, когда была предпринята (еще одна?) кодификация текстов Авесты.

Поздняя зороастрийская традиция утверждает, что Заратуштра родом был из Южного Азербайджана. Упорно называют родиной пророка Азербайджан и многие средневековые мусульманские авторы.

Причину локализации родины Заратуштры в Азербайджане следует объяснить той значительной ролью, которую играла эта область Сасанидской монархии в истории догматического зороастризма. При Сасанидах, несмотря на всевозможные потрясения, одна из главных государственных святынь всего Ирана (храм огня Адургушнасп - храм царя и сословия воинов, куда цари должны были совершать паломничество) находилась в Южном Азербайджане. Здесь было сосредоточено также много других храмов, с их «горящими углями» и «многочисленными магами». Многие из этих святилищ, как сообщают средневековые авторы, существовали еще «до Заратуштры». Здесь, как кажется, происходило окончательное оформление канона Авесты. И, наконец, эта область в сасанидскую эпоху была оплотом зороастризма и зороастрийского жречества. Все это хотя и свидетельствует об огромной роли и значении зороастрийского Южного Азербайджана в указанное, быть может, и более раннее время, но, тем не менее, не позволяет признать в Азербайджане родину зороастрийских авестийских вероучений.

Зороастризм играл на протяжении 3 - 4 веков значительную роль и после арабского завоевания. Именно в это время были написаны многие произведения зороастрийской литературы на пехлеви, в частности своеобразная энциклопедия зороастризма Денкарт. Идеи зороастризма оказали значительное влияние на идеологию маздакитов и бабекитов. Проблемы зороастризма волновали и волнуют умы и ученых нового времени.

Заключая все сказанное выше о древнеиранских верованиях, следует сказать, что они, несомненно, сыграли «большую роль в процессе развития религий древнего мира от племенных и местных культов к «национальным» религиям общегосударственным культам и религиозно-философским учениям больших древневосточных и западных государств и «империй», а затем к возникшим и распространившимся в поздней древности - раннем средневековье «мировым религиям»⁶³.

Одним из важных этапов в истории древнеиранских религиозных учений был, так сказать, атропатенский зороастризм, когда Атропатена на протяжении нескольких веков уже в сасанидскую эпоху превратилась в оплот зороастризма.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА 1

¹ Упоминаются в древнеперсидских надписях, у Геродота и др. античных авторов, см. Грантовский Э. А. Сагартии и XIV округ государства Ахеменидов по списку Геродота (III, 93). КСИНА, XLVI, 1962.

² Упоминаются Гекатеем и Геродотом, см. Алиев Играр. История Мидии, с. 104, прим. 6. См также, Грантовский Э. А. Указ. соч. КСИНА, с. 237, сл.

³ См.: Геродот, III, 93; VII, 68.

⁴ См. Геродот, III, 93; VII, 68. 86. См также: Дьяконов И. М. История Мидии. М. - Л., 1956, с. 338. Ср. также Schwarz P. Iran im Mittelalter nach den arabischen Geographen, VIII, I (Adarbaijan). Zwickau, 1932, s. 137.

⁵ Хорошо известно, что «ортокорибантии» - это перевод древнеперсидского tigraxauda. Последнее является эпитетом одной из групп сакских племен. Saka tigraxauda означает «саки острошапочные» («с остроконечными шапками»), см.: Kiesling A. Zur Geschichte der ersten Regierung Darius Hystaspes. Leipzig, 1900, s. 17; см. также Junge J. Orthokorybantier. Rl kl W. Здесь важно отметить, что именно в зоне Мингечаура обнаружена печать, на которой изображен воин, как мы думаем, сак в остроконечной шапке. Саки, конечно, племя (или группа племен) пришлое на территорию Азербайджана. Сюда пришла только незначительная часть саков, причем, очевидно, саков-тигра'хауда, которые позднее, по источнику Геродота, были известны под названием ортокорибантеев (жители Скифского царства?), которые вместе с париканиями входили в состав Мидийской (X) сатрапий (см.: Дьяконов И. М. История Мидии, с. 249, 447; Алиев Играр. История Мидии, с. 230, см. также: с. 103, прим. 5; он же. О скифах и Скифском царстве в Азербайджане. Переднеазиатский сборник, III. М, 1979, с. 10 - 11)

Совершенно бесспорно, что основной, так сказать, материнской областью обитания саков были земли, расположенные восточнее Каспийского моря, в Казахстане и Средней Азии, вплоть до пределов Индии. Саки на этих территориях засвидетельствованы во всяком случае с VIII - VII вв. до н.э. археологически. Предполагают даже, что саки Средней Азии и Казахстана являются прямыми потомками племен, обитавших здесь в эпоху поздней бронзы. Саки засвидетельствованы для названного региона и письменными источниками — древнеперсидскими, античными, индийскими и китайскими. Здесь они обитали, судя по письменным источникам, еще в позднеантичное время [см.: Пьянков И. В. Саки (содержание понятия). - Изв. АН Таджикской ССР (отд. общественных наук), 1963, 3(53); Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972].

Утверждения, встречающиеся в писаниях некоторых наших дилетантствующих историков о том, что саки по языку тюрки, не выдерживают критики и смехотворны с точки зрения своего обоснования, см.: Алиев Играр. Несколько слов о скифо-сакской проблеме. - Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права, 1986, № 1, с. 127, сл.

⁶ Кадусии, почти несомненно, должны быть связаны с XI сатрапией, куда входили каспии, павсики, пантиматы и дарейты. Неупоминание их Геродотом, возможно, следует объяснить тем, что кадусии, как кажется, скрываются под наименованием «каспиев», являвшимся, быть может, общим обозначением племен юго-западного Прикаспия. Необходимо отметить, что понятия «Земля кадусиев» и «Земля каспиев» употреблялись как равнозначные, см. ниже. См. также мою «Историю Мидии», с. 104.

⁷ См.: Геродот, III, 92.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Перечисленные три племена вместе с каспиями входили в XI сатрапию и должны были обитать где-то в областях Южного Азербайджана. Кстати, по Птолею, «Земля дарейтов» составляла особую и большую часть Мидии (Ptol., VI, 2, 6). Последнее возможно только в том случае, если Южный Азербайджан (где обитали дарейты) считался уже Мидией.

¹⁰ О каспиях см. ниже.

¹¹ См. мою «Историю Мидии», с. 67, 68, 105; Хазарадзе Н. В. Гекатеевы матиены. Тезисы V ВСДВ. Тбилиси, 1971; она же. Геродот и вопрос локализации матиенов. - Мацне, 1971, 2; она же. К вопросу о локализации матиенов в свете древнегреческих источников. - ИФЖ, 2, 1973; она же. Гекатеевы матиены. - Вопросы древней истории. Тбилиси, 1973.

¹² О мардах античные авторы говорят на протяжении 5 - 6 столетий. О них сообщают и раннесредневековые армянские авторы, см. ниже.

¹³ О парсиях и анариаках см. Страбон, XI, VI, 1; VII, I; VIII, 8; См. также ниже.

¹⁴ Hekat., fr. 170.

¹⁵ Геродот, III, 93; VII, 68.

¹⁶ У Hekat. (fr. 170).

¹⁷ Геродот, III, 93.

¹⁸ Грантовский Э. А. Указ. соч. КСИНА, XLVI, 1962, с. 237.

¹⁹ Там же, с. 238 - 239.

²⁰ Там же, с. 238.

²¹ Там же.

²² См. там же, с. 239.

- ²³ Геродот, VII, 68.
- ²⁴ Там же, III, 93.
- ²⁵ Там же, VII, 68.
- ²⁶ См. Грантовский Э. А. Указ, соч., с. 241.
- ²⁷ О них существует значительная литература.
- ²⁸ Геродот, VII, 68.
- ²⁹ Это папирусы V века до н.э. с острова Элефантины в Египте на арамейском языке, см.: Cowley A. E. *Aramaic Papyri of the Fifth Century B. C.* Oxford, 1923; Porten B. *Jews of Elephantine and Arameans of Syene.* Jerusalem, 1974; Kraeling E. G. *The Brooklyn Museum Aramaic Papyri. New Documents of the Fifth Century B. C. from Jewish Colony at Elephantine.* New Haven, 1953 (Новый перевод документов издан Grinfeld C. в 1980 году).
- ³⁰ Это труды античных авторов, начиная с Геродота.
- ³¹ См.: Алиев Играр. *История Мидии*, с. 79, 106.
- ³² См. Eilers W. *Geographische Namengebund in and um Iran.* Miinchen, 1982, s. 18
- ³³ Геродот, III, 92.
- ³⁴ См. Hubschmann H. *Die altarmenische Ortsnamen.* IF, XVI, 1904, s. 267, сл.
- ³⁵ См.: Neumann K. J. *Die Fahrt des Patrokles auf dem Kaspischen Meere und der alte Lauf des Oxos.* Hermes XIX, 2, 1884, s. 173; Hubschmann N. Указ, соч., с. 267, сл. И у Страбона (XI, 8, 8) каспии упомянуты рядом с утиями.
- ³⁶ См.: Геродот, III, 93. См. также: Herrmann. *Kaspioi*, RE, XX, 1919, стлб. 2273, сл.
- ³⁷ Евстафий, § 730.
- ³⁸ Ael., XVII, 17, 34.
- ³⁹ Там же, XVII, 32.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² См.: Играр Алиев. К интерпритации параграфов 1, 3, 4 и 5 IV главы XI книги «Географии» Страбона. – ВДИ, 1975, 3, с. 155 – 156.
- ⁴³ Aime-Giron M. N. *Texte arameens d'Egypte.* Le Caire, 1931, p. 58, сл.
- ⁴⁴ Ael., XVII, 17, 34.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Флакк Валерий. *Аргонавтика*, VI, 6
- ⁴⁷ См.: Тревер К. В. *Очерки по истории и культуре Кавказской Албании.* М. - Л., 1959, с. 77.
- ⁴⁸ Геродот, VII, 67.
- ⁴⁹ Страбон, XI, XI, 8.
- ⁵⁰ Геродот, I, 140.
- ⁵¹ См.: Дьяконов И. М. *Восточный Иран до Кира. История Иранского государства и культуры.* М., 1971, с. 132.
- ⁵² Там же, с. 131, 132.
- ⁵³ Геродот, VII, 67.
- ⁵⁴ O. Curfti, *Rufi De gestis Alexandri Magni*, IV, 12, 10.
- ⁵⁵ Страбон, XI, XIV, 5.
- ⁵⁶ Там же, XI, IV, 5.
- ⁵⁷ См. мою «Историю Мидии», с. 68.
- ⁵⁸ См.: Дьяконов И. М. *История Мидии*, с. 338.
- ⁵⁹ Tiele C. *Geschichte Babylonien und Assyriens*, I. Gotha, 1886, s. 261. см. также: Marquart J. *Untersuchungen zur geschichte von Eran*, I. *Philologus*, 55, 1896, s. 231; Prasek J. *Geschichte der Meder und Perser*, I. Gotha, 1906, s. 85, сл.: Ghirschman R. *L'Iran des engins a l'Islam.* Paris 1951, p. 74 сл.; Herzfeld E. *Zoroaster and his World*, II. Princeton, 1947, p. 723, сл.; Он же. *AMI*, I, Berlin, 1929, s. 81, сл., 103 – 104.
- ⁶⁰ См.: Грантовский Э. А. *Ранняя история иранских племен Передней Азии.* М., 1970, с. 272, сл. См. также: Eilers W. *Altpersische Miszellen.* ZA, 51, 1955, с. 228; Herzfeld E. *AMI*, IX. Berlin, 1938, с. 173 - 174; Tiele C. Указ. соч.
- ⁶¹ Грантовский Э. А. *Ранняя история*, с. 273.
- ⁶² Там же, с. 274.
- ⁶³ О локализации области Зикерту см.: Дьяконов И. М. *История Мидии*, с. 88; Алиев Играр. *История Мидии*, с. 40; Грантовский Э. А. *Ранняя история*, с. 274; Herzfeld E. *The Persian Empire.* Wiesbaden, 1968, p. 243.
- ⁶⁴ Упоминаются впервые в текстах Саргона II (*Ann.* II, с. 34).
- ⁶⁵ Грантовский Э. А. Указ. соч. КСИНА, XLVI, 1962, с. 244.
- ⁶⁶ Вопросу о локализации Parsua посвящено немало исследований, среди них труды М. Штрекка, Э. Райта, Дж. Камерона, Р. Гиршмана, Э. Форрера, Э. Херпфельда, И. М. Дьяконова, Г. А. Меликишвили, И. Алиева и др. Наилучшим образом вопрос о Parsua разработан Э. А. Грантовским, см. *Ранняя история*, с. 133, сл.
- ⁶⁷ Грантовский Э. А. Указ. соч. КСИНА, XLVI, 1962, с. 248 - 249; Он же. *Ранняя история*, с. 272.
- ⁶⁸ См.: Грантовский Э. А. *Ранняя история*, с. 279.
- ⁶⁹ Ср. Marquart J. *Untersuchungen*., s. 231.
- ⁷⁰ Грантовский Э. А. Указ. соч. КСИНА, XLVI, 1962, с. 246..
- ⁷¹ Byzant St. *Ethnicorum*... I. Berl., 1849, s. 549.
- ⁷² Ср.: Грантовский Э. А. *Ранняя история*... с. 273.

- ⁷³ Грантовский Э. А. Указ. соч. КСИНА, XLVI, 1962, с. 247.
- ⁷⁴ Herzfeld E. AMI, IX, s. 171.
- ⁷⁵ Грантовский Э. А. Указ. соч. КСИНА, XLVI, 1962, с. 247.
- ⁷⁶ Marquart J. Die Assyriaka des Ktesias. Philologus, Supplem., VI, 2. Leipzig, 1893, s. 558, сл., 642, сл.
- ⁷⁷ Tomaschek. RE, s. v. Aniarakai; Andreas. RE, s. v. Aniarakai.
- ⁷⁸ См. Грантовский Э. А. Ранняя история..., с. 373.
- ⁷⁹ Там же, с. 169 - 170.
- ⁸⁰ Там же, с. 373.
- ⁸¹ См.: Дьяконов И. М. История Мидии, с. 249; Алиев Играр. История Мидии, с. 230.
- ⁸² Ptol. VI, 2, 5; Pomp. Mela, 1, 13; Arr. Anab., III, 19, 7; Plin. N. H. VI, 36; Strabo, XI, VIII, 8.
- ⁸³ Curt. IV, 12; Strabo, XI, VIII, 8.
- ⁸⁴ Кроме указанных в прим. 83, Perieg., 731 - 732.
- ⁸⁵ См. ниже.
- ⁸⁶ Xenoph. Курор. V, 3, 24.
- ⁸⁷ Arr. Anab., III, 8, 4.
- ⁸⁸ Plin., N. H., IV, 48. См. также: Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана. Спб., 1903, с. 153; Geiger W. Kleine Dialekte und Dialekten-gruppen, II. Die Kaspische Dialekte. CIPh, 1898 - 1901, 1, 2, s. 347.
- ⁸⁹ Ptol., VI, 4, 2.
- ⁹⁰ Дьяконов И. М. История Мидии, с. 447 - 448, прим. 5.
- ⁹¹ Tarn W. W. Alexander the Great, 11. Cambridge, 1950, p. 13.
- ⁹² То, что прежде называлось «Землей кадусиев», у Плиния (N. H. VI, 18) называется также «Землей каспиев».
- ⁹³ См. мою «Историю Мидии», с. 104, прим. 10.
- ⁹⁴ См. Грантовский Э. А. Ранняя история..., с. 374.
- ⁹⁵ См. Дьяконов И. М. История Мидии, с. 338.
- ⁹⁶ См. Грантовский Э. А. Ранняя история..., с. 281.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ На это указывал Nyberg N. S. в своей Die Religionen des alien Iran.
- ⁹⁹ Так считал Geiger W. в своей известной Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882, s. 81 - 82. См. также: Дьяконов И. М. История Мидии, с. 338.
- ¹⁰⁰ Geiger W. Указ, соч., passim.
- ¹⁰¹ Варданян В. М. Марды в Васпуракане. - Историко-филологический журнал.
- ¹⁰² См.: Geiger W. Указ, соч., с. 203.
- ¹⁰³ Dilleman L. Haute Mesopotamie Orientale et Pays Adjacents. Inst. Franc. d'Archeol. de Beyrouth. Bibl. Archeol. et Hist., LXXII, с. 95, сл.
- ¹⁰⁴ Грантовский Э. А. Ранняя история..., с. 74, прим. 7.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 74 - 75.
- ¹⁰⁶ См.: Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 57 и др.
- ¹⁰⁷ См. Варданян В. М. Указ. соч.
- ¹⁰⁸ См. Адонц Н. Указ, соч., passim; Варданян В. М. Указ. соч.
- ¹⁰⁹ См. Messina G. Der Ursprung der Magier und die Zarathustrische Religion. Berlin, 1930, s. 71, сл.; Widengren G. Die Religionen Irans, s. 249, 260; Hubertus Gall von. Persische und medische Stamme. AMI, N. F.; 5, 1972, s. 281.
- ¹¹⁰ Это со всей очевидностью явствует из Геродота (I, 101).
- ¹¹¹ См.: Струве В. В. Родина зороастризма. - Советское востоковедение, 1948, V, с. 31.
- ¹¹² См. мою «Историю Мидии», с. 253.
- ¹¹³ См.: Wesendonk O. Das Weltbild der Iranier. Miinchen, 1933, s. 117, сл.
- ¹¹⁴ Duchesne-Guillemin J. La religion des Achemenides. Wiesbaden, 1972, s. 72, сл.; Bartholomae Chr. Altiranisches Worterbuch, стлб. 1109 - 1112.
- ¹¹⁵ Benveniste E. Les classes sociales dans la tradition avestique. JA, CCXXI, 1, 1932; он же. Les mages dans l'ancien Iran. Paris, 1938.
- ¹¹⁶ О магах см. также: Clemen C. Magoi. RE, XXVII, столб. 512; Bidez J., Cumont F. Les mages hellenises. Zoroastre, Ostanes et Hustaspe, I-II, Paris, 1938.
- ¹¹⁷ Геродот, I, 101.
- ¹¹⁸ Речь идет о недавно обнаруженной копии вавилонской версии Бехистунской надписи, см.: E. N. von Voigtlander. Corpus Inscriptionum Iranicarum, I, II. London, 1978.
- ¹¹⁹ В упомянутой копии, стрк. 15 сказано: «мидиец (по имени) Гаумата, маг».
- ¹²⁰ См.: Diog. Laert., Pr., I, 1, сл.; Plin. N. H. XXX, 2, сл.
- ¹²¹ Ограбон, XV, III, 15.
- ¹²² Распространенное в литературе мнение о том, что авестийск. afravan — было обозначением жреца огня (ср. также авестийск. аваурина, др.- индийск. Athavana -, буквально: «относящийся к функции жреца», «исполнение жреческих функций» считается заимствованным из иранского) справедливо подверг сомнению З. Бенвенист, который отметил, что нигде в текстах Авесты (как и в древне-персидских) -afravan — не связан с культом огня, см. Benveniste E. Le vocabulaire des institutions indo-europeennes, I. Paris, 1969, 281 - 282.

- ¹²³ Messina G. (Указ, соч., с. 15, сл.) вопреки очевидности считает, что маги — это не мидийское племя, а персидское жреческое сословие.
- ¹²⁴ Марцеллин Аммиан. XXIII, 6, 35.
- ¹²⁵ Там же. XXIII, 6, 33.
- ¹²⁶ В частности, И. Хертель, Э. Херцфельд и др.
- ¹²⁷ Об «учении магов» говорят античные авторы, в частности Аристотель, Плутарх и др.
- ¹²⁸ Haupt E. *Über die Berührungen des alten Testaments mit der Religion Zarathustras*. Berlin, 1867; Jackson A. V. W. *Avesta, the Bible of Zoroaster*. The Biblical World, 1893; Boklen. *Die Verwandtschaft der jüdisch-christlichen mit der persischen Eschatologie*. Gottmgen, 1902; Winston D. *The Iranian Component the Bible*. Apocrypha and Qumran. History of Religions, 5, 2 1966; Frye R. *Iran und Israel*. Festschrift für Wilhelm Eilers. Wiesbaden, 1967; Smith M. II *Isaiah and Persians* JAOS, 83, 4, 1963; Hulgard A. *Das Judentum in der hellenistisch-romischen Zeit und die iranische Religion*. Aufstieg und Niedergang der römischen Welt, 11, 19. Berlin-York, 1979.
- ¹²⁹ См.: Duchesne-Guillemin J. *D'Anaximandre à Empédocle: contacts greco-iraniens*. La Persia e il mondo greco-romano. Roma, 1966; он же. *Heraclitus and Iran*. History of Religions, 3, 1, 1963; он же. *The Western Response to Zoroaster*. Oxford, 1958; Momigliano A. *Sagesses barbares*. Paris, 1979; Reinhardt K. *Heraclits Lehre von Feuer*. Hermes, 77, 1942; Bidez J. *Eos ou Platon et l'Orient*. Bruxelles, 1945; Koster W. *Le mythe de Platon, de Zarathustra et des chaldeens*. Leiden, 1971; West M. L. *Early Greek Philosophy and the Orient*. Oxford, 1971.
- ¹³⁰ Лелеков Л. А. Атар.—Мифы народов мира, 1, с. 120.
- ¹³¹ О Нуш-и Джан-тепе см.: Stronach D. *Tepe Nush-i Jan: a mound in Media*. Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. New York, 1968, с. 177, сл.; он же. *Tepe Nush-i Jan. Excavations in Iran*. The British contribution. Oxford, 1972, p. 43.; сл.; он же. *A fourt Season of excavations at Tepeh Nusi Jan*. Proceedings of the III annual symposium on archaeological research in Iran, 1974. Teheran, 1975, p. 203, сл.; Bivar A. D. *A hoard of ingot-currency of the Median period from Nush-i Jan*. Iran, 9, 1971, p. 97 сл.
- ¹³² См.: West M. L. *Early Greek..*, p. 67, 89; Reinhardt. *Heraclits..*, с. 1, сл.; Duchesne-Guillemin J. *Heraclitus and Iran*, с. 34, сл.
- ¹³³ Schippmann K. *Die iranischen Feuerheiligtümer*. Berlin, 1971.
- ¹³⁴ Christensen A. *L'Iran sous les Sassanides*. Copenhagen, 1944; Gropp G. *Die Derbent-Inschriften und Adur Gusnasp*. Monumentum N. S. Nyberg, I. Acta Iranica, 4. Teheran-Liege, 1975; Humbach H. *Atur Gusnasp und Tacht-i Suleiman*. Festschrift für Wilhelm Eilers. Wiesbaden, 1967; H. Naumann R. und E. Takht-i Suleiman. Mflnchen, 1976.
- ¹³⁵ Benveniste E. *The Persian Religion according to the chief Greek Texts*. Paris, 1929, p. 69, сл. О зерванизме см. Также Nyberg H. S. *Questions de cosmogonie et de cosmologie mazdeennes*. JA, 214, 1929; 219, 1931; он же *Die Religionen des alten Iran*; Zaehner R. C. *Zurvan, a Zoroastrian Dilemma*. London, 1955; он же *Postscript to Zurvan*. BSOAS, XVII, 2, 1955; Duchesne — Guillemin J. *Notes on Zaehner's Zurvan*. JNES, 15, 2, 1956; Boyce M. *Some Reflections on Zurvanism*. BSOAS, XIX, 1957; Frye R. N. *Zurvanism again*. Harvard. Theological Review, 52, 1959; он же. *Die Wiedergeburt Persiens um die Jahrtausend Wende*. Der Islam, 35, 1959.
- ¹³⁶ См.: Фрай Р. *Наследие Ирана*, с. 306.
- ¹³⁷ West M. L. *Early Greek Philisophy..*, p. 40, сл.
- ¹³⁸ Ghirshman R. *L'Iran des engins à l'Islam*. Paris, p. 100 - 101, табл. III - IV; Дандамаев М. А., Луконин В. Г. *Культура и экономика древнего Ирана*, с. 66.
- ¹³⁹ Nyberg H. S. *Die Religionen..*, s. 331.
- ¹⁴⁰ См.: Nyberg H. S. *Questions de cosmogonie..*, 219, 1931.
- ¹⁴¹ Погодин А. Л. *Религия Зороастра*. СПб., 1903, с. 35.
- ¹⁴² См.: Дьяконов И. М. *История Мидии*, с. 401; Грантовский Э. А. *Зерванизм*, *Философская энциклопедия*, с. 174.
- ¹⁴³ Plut., *De Iside et Osiride*.
- ¹⁴⁴ Hinnels J. R. *Zoroastrian Saviour imagery and its influence on the New Testament*. Numen, 16, 3, 1969; Kellens J. *Saosiiant*. Studia Iranica, 3, 1974.
- ¹⁴⁵ Culican W. *The Medes and Persians*, s. 170.
- ¹⁴⁶ Wiedengren G. *Religione dell'Iran antico*. La civiltà dell'Oriente, III, Roma, 1958, с. 557; Dushesne-Guittemin J. *La fixation de L'Avesta*. Indo-Iranica. Wiesbaden, 1964, с. 21 сл.
- ¹⁴⁷ Duchesne-Guillemin. *La fixation..*, p. 62, сл.
- ¹⁴⁸ Джаксон. *Жизнь Зороастра*, с. 63.
- ¹⁴⁹ Дандамаев М. А., Луконин В. Г. *Культура и экономика древнего Ирана*, с. 312.
- ¹⁵⁰ Джаксон. *Указ, соч.*, с. 63.
- ¹⁵¹ См.: Алиев Иггар. *История Мидии*, с. 301; Дандамаев М. А., Луконин В. Г. *Указ, соч.*, с. 312.
- ¹⁵² Plut., *Iside et Osiride*, 46.
- ¹⁵³ Алиев Иггар. *История Мидии*, с. 301.
- ¹⁵⁴ Там же, с. 300 - 301. См. также: Gershevitch I. *Zoroaster own Contribution*, p. 16, 22, 29; Duchesne-Guillemin J. *La Religion des Achemenides*, p. 74.
- ¹⁵⁵ См.: Zaehner R. C. *The dawn and twilight of Zoroastrianism*. London, 1961, p. 145, сл.
- ¹⁵⁶ См. мою «Историю Мидии», с. 306.

- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ См.: Грантовский Э. А. Указ. соч.
- ¹⁵⁹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 36.
- ¹⁶⁰ Там же, с. 35.
- ¹⁶¹ Там же, с. 37.
- ¹⁶² Бромлей Ю. В. Очерки..., с. 173, сл.
- ¹⁶³ Там же, с. 281.
- ¹⁶⁴ См.: Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. — СЭ, 1968, 2.
- ¹⁶⁵ См.: Абаев В. И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов: Древний Восток и античный мир. М., 1972, с. 35.
- ¹⁶⁶ Страбон, XV, II, 8.
- ¹⁶⁷ Юстин, XI, 2, 3.
- ¹⁶⁸ Herzfeld E. Medisch und Parthisch. AMI, VII, 1935.
- ¹⁶⁹ Эта точка зрения не вызывает сомнения у лингвистов. Значительная часть этнографов придерживается этого положения, см., например: Бромлей Ю. В. Этнос..., с. 54.
- ¹⁷⁰ См.: Бромлей Ю. В. Этнос..., с. 54.
- ¹⁷¹ См.: Kent R. G. Old Persian Grammar, Text, Lexicon. New Haven, 1950, p. 142, сл.; Godard A. Le Tresor de Ziwiye [Kourdistan]. Haarlem, 1950, p. 125, сл.
- ¹⁷² См.: Дьяконов И. М. История Мидии, с. 452.
- ¹⁷³ См.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 51, прим. 120.
- ¹⁷⁴ Периханян А. Г. Арамейская надпись из Зангезура. — ИФЖ, 1965, 4. Так же он называется в исследованиях В. Ленца (Z, II, IV. 1926, с. 262], В. Б. Хеннинга (Asia Mayor, X, 2, 1962, с. 195, сл.) и др.
- ¹⁷⁵ См.: Касумова С. Ю. Южный Азербайджан в III - VII вв. Баку, 1983, с. 44.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ Между прочим Йа'кут говорит, что азери непонятен ни для кого, кроме самих носителей этого языка, см.: Миллер Б. В. К вопросу об языке населения Азербайджана до отуречения этой области. - Ученые записки Института народов Востока СССР, 1. М., 1930, с. 203.
- ¹⁷⁹ Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. М., 1960, с. 138. См. также: Касумова С. Ю. Указ, соч., с. 43.
- ¹⁸⁰ Henning W. B. Mitteliranisch. Handbush der Orientalistik, I, IV. Iranistik, 1. Linguistik. Leiden-Koln, 1958, s. 95.
- ¹⁸¹ Абу Рейхан Беруни. Избранные произведения, IV. Ташкент, 1974, с. 46 и др. См. также: Касумова С. Ю. Указ, соч., с. 45.
- ¹⁸² См.: Миллер Б. В. Указ, соч., с. 203.
- ¹⁸³ Там же, с. 217, сл.
- ¹⁸⁴ См.: Миллер Б. В. Талышский язык. М., 1953, с. 53, сл.
- ¹⁸⁵ См.: Дьяконов И. М. История Мидии, с. 92; Миллер Б. В. К вопросу об языке...; Касумова С. Ю. Указ, соч., с. 46.
- ¹⁸⁶ См.: Schhwarz P. Указ, соч., с. 1086 и др.
- ¹⁸⁷ Henning W. B. The ancient language of Azerbaijan. Transaction of the Philological Society. London, 1955; Herzfeld E. Указ, соч., AMI, VII, 1934, с. 10, сл.
- ¹⁸⁸ Herzfeld. E. Указ, соч., с. 16, сл.
- ¹⁸⁹ Миллер Б. В. Талышский язык, с. 53 и др.; Дьяконов И. М. История Мидии, с. 92, 381 - 382.
- ¹⁹⁰ См.: Периханян А. Г. Указ, соч., с. 109, сл.
- ¹⁹¹ Там же.
- ¹⁹² Там же, с. 110.
- ¹⁹³ Там же, с. 109 - 110.
- ¹⁹⁴ Грантовский Э. А. Ранняя..., с. 157, сл. 306; Абаев В. И. ИЭСОЯ, 1. М. - Л., 421 - 422.
- ¹⁹⁵ Периханян А. Г. Указ, соч., с. 113, 116, 132.
- ¹⁹⁶ См. там же, с. 127. См. также статью Henning'a W. B. В Asia Mayor, X, 2, 1969, p. 195.
- ¹⁹⁷ См.: Периханян А. Г. Указ, соч., с. 116, сл.
- ¹⁹⁸ См. у Периханян А. Г. Указ, соч., с. 115, 116.
- ¹⁹⁹ По-видимому, и в среднеперсидском, а также в иранском языке на территории древней Грузии/
- ²⁰⁰ Henning W. B. Mitteliranisch..., s. 39.
- ²⁰¹ Там же, с. 78.
- ²⁰² Бромлей Ю. В. Очерки..., с. 242.
- ²⁰³ Там же, с. 228.
- ²⁰⁴ Там же, с. 283.
- ²⁰⁵ История Ирана, с. 38.
- ²⁰⁶ Бромлей Ю. В. Очерки..., с. 283.
- ²⁰⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 125, 127.
- ²⁰⁸ Бромлей Ю. В. Очерки..., с. 238, 239.
- ²⁰⁹ История древнего мира. Расцвет древних обществ. М., 1982, с. 420.

²¹⁰ См.: Ямпольский З. И. О значении термина «атропат». - ДАН Азерб. ССР. XI, 1955, 3; он же. О тождестве Антарпатиану и Атропатены. - Ученые записки Азербайджанского государственного университета. Серия истории и философии, 1972, 6; он же. О топониме «Антарпатиану» («Атропатене»): Материалы к сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1970 года в Азербайджане. Баку, 1971; Азерли М., Мусеви Т., Ямпольский З. О слове «Азербайджан». - ДАН Азерб. ССР, XXX, 1974, 12; Гурбан Р. О словах Азери, Атропатен, Азербайджан (на азерб. яз.). - Известия АН Азерб. ССР. Серия литература, язык, искусство, 1968, 3; Демирчизаде А. Слово «Азербайджан» (на азерб. яз.). - Труды Азербайджанского государственного университета, 1945, 5; Он же. 50 слов (на азерб. яз.). Баку, 1968 - Фарзали А. В свете слова «Азербайджан» (на азерб. яз.). - Эльм ве хаят, 1986, 8; Сеидов М. Об этимологии слова «Азербайджан». - Известия АН Азерб. ССР. Серия литература, язык и искусство, 1986, 3. Все эти статьи и ряд других, написанных в том же ключе, очень далеки от науки. В самом деле, например, З. И. Ямпольский писал: «Буржуазные историки, слепо следуя источникам, считали это имя (Атропат, - И. А.) собственным». Он связывал имя Атропат с авестийским андарзбад, Артабазан, полагая, что оно состоит из «атар» и «пат» и означает «блюститель культа тар или «глава культа тар». Он же считал, что «Антарпатиану и Атропатена» тождественны. Он же вместе со своими коллегами М. Азерли и Т. Мусеви утверждал, что Азербайджан означает «Источник бога огня» или «Место бога огня».

Другой автор, А. Демирчизаде ничтоже сумняшеся писал, что Геродот знал название «Атропатен» (т. е. Атропатена; конечно, Геродот по хронологическим соображениям не мог знать этого названия), что «был наместник Атрап» (т. е. Атропат), что элемент «а-тур» («а-тар») в названии «Азербайджан» произошел от «Ан-тур» («Ан-хур»), где «ан» - это шумерский АН или Ану и т. д.

Р. Гурбан утверждал, что «азэр» в «Азербайджане» - это название тюркского племени и означает «азский мужчина».

А. Фарзали вполне серьезно уверяет читателя, что названия «Атропатена», «Албания», «Мидия» происходят от материнского «Азербайджан» и сетует на то, что это «оставалось за пределами внимания» и т. д.

Вполне анекдотично следующее заявление, автором которого является доктор филологических наук М. М. Сеидов: «Первоначальный состав слова Азербайджан состоял из «Аз» — названия тюркоязычного племени, эр - киши (муж/бай и бе (бек), аджан/чан (хан, отец). Слово «Азербайджан» означает «хан бека человека из племени Аз». Этот шедевр переписан из резюме статьи автора слово в слово. Не вздор ли это?

²¹¹ Дьяконов И. М. История Мидии. Л. - М., 1956, с. 56 - 57.

²¹² Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1960, с. 113.

²¹³ Маковский М. М. Опыт типологической характеристики лексико-семантических систем. - ВЯ, 1969, 3, с. 25.

²¹⁴ См.: Общее языкознание: Методы лингвистических исследований. М., 1973, с. 40.

²¹⁵ Никонов В. А. Указ, соч., с. 112 - 113.

²¹⁶ Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений, т. 3. М., 1936, с. 350.

²¹⁷ См.: Сеидов М. Указ, соч. - Известия АН Азерб. ССР. Серия литература, язык и искусство, 1986, 3.

²¹⁸ См.: Ямпольский З. И. Указ. соч. Материалы к сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1970 года в Азербайджане. Баку, 1971.

²¹⁹ См.: Ямпольский З. И. Указ, соч. - ДАН Азерб. ССР, XI, 1955, 3.

²²⁰ См.: Азерли М., Мусеви Т., Ямпольский З. Указ, соч. - ДАН Азерб. ССР, XXX, 1974, 12.

²²¹ Schwarz. Указ. соч.

²²² См.: Новосельцев А. П. К вопросу о македонском владычестве и в древней Грузии. Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения академика И. А. Джавахишвили. Тбилиси, 1976, с. 107.

²²³ Strabo. XI, 13, 1.

²²⁴ См.: Yakut's geographisches Worterbuch, hrsg. von F. Wastenhof, bd. I, Leipzig, 1866, s. 159. Правда, у того же Якута имеется другое объяснение: абаг — в пехлеви «огонь», в baykan — «охранитель», а все название Adarbijan (у него приведены и другие формы этого названия) — «охранитель огня» или «храм огня». См. там же, 1, с. 130.

²²⁵ Там же, 1, с. 159.

²²⁶ См. мою статью - Племена и племенные группы в Атропатене.- ВПИ, 1987, 3.

²²⁷ А. Кристенсен, детально исследовавший Яшты, считал XIII Яшт одним из самых древних и относит его к концу II тысячелетия до н.э. (см.: Burrow T. The Proto-Indoarians. 1928, с. 10 - 25). Т. Бэрроу, относивший жизнь и деятельность Заратуштры к XIV - XIII вв. до н.э. полагал, что XIII Яшт, в котором упоминаются представители пяти поколений последователей Заратуштры, может быть датирован периодом около 1100 года до н.э. (см.: Burrow T. The Proto-Iranians. JRS, 1973, с. 138 - 139). Исследователи, принимающие традиционную дату жизни Заратуштры (258 лет до Александра), известную лишь по очень поздним источникам, относят деятельность пророка к VII - VI вв. до н.э. и, соответственно, датируют XIII Яшт V - IV вв. до н.э. Так поступает И. Гершевич, следующий расчетам В. Б. Хеннинга. Существенно, однако, что в XIII Яште упоминаются как зороастрийские племена туры (Tura - они известны по Гагам), сайримы (Sairima, вряд ли сарматы (савроматы), сайни (Sami или Sainu) и дахи (Daha), из которых лишь последние находят надежное соответствие в эпической номенклатуре Ахеменидской эпохи. Можно поэтому полагать, что XIII Яшт должен был быть сложен задолго до Ахеменидов.

²²⁸ Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, p. 49.

²²⁹ См.: Hallock R. T. Persepolis Fortification Tablets. Chicago, 1969, p. 338.

²³⁰ Benveniste. Titres et noms propres en iranien ancien. Paris, 1966, p. 83.

²³¹ Mayrhofer. Onomastica Persepolitana. Wien, 1973, s. 157.

- ²³² Указание В. А. Лившица.
- ²³³ В частности, известно имя знаменитого верховного жреца, заключившего при Шапуре II канон Авесты - Aturbad-I Mahrspandan'a.
- ²³⁴ См.: Pahlavi texts ed. by Y. D. M. Jamasp - Asana, II. Bombay, 1897, p. 58.
- ²³⁵ Gignoux Ph. Les sceaux et bulles Inscrits..., p. 81; он же. Noms propres Sassanides en Moyen-Perse epigraphique [Iranisches Personennamenbuch, hrsg. Mayrhofer M. und Schmitt R. II; Mitteliranische Personennamen, 2, Wien, 1986, 11/30 - 11/31.
- ²³⁶ Gignoux Ph. Noms propres..., 11/31.
- ²³⁷ См. Ямпольский З. И. Указ, соч. - ДАН Азерб. ССР, XI, 1955, 3.
- ²³⁸ См. Статьи Ямпольского З. И., Азерли, Т. Мусеви и др., названные в прим. 1.
- ²³⁹ Корень этот хорошо засвидетельствован как в иранских, так и других индоевропейских языках; ср. др.-инд. рау - «защитник», раі - «он охраняет, защищает», хеттск. раhs - «защищать», тохарск. А pas-, тохарск. В pask «охранять», др.- греческ. ποι(іf)ν «пастух», латинск. раіі «пасти», pastor «пастух», старославянск. pastі, литовск. ріemuо «пастух»; ср. в иранск.: авест. раіі «охраняет», хатано-сакс. ра-, согдийск. рау - среднеперс. padan, рау - «защищать, охранять, пасти», новоперсидск. рауdan к индоевроп. р^hаН/р^hоН(i). От этого корня происходит и распространенный новоперсидский топоформант - abaci, среднеперсидск. abad из древнеиранск. a-pata - «возделанный, защищенный, сохранный».
- ²⁴⁰ Следует отметить, что культ огня как активный обожествляемый элемент, стихия был присущ всем индоевропейским народам. «Огонь» как символ очищения становится основным предметом поклонения во всей индоевропейской древности.
- ²⁴¹ Распространенное в литературе мнение (см. хотя бы Гамкрелидзе Т. В. Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы, II. Тбилиси, 1984, с. 788) о том, что авестийск. atfravan - было обозначением жреца огня (ср. также др.- индийск. atharvan, ведическ. atharvana, относящийся к функции жреца и др.) справедливо подверг сомнению Э. Бенвенист (Benveniste E. Le vocabulaire des institutions indo-europeenes, I, Paris. 1969, p. 281 — 282), который отметил, что нигде в текстах Авесты (как и в древнеиндийск.) aifavan - не связан с культом огня.
- В индоевропейских языках для понятия «огонь» выступают отличные от иранского и более распространенные корни *nk'ni (ср. др.- индийск. Agni - «Огонь», «Бог Огня», латинск. ignis «огонь», «небесное светило», «молния», старослав. ogni русск. «огонь», латышск. uguns «огонь» и др.) и *p^hNHur- (ср. хеттск. pahhur «огонь», тохарск. А рог, тохарск. В ruwar, др.- греческ. πвр «огонь», Армянск. hur и др.).
- ²⁴² Дьяконов И. М., Лившиц В. А. Новые находки документов в старой Нисе: Переднеазиатский сборник. II. М., 1966, s. 152.
- ²⁴³ Там же.
- ²⁴⁴ Там же, с. 135 и др.
- ²⁴⁵ На это указал мне В. А. Лившиц, за что ему сердечно благодарен.
- ²⁴⁶ Henning W. B. Указ, соч., с. 62.
- ²⁴⁷ Там же.
- ²⁴⁸ См.: Yakut's geographisches Worterbuch., s. 159.
- ²⁴⁹ Ghirschman S. Quelques intailles du Musee de Calkutta a legende en Tokharien Pehlevi Arsacide et Pehlevi Sasanide. Archaeologica in Memoriam Ernest Herzfeld, N.-Y., 1952, XXI, 8, p. 114 - 115. Цитирую по ст.: Пугаченкова Г. А. Мервские геммы-инталии. - Труды ИТАКЭ, XII. Ahabad., 1963, с. 205.
- ²⁵⁰ La version greque ancienne du livre armenien d'Agathange par G. Lafontaine. Louvan-la Neuve, 1973, p. 324. Указание А. П. Новосельцева (письмо от 28.X.79), за что приношу ему свою благодарность.
- ²⁵¹ Письмо В. А. Лившица от 9.V.86.
- ²⁵² Считаю своим первейшим долгом благодарить В. А. Лившица, внимательно прочитавшего отрывок, где рассматривается этнология названия Азербайджан.
- ²⁵³ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. - МИА, 1961, 94. Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. - МИА, 1952, 28
- ²⁵⁴ Луцкий Б. В. Арабы. - СИЭ, I, с. 689. Я признателен моему другу Э. А. Грантовскому, обратившего мое внимание на процессы обрусения отдельных финно-угорских племен, на этнические процессы в Малой Азии и в Египте.
- ²⁵⁵ Процессы этнической ассимиляции детально рассматриваются Ю. В. Бромлеем в его «Этнос и этнография» и «Очерках теории этноса».

ГЛАВА 2

- ¹ Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, с. 100 - 101.
- ² Xen., Hellenica, I, 2, 19.
- ³ Возможно, они отпали ранее.
- ⁴ Xen., Hel, 11, 113.
- ⁵ См.: Arr. Anab., I; Xen. Hel, III, I, 1 - 2; Plut., AL, 3, сл.
- ⁶ См.: Дьяконов И. М. История Мидии. М. - Л., 1956, с. 441.

⁷ В этом восстании, возглавляемом сатрапом Каппадокии Датамом, участвовали сатрап Армении Оронт, один из малоазийских правителей Ариобарзан, египетский фараон, некоторые финикийские города, кикийцы, ликийцы и др., см.: Всемирная история, II. М., 1956, с. 208.

⁸ Всемирная история, II, с. 208.

⁹ Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 104.

¹⁰ Olmsted A. T. E. History of the Persian Empire. Chicago, 1948, p. 48.

¹¹ Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 104.

¹² См.: *Iust.*, X, 3.

¹³ Olmsted A. T. E. (Указ, соч., с. 48) считает, что евнух Багой, погубив Артаксеркса III, разрушил Ахеменидское государство. С этой точкой зрения едва ли можно согласиться.

¹⁴ Гегемония Филиппа II над Элладой была закреплена на знаменитом Коринфском конгрессе 338/7 г. до н.э., см.: Фролов Э. Д. Коринфский конгресс 338/7 г. до н.э. и объединение Эллады. - ВДИ, 1974, 1, с. 45, сл.

¹⁵ Ричард Фрай. Наследие Ирана. М., 1972, с. 178.

¹⁶ Там же. См. также: Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1984, с. 72, сл.

¹⁷ Об Александре Македонском, прозванном «Великим», существует огромная, почти неподдающаяся обзору литература. См. упомянутую капитальную монографию Ф. Шахермайра.

¹⁸ Отдавая должное полководческому искусству Александра, его государственному гению, советские ученые в отличие от многих западно-европейских исследователей, идеализировавших македонского царя, дают объективную характеристику деятельности этого величайшего полководца и выдающегося государственного деятеля древности, см., в частности, Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М., 1980.

¹⁹ См.: Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 139.

²⁰ См.: Шофман А. С. Идея мирового господства в завоевательных планах Александра Македонского. - ВДИ, 1969, 4, с. 96, сл. Совершенно неприемлемо мнение W. Tarras (Alexander the Great, I. Cambr., 1948, p. 120 - 122) о том, что Александр вообще не намеревался стать владыкой мира, а хотел лишь завоевать державу Ахеменидов.

²¹ Ковалев С. И. Александр Македонский. 1937, с. 44 - 45.

²² Вопрос о численности войск Александра и Дария III в специальной литературе решается по-разному, см.: Шофман А. С. Армия и военные преобразования Александра Македонского. - ВДИ, 1972, 1, с. 171, сл. См. также: Фрай Ричард. Указ, соч., с. 178 - 179.

²³ Arr. Anab., II, 7, 6.

²⁴ Нередко приходится встречаться с утверждением о том, что оба противника, как Дарий II, так и Александр, понимали решающий характер этой битвы. Хотя эти утверждения источниками своим имеют сообщения античных авторов, согласиться с ними не представляется возможным. Только после смерти Дария III, для современников стал ясен результат сражения при Гаугамеле как последней и решающей битвы, приведшей к гибели Ахеменидскую державу, см.: Кошеленко Г. А. Аристотель и Александр. - ВДИ, 1974, 1, с. 28.

²⁵ Подробно о гаугамельской битве см.: Griffith G. T. Alexander Generalship at Gaugamela. - JHS, 1947, 67, p. 77, сл.; Marsden E. W. The Campaign of Gaugamela. Liverpool, 1964.

²⁶ Дройзен И. История эллинизма, I. М., с. 188

²⁷ Tarn W. Alexander., I, p. 51.

²⁸ Herzfeld. Iran in the Ancient East. L.- N.- Y., 1941, p. 226; Borza E. N. Fire from Heaven: Alexander at Persepolis. Class. Philol., 67, 1972, p. 223, сл.; Мортимер Уилер. Пламя над Персеполем М., 1972, 14, сл.

²⁹ Arr. Anab., III, 8, 4. Еще до битвы Атропат командовал конной разведкой Дария III см. Curt., V, 9.

³⁰ Arr. Anab., III, 8, 4.

³¹ Под *συνηταττονο* Арриана следует, по-видимому, разуместь не что иное, как какие-то союзнические отношения, см.: Дьяконов И. М. Указ, соч., с. 444, прим. 1, с. 447.

У нас нет оснований считать, что албаны участвовали в мидийском войске «в качестве наемников» (см.: Бартольд В. В. Сочинения, II, 1. М., 1963, с. 658). Нет также основания, полагать, что «*συνηταττονο* может... обозначать не вхождение этих трех народностей (т. е. кадусиев, албан и сакасинов. - И. А.) в состав мидийского войска, а соединение их вместе с соседями мидянами в одну большую войсковую единицу» (см.: Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л., 1959, с. 53 - 54). Ср. высказывание И. М. Дьяконова на с. 448 - 449, 451 - 452 его «История Мидии». Что касается сакесин, то они почти, несомненно, входили в состав Мидии, см. ниже, прим. 34.

³² Кадусии, по-видимому, входили в состав XI сатрапии.

³³ Албаны, возможно, то же, что и утии древних авторов. Дело в том, что сама армянская традиция отождествляет исторических албан с современными удирами (см.: Климов Г. А. К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности. - ВЯ, 1967, 3, с. 69). Современные удины - это почти несомненно потомки древних утиев-отенов (см.: Шанидзе А. Г. Язык и письмо кавказских албанцев. - ВООИ АН Груз. ССР, 1960, № 1, с. 189). Названия «албаны» и «утии» и позднее употреблялись как синонимичные (см. там же). Во всяком случае в этноязыковой близости албан и утиев сомневаться не приходится.

³⁴ Сакесины, по-видимому, были известны источнику Геродота (см. Геродот, III, 92), восходящему, как полагают, к VI в. до н.э. (об источниках Геродота см.: Дьяконов И. М. Указ, соч., с. 40, сл.), под названием *ορθοκορθβαῖοι* [Хорошо известно, что «ортокорбинатии» являются переводом древнеперсидского *tigrahauda*, а последнее - это эпитет одной из групп сакских племен. Следовательно, «ортокорбинатии» означает [саки] «острошапочные» («с

остроконечными шапками»), см.: Kiesling A. Zur Geschichte der ersten Regierung Darius Hystaspes. Leipzig, - 1900, s. 17; см. также RE, s. v. Orthokorybantier (статья J. Junge). Между прочим, в зоне Мингечаура обнаружена печать, на которой изображен воин-сак в остроконечной шапке, которые вместе с париканиями [Грантовский Э. А. (Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, стр. 281 - 282) вопреки распространенному мнению, восходящему к Geiger'у W. (см. его Ostiranische Kultur im Altertum, 1982, с. 81 и др.) полагает, что παρικανιοι не является названием, данным иранцами неиранским народам Иранского плато и что parika и другие слова этого круга «употреблялись в дозороастрийский период (а часто и позднее) в положительных значениях и, в частности, как определения почитателей определенных божеств, как личные имена и т. д.». С его точки зрения, так следует понимать и этнические названия, в основе которых лежит др.-иранск. Parikana], являвшимися, возможно, жителями Манной (см.: Дьяконов И. М. Указ, соч., с. 338), входили в состав Мидийской сатрапии и жили, как кажется, в Приурмийском районе (см.: Дьяконов И. М. Указ, соч., с. 249, 338; Алиев Играр. История Мидии, с. 103, 203, прим. 5). Но имя саков упоминается и в тексте середины VII в. до н.э. и поставлено оно в связь с киммерийским вождем Тугдамми, названного царем Страны саков и Гутиума [см.: Thompson R. C. The British Museum Excavation at Nineveh, 1931 — 1932, AAA, XXX, 1933, 88, 146. См. также: Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968, с. 221, прим. 22 (со ссылкой на Junge J. Saka Studien. Leipzig, 1939, с. 7); Хаим Тадмор. Три последние десятилетия Ассирии (резюме). Труды двадцать пятого Международного конгресса востоковедов, 1. Москва, 1962, с. 241]. Эти саки, упомянутые рядом с Гутиумом [Гутиум в ассирийских текстах интересующего нас времени - это, по-видимому, Манна, см.: Дьяконов И. М. Указ, соч., с. 60], должны быть локализованы, по-видимому, где-то в областях, расположенных севернее или северо-восточнее Ассирии, частично, возможно, в Манне, а также по соседству с нею. Несомненно, саки VII в. до н.э. - это те же самые орто-корибантии VI - V вв. до н.э. и сакесины IV в. до н.э. - первых веков н.э. Последних наши источники локализуют уже на более ограниченной территории (см. Атлас Армянской ССР. Ереван - Москва, 1961, с. 103) в Сакасене (Страбон, XI, 8, 4 и др.) вне всякого сомнения восходит к иранск. saka-saana, т. е. «обитаемая земля саков»] - Шакашен армянских авторов.

³⁵ См.: Curt., V, 7, 2; V, 8, 2; Arr. Anab., III, 19, 3; Plut., Alex., 42; Diod., XVII, 64, 1; XVII, 64, 5; XVII, 73, 2.

³⁶ Curt., V, 8, 3 - 4.

³⁷ Arr. Anab., III, 19, 3.

³⁸ Там же, 8, 19, 2.

³⁹ Там же, III, 20, 3. По Арриану это был перс Оксодат. Вскоре он был смещен Александром и на его место был назначен некто Арсак, см. Curt., XIII, 3.

⁴⁰ Arr. Anab., III, 19, 3.

⁴¹ Возможно, Дарий III готов был сдаться Александру (см.: Ричард Фрай, Указ, соч., с. 180). Это, очевидно, послужило причиной мятежа в ахеменидском лагере и гибели царя царей. Сатрап Бактрии Бесс, возглавивший, по-видимому, мятеж, принял тронное имя Артаксеркса. Позднее он возглавил антимакедонскую борьбу в восточных провинциях, но вскоре был схвачен и казнен в 329 г. до н.э. в Экбатанах.

⁴² См.: Дьяконов И. М. Указ, соч., с. 444.

⁴³ Arr. Anab., IV, 18, 3.

⁴⁴ См.: Дьяконов И. М. Указ, соч., с. 146.

⁴⁵ Эти вопросы хорошо освещены в советских работах, см.: Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана, с. 147, сл.; История таджикского народа, I, М., 1963, с. 236, сл.; Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972, с. 88, сл. и многие другие.

⁴⁶ См.: Фрай Ричард. Указ, соч., с. 168. Характерен подзаголовок («Поворотный пункт истории») книги Мортимера Уилера - Пламя над Персеполем (М., 1972).

⁴⁷ Фрай Ричард. Указ, соч., с. 177.

⁴⁸ Это не подлежит сомнению.

⁴⁹ См.: Труды Двадцать пятого Международного конгресса востоковедов, I, М., 1962; Тирация Г. А. Урартская цивилизация и Ахеменидский Иран. - Историко-филологический журнал. 1964, 2; Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. М., 1968, с. 50; Гафуров Б. Г. К 2500-летию Иранского государства. — В кн.: История Иранского государства и культуры. М., 1971, с. 19 - 20.

⁵⁰ См.: Тураев С. А. История Древнего Востока, II, Л., 1935, с. 150; Фрай Ричард. Указ, соч., с. 135, сл.

⁵¹ См.: Гафуров Б. Г. К 2500-летию Иранского государства, с. 11; Дандамаев М. А. Ахеменидское государство и его значение в истории Древнего Востока. - В кн.: История Иранского государства и культуры. М., 1971, с. 99.

⁵² См.: Гафуров Б. Г. К 2500-летию Иранского государства, с. 11; см. также фундаментальное исследование: Дандамаев М. А. Рабство в Вавилонии. М., 1974.

⁵³ Дандамаев М. А. Ахеменидское государство..., с. 99.

⁵⁴ См.: Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана, с. 106 - 108.

⁵⁵ Гафуров Б. Г. К 2500-летию Иранского государства, с. 11; Дандамаев М. А. Ахеменидское государство..., с. 101.

⁵⁶ По Геродоту (III, 92), это десятый округ.

⁵⁷ Геродот, III, 92.

⁵⁸ Геродот, III, 93. Это четырнадцатый округ.

⁵⁹ Фрай Ричард. Указ, соч., с. 144 - 145.

⁶⁰ Дандамаев М. А. Ахеменидское государство..., с. 102.

- ⁶¹ Фрай Ричард. Указ, соч., с. 154.
- ⁶² Дандамаев М. А. Ахеменидское государство..., с. 102.
- ⁶³ Фрай Ричард. Указ, соч., с. 173.
- ⁶⁴ Там же, с. 172.
- ⁶⁵ См.: Дандамаев М. А. Ахеменидское государство..., с. 103. Чрезвычайно интересные мысли см. в трудах: La Persia e il mondo greco-romano. Roma, 1966; West M. L. Early Greek Philosophy and the Orient. Oxford, 1971 и др.
- ⁶⁶ См. ценную обзорную статью: Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. - В кн.: История Иранского государства и культуры, с. 109 - 110.
- ⁶⁷ См.: Тураев Б. А. История Древнего Востока, II, с. 150 - 151; Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана, с. 121, сл.
- ⁶⁸ См.: Фрай Ричард. Указ, соч., с. 161, сл.
- ⁶⁹ См.: Дандамаев М. А. Ахеменидское государство..., с. 103.
- ⁷⁰ О значении ахеменидского периода см.: Гафуров Б. Г. К 2500-летию Иранского государства, с. 5, сл.; он же. Таджики..., с. 86 - 87; Дандамаев М. А. Ахеменидское государство..., с. 94, сл.; Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана, с. 351. См. также: Фрай Р. Указ, соч., с. 172, сл.
- ⁷¹ Об ахеменидских традициях в области государственного управления, законодательных актов, религии, искусства и культуры, а также о связи с культурами других народов см. оригинальное исследование: Culican W. The Medes and Persians. London, 1965.
- ⁷² Гафуров Б. Г. К 2500-летию Иранского государства 5, 19, 32 и др.
- ⁷³ Там же. См. также: Гафуров Б. Г. О связях Средней Азии и Ирана в ахеменидский период (VI - IV вв. до н.э.), Academia Nazionale dei Linzei, CCC LXIII, № 76, Roma, 1966; Б. Я. Ставиский. Средняя Азия и Ахеменидский Иран. - В кн.: История Иранского государства и культуры, с. 155, сл.
- ⁷⁴ Там же. О важной роли степной территории в этно-культурном аспекте, см.: Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии, passim. См. также мою рецензию на эту книгу в ВДИ, 1973.
- ⁷⁵ Гафуров Б. Г. Указ. соч. - В кн.: История Иранского государства и культуры, с. 5.
- ⁷⁶ Там же, с. 32. О важном значении иранских традиций в Грузии см.: Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 269, сл. Об иранских традициях в Армении см. Фрай Ричард. Указ, соч., с. 179.
- ⁷⁷ В отношении Каппадокии см.: Фрай Ричард. Указ, соч., с. 174 - 175.
- ⁷⁸ См.: Нариманов И. Г. Находка баз колонн V - IV вв. до н.э. в Азербайджане. - СА, 1960, 4; Тирацян Г. А. Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V - IV вв. до н.э. - СА, 1964, 3; Иессен А. А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи - МИЛ, 1965, 125, с. 31; Исмизаде О. Ш. Раскопки холма Каратепе в Мильской степи (1954 - 1958 гг.). Там же, с. 217; Бабаев И. А., Гусейнова Н. С. Влияние иранской культуры ахеменидского времени на материальную культуру древнего Азербайджана. VIII Всесоюзная конференция по Древнему Востоку, посвященная памяти академика В. В. Струве. М., 1979, с. 12 - 13.
- ⁷⁹ Гафуров Б. Г. К 2500-летию Иранского государства, с. 32.

ГЛАВА 3

- ¹ Gutschmid A. Geschichte Irans. Tübingen, 1888, s. 6.
- ² Arr., Anab., III, 8, 4.
- ³ Curt., IV, 9, 20 - 25. Атропат здесь назван Satropates, что, по-видимому, является опиской, см.: Дьяконов И. М. История Мидии, с. 444.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Геродот, III, 92.
- ⁶ Arr., Anab., III, 8, 4.
- ⁷ См.: Дьяконов И. М. История Мидии, с. 444.
- ⁸ Геродот, III, 92.
- ⁹ Дьяконов И. М. История Мидии, с. 337 - 338, прим. 5.
- ¹⁰ Tarn W. W. Alexander the Great, II. Cambridge, 1950, p. 13.
- ¹¹ То, что прежде называлось «Землей кадусиев» у Плиния (Nat. Hist., VI, 18), называлось и «Землей каспиев».
- ¹² См.: Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 51.
- ¹³ Геродот, III, 92.
- ¹⁴ См.: Грантовский Э. А. Сагартии и XIV округ государства Ахеменидов по списку Геродота (III, 93). КСИНА, XLVI, 1962.
- ¹⁵ См.: Дьяконов И. М. История Мидии, с. 448.
- ¹⁶ См.: Новосельцев А. П. К вопросу о македонском владычестве в древней Грузии: Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения академика И. А. Джавахишвили. Тбилиси, 1976, с. 107.
- ¹⁷ См.: Spiegel F. Iranische Alterthumskunde. Leipzig, II, 1873, s. 245; Дьяконов И. М. Рец. на кн. Меликишвили Г. А. Урарту. Тбилиси, 1951. - ВДИ, 1954, 3, с. 93.
- ¹⁸ См.: Дьяконов И. М. История Мидии, с. 339.
- ¹⁹ Новосельцев А. П. Указ, соч., с. 107.

- ²⁰ См.: Дьяконов И. М. Рабовладельческие имения персидских вельмож. - ВДИ, 1959, 4, с. 75, 76, 91.
- ²¹ Henning W. B. *Mitteliranisch. Handbuch der Orientalistik, I, IV. Iranistik, I, Linguistik*, s. 39.
- ²² Это статьи З. И. Ямпольского, см., в частности, его статью: Об Атропате — современнике Александра Македонского. — ВДИ, 1974, 2.
- ²³ Общую оценку этого контекста см.: История Древнего Мира, кн. 2. М., 1982, с. 413.
- ²⁴ См.: Агг., *Anab.*, III, 20, 3.
- ²⁵ Страбон, XI, XIII, I.
- ²⁶ Агг., *Anab.*, IV, 18, 3.
- ²⁷ Дьяконов И. М. История Мидии, с. 444, 445, 450.
- ²⁸ См.: Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток, с. 212 - 214; Шахермайр Ф. Александр Македонский, с. 184 - 187.
- ²⁹ Шахермайр Ф. Указ, соч., с. 187.
- ³⁰ См.: История Ирана. М., 1977, с. 80 - 81; Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Указ, соч., с. 325.
- ³¹ См.: Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Указ соч., с. 324.
- ³² Там же.
- ³³ Шахермайр Ф. Указ, соч., с. 307.
- ³⁴ См.: Алиев Играр. История Мидии, с. 15, прим. 4.
- ³⁵ Об этом сообщает летописец Александра Македонского Харес Митиленский. Отрывки из него сохранились у Афиней (XII, 538) и Элиана (VIII, 7). См. также: Гарн В. Эллинистическая цивилизация, с. 264; Шахермайр Ф. Указ, соч., с. 294.
- ³⁶ Шахермайр Ф. Указ, соч., с. 293, 294.
- ³⁷ Там же, с. 293.
- ³⁸ Там же, с. 295.
- ³⁹ См.: Агг., *Anab.*, VII, 4, 4 - 8; Diod, XVII, 107, 6; Plut., *Alex.*, 70; Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Указ, соч., с. 325 - 326.
- ⁴⁰ См.: Curt., X, 1, 39; Шахермайр Ф. Указ, соч., с. 295, сл.; Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Указ, соч., с. 321.
- ⁴¹ Агг., *Anab.*, VI, 293.
- ⁴² Plut., *Alex.*, 72.
- ⁴³ Шахермайр Ф. Указ, соч., с. 289.
- ⁴⁴ Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Указ, соч., с. 332
- ⁴⁵ Schippmann K. *Grundzuge der partischen Geschichte*. Darmstadt, 1980, s. 92.
- ⁴⁶ Diod, XVII, 100, 5 - 6; ср. Агг., *Anab.*, VII, 13, 1, 72.
- ⁴⁷ Агг., *Anab.*, VII, 14, 1.
- ⁴⁸ Там же, VII, 14, 1; Plut., *Alex.*, 72.
- ⁴⁹ Агг., *Anab.*, VII, 13, 2.
- ⁵⁰ Страбон, XI, V, I.
- ⁵¹ Plut., *Alex.*, 72; Mod., XVII, III, 6.
- ⁵² Агг., *Anab.*, VII, 15, 3 - 4; Шахермайр Ф. Указ, соч., с. 308, сл.
- ⁵³ Существуют несколько версий о смерти Александра. Одни полагают, что он умер от малярии или воспаления легких, другие считают, что смерть была вызвана лейкемией (белокровием), третьи утверждают, что Александр был отравлен. О различных взглядах на причину смерти македонского завоевателя есть специальная работа А. В. Bosworth. *Cl, Qu.*, 1971, № 65, с. 112, сл., оставшаяся мне недоступной, см.: Шахермайр Ф. Указ, соч., с. 346, 364.
- ⁵⁴ Дьяконов И. М. Указ, соч., с. 451 - 452.
- ⁵⁵ Там же, с. 452.
- ⁵⁶ Henning W. B. *Coriander. Asia Mayor*, N. S., 10, 1963, p. 197; I. Gershevitch. *Dialect variation in Early Persian*. TPS, 1964, p. 10; Mayrhofer. *Die Rekonstruktion des Medischen*. Anzeiger der Phil-Hist. Klasse der Osterreichischen Akademie der Wissen-schaft. Wien 1968, s. 13.
- ⁵⁷ Schippmann K. *Die Iranische Feuerheiligtumer*. B.-N.-Y., 1971, s. 346 - 347; Klfis W. *Qaleh Zobak in Azerbaijan*. AMI, N. P., 6, 1973, p. 186; Minorsky V. *Iranica. Twenty articles*. L./T., 1964, p. 1964, сл.; Frye R. N. *The History of fAncient Iran*. Munchen, 1983, p. 163.
- ⁵⁸ См. хотя бы Периханян А. Г. Арамейская надпись из Зангезура. - Историко-филологический журнал, 1965, 4, с. 107, сл. Там же указана специальная литература.
- ⁵⁹ Аммиан Марцеллин, XXIII, 6, 32.

ГЛАВА 4

- ¹ Зельин К. К., Трофимова М. К. *Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода*. М., 1969, с. 667.
- ² Rostovtzeff M. *The social and economic history of the Hellenistic world*, 1, Oxford, p. 129 - 130.
- ³ История Ирана. М., 1977, с. 82.
- ⁴ Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М., 1980 с. 387.

- ⁵ См.: Дройзен И. История эллинизма, 1, с. 339; Тарн В. Эллинистическая цивилизация, с. 218.
- ⁶ Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Указ, соч., с. 335.
- ⁷ Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль, с. 77.
- ⁸ Gutschid A. Geschichte Iran und seiner Nachbarlander von Alexander dem Grossen bis zum untergang Arsaciden. Tubingen, 1888, s. 67.
- ⁹ Шахермайр Ф. Указ, соч., с. 349.
- ¹⁰ Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Указ, соч., с. 347.
- ¹¹ Там же.
- ¹² См.: Шахермайр Ф. Указ, соч., с. 356.
- ¹³ См.: Diod., XVIII, 2; Юстин, XIII, 4, 17.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. См. также Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Указ, соч., с. 348.
- ¹⁶ Кошеленко Г. А. Восстание греков в Британии и Согдиане, с. 62, сл.
- ¹⁷ Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Указ, соч., с. 345.
- ¹⁸ Дьяконов М. М. Очерки истории древнего Ирана, с. 162.
- ¹⁹ Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Указ, соч., с. 358.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 163.
- ²³ О Селевкидской эре см.: Neugebauer O. Hiltstafeln zur technischen Chronologie Kiel, 1937.
- ²⁴ Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 163 - 164.
- ²⁵ Дьяконов И. М. Указ, соч., с. 450; Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М., 1966, с. 49.
- ²⁶ Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979, с. 135.
- ²⁷ Polyb., X, 27.
- ²⁸ Amm. Marc., XXIII, 6, 31.
- ²⁹ Кошеленко Г. А. Греческий полис... с. 135.
- ³⁰ См. ниже.
- ³¹ Minns E. H. Parchments of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan JHS, XXXV (1915), p. 22, сл.
- ³² См. Страбон.
- ³³ Hennig W. B. Corinder. Asia Mayor, N. S., 10, 2, 1963, p. 197; Gerschevitch I. Dialect variation in Early Persian. TPS, 1964, p. 10; Mayrhofer M. Die Rekonstruktion des Medischen. Anzeiger der Phil. - hist. Klasse der Wissenschaft. Wien, 1968, s. 13; Benveniste E. Le nom de la ville de Ghazna. JA, 226, 1935, p. 141 - 143.
- ³⁴ Город этот упоминает ряд античных авторов, в частности, Плутарх, Птолемей, Дион Кассий, в связи с событиями I в. до н.э.
- ³⁵ Dio., 29, 25, 3.
- ³⁶ Ptol., VI, 2.
- ³⁷ Plut., Ateх., 38, 2; 39, 6; 50, 1.
- ³⁸ Это точка зрения И. Маркварта.
- ³⁹ Ptol., VI, 2.
- ⁴⁰ См.: RE, 1, стлб. 731-733. См. также: Kleins W. Qal'eh Zohak in Azerbaijan. - AMI, N. F., 1973, 6, p. 183.
- ⁴¹ См. ниже.
- ⁴² См. ниже.
- ⁴³ Страбон, XI, XIII, 1.
- ⁴⁴ См. Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Указ, соч., с. 369; История Ирана, М., 1977, с. 82; Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 163.
- ⁴⁵ Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 165.
- ⁴⁶ История Ирана, с. 96. См. также: Дьяконов И. М. Указ, соч., с. 174 - 175.
- ⁴⁷ Об этом см.: Debevoise N. S. A Political History of Parthia. Chicago, 1938; Wolski I. Arsaces I, fondateur de l'etat Parthe. EOS, 38 - 39, 1937 - 1938; он же. L'effondrement de la domination des Seleucides en Iran au III-e siecle av. J. Bullet. Internal, de l'Academie Polonaise de Sciences et Lettres. Classe de Phil., d'hist et de philos., 5, Cracovie, 1947, с. 13, сл.; он же. Zusammenbruch der Seleuciden herrschaft im Iran in 3 Jahrhundert v. Chr. Der Hellenismus in Mittelasien. Darmstadt, 1969, s. 188, сл.; Массон В. М. К вопросу о времени возникновения Парфянского государства. - И АН СССР. Сер. общ. наук, 1962, 5, Кошеленко Г. А. Некоторые вопросы истории ранней Парфии.— ВДИ, 1968, 1; он же. Генеалогия первых Аршакидов: История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
- ⁴⁸ С.: Агг. VII, 16, 1; Страбон, XI, 7, 3; См. также: Neumann K. J. Die Fahrt des Patrokles auf dem kaspischen Meere und der alte lauf des Oxos. Hermes, XIX, 2. 1884; Gisinger F. Πατρούλης, PWK, p. 22 - 66.
- ⁴⁹ См.: Тарн В. Эллинистическая цивилизация, с. 218.
- ⁵⁰ Polyb., V, 55.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 39, 40, 118 и др.
- ⁵³ См.: Периханян А. Г. Арамейская надпись из Зангезура. - ИФЖ, 1965, 4, с. 109.
- ⁵⁴ Там же.

- ⁵⁵ Там же, с. 110.
- ⁵⁶ Там же, с. 109.
- ⁵⁷ Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 179.
- ⁵⁸ О восстании Молона см.: Polyb., V, 40, сл. См. также: История Ирана, с. 86; Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 176.
- ⁵⁹ См.: Polyb., V, 40, сл.; Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 176.
- ⁶⁰ Polyb., V, 55.
- ⁶¹ См.: Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 176 - 177.
- ⁶² История Ирана, с. 86.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Юстин, X, 1, 5, 7.
- ⁶⁵ Polyb., XI, 34.
- ⁶⁶ См.: Gutschmid A. Geschichte Irans..., с. 28, 29; История Ирана, с. 86; Polyb., XI, 34.
- ⁶⁷ История Ирана, с. 86.
- ⁶⁸ Ghirschman R. Iran From the earliest times to the islamic conquest. Harmonds worth, 1954, p. 254; Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 183.
- ⁶⁹ Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 182 - 183; История Ирана, с. 87.
- ⁷⁰ История Ирана, с. 87.
- ⁷¹ Allote de la Fuye. Les mounaies de l'Elymaide. - MDP, VIII, 1905; Henning W. B. The Inscriptions and Monuments of Tang-i Sarvak. Asia Mayor, 1952.
- ⁷² Weissbach F. Characene. RE; Newell E. Mithradates of Parthia and Hyspaosines of Characene. - NNM, 26, 1925.
- ⁷³ Allote de la Fuye. Etudes sur la numismatique de la Perside JA, 1906, o. 577; Herzfeld E. Archeological History of Iran. London, 1935, p. 47; История Ирана, с. 87, Кошеленко Г. А. Культура Парфии, с. 61, сл.
- ⁷⁴ История древнего мира, II, с. 413, сл.
- ⁷⁵ Периханян А. Г. Указ, соч. - ИФЖ, 1965, 4, с. 109.
- ⁷⁶ История древнего мира, II, с. 414.
- ⁷⁷ Кошеленко Г. А. Указ, соч., с. 50.
- ⁷⁸ История Ирана, с. 87.
- ⁷⁹ Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 183.
- ⁸⁰ Страбон, XI, XIV, 5.
- ⁸¹ Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 184.
- ⁸² Debevoise N. S. (A Political History..., p. 21) относил это событие к 161 - 155 гг. до н.э. Недавно эта дата была уточнена, см. Robert L. рец. на: Samothrace Excavations conducted by the Institute of Fine Arts. New York, ed. Lehman K., vol. 2, p. 1. The Inscriptions on the Stone by Frazer P. M., New York, 1960. Gnomon, 35, 1963, p. 76.
- ⁸³ История Ирана, с. 90.
- ⁸⁴ Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 184.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ См.: Markwart J. Erânsšahr..., s. 109. См. также у Кошеленко Г. А. Культура Парфии, с. 56.
- ⁸⁷ Herzfeld E. Medisch und Parthisch. AMI, VII, 1935.
- ⁸⁸ RE. Strabon, стлб. 90; Aly W. Strabon von Amasea. Munchen, 1960, s. 20.
- ⁸⁹ Страбон, XI, XIII, I.
- ⁹⁰ Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 184.
- ⁹¹ Там же, с. 185; История Ирана, с. 91.
- ⁹² Just., XXXVIII, 10. См. также: Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 185 - 186; История Ирана, с. 91 - 92.
- ⁹³ Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 186.
- ⁹⁴ История Ирана, с. 32 - 93; Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 190, сл.
- ⁹⁵ История Ирана, с. 92.
- ⁹⁶ Манандян Я. А. Тигран II и Рим. Ереван, 1943, с. 12.
- ⁹⁷ История Ирана, с. 88.
- ⁹⁸ Там же, с. 88.
- ⁹⁹ Наиболее удачная концепция эллинизма в советской литературе выработана К. К. Зельным, см. его Некоторые основные проблемы истории эллинизма. - СА, XXII, 1953; Основные черты эллинизма. - ВДИ, 1953, 4.
- ¹⁰⁰ Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Указ, соч., с. 391.
- ¹⁰¹ История Ирана, с. 88.

ГЛАВА 5

- ¹ Бокшанин А. Г. Парфия и Рим. II, М., 1966; Schippmann. Gmndzuge der parthischen Geschichte. Darmstadt, 1980, s. 90, III.
- ² См.: Debevoise. A Political History of Parthia. Chicago, 1938, p. 42.
- ³ История Ирана, с. 94.
- ⁴ См. ниже.
- ⁵ См.: Бокшанин А. Г. Указ, соч., с. 22, сл. Там же указана литература.

- ⁶ Plut., Sulla, 5; App., Mithr., 75; Flor., 70.
- ⁷ Plut., Sulla, 5. См. также: Dobias J. Les premiers rapports des Romains avec les Parthes. AO, III, 1931, с. 215, сл. О взаимоотношениях парфян с римлянами в ту пору см. также: Ziegler K. H. Die Beziehungen zwischen Rom und dem Partherreich. Ein Beitrag zur Geschichte des Völkerrecht, Wiesbaden, 1964.
- ⁸ Подзаголовки упомянутой книги Бокшанина таковы: «Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии» (часть I) и «Система политического дуализма в Передней Азии» (часть II). См. также Историю Ирана, с. 93.
- ⁹ См.: Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972, с. 254.
- ¹⁰ См. предыдущую главу.
- ¹¹ Бокшанин А. Г. Указ, соч., с. 21.
- ¹² Об эллинистических центрах см. прекрасное исследование Э. Бикермана - Государство Селевкидов. М., 1985.
- ¹³ Бокшанин А. Г. Указ, соч., с. 256; II, с. 123.
- ¹⁴ История Ирана, с. 94.
- ¹⁵ Бокшанин А. Г. Указ, соч., с. 300.
- ¹⁶ Sail., Hist., IV, 69.
- ¹⁷ Бокшанин А. Г. Указ, соч., II, с. 298.
- ¹⁸ Фрай Р. Указ, соч., с. 201.
- ¹⁹ Там же, с. 244; Schippmann. Указ, соч., с. 76.
- ²⁰ Бокшанин А. Г. Указ, соч., I, с. 250.
- ²¹ Фрай Р. Указ, соч., с. 209.
- ²² Фрай Р. Указ, соч., с. 209 со ссылкой на исследования Rostovzeffa M. I.
- ²³ Там же, с. 242.
- ²⁴ Там же, с. 204, 210.
- ²⁵ См.: Boyce M. Some remarks on the transmission of the Kayanian heroic cycle. Serta Cantabrigensia, Wiesbaden, 1954, p. 49, сл.; она же. The Parthian 'gosan' and Iranian minstrel tradition. JRAS, 1957, p. 10.
- ²⁶ Фрай Р. Указ, соч., с. 209.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Бокшанин А. Г. Указ, соч., II, с. 21.
- ²⁹ Там же, с. 132; Фрай Р. Указ, соч., с. 205; Дьяконов М. М. Очерки истории Ирана. М., 1961, с. 204; Gutschmid A. Geschichte Iran und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen, 1888, s. 138, сл.; Charlesworth M. P. Trade Routes and Commerce of Roman Empire, p. 98.
- ³⁰ См. работы, указанные в предыдущем примечании. Ср. Schippmann. Указ, соч., с. 91 - 92.
- ³¹ См. работы, названные в примечании 29.
- ³² Schippmann. Указ, соч., с. 92.
- ³³ История древнего мира. Расцвет древних обществ. М., 1982, с. 377.
- ³⁴ Там же, с. 378.
- ³⁵ Фрай Р. Указ, соч., с. 209 - 210.
- ³⁶ См.: G. Le Rider. Monnaies de Characene. Syria, XXXVII, 1959, s. 251, сл. См. также: Kahrstedt U. Artabanus III und seine Erben. Bern, 1950, s. 53; Newell E. T. Mithridates of Parthia and Hyspaosines of Characene, p. 11, сл.
- ³⁷ Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 190.
- ³⁸ Алиев И., Османов Ф. Л. Ваночные погребения Кавказской Албании и вопрос о культурных связях населения Юго-Восточного Закавказья с парфянским миром: III Всесоюзная конференция «Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен»: Тезисы докладов. М., 1979, с. 12.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же, с. 11 - 12.
- ⁴¹ См.: Kleiss W. Qal'eh Zohak in Azerbaijan. - AMI, N, F., 1973, 6, с. 163, сл.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ См. ниже, с. 160.
- ⁴⁴ См.: ВДИ, 1975, 2, с. 74.
- ⁴⁵ См.: Minns E. H. Parchment of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan. - JHS, XXXV, 1935; Cowley A. A. Pahlavi Document From Avroman; JRAS, 1919, p. 147, сл.; Herzfeld E. Paikuli, I, Berlin, 1924, p. 83; Nyberg H. S. The Pahlavi Document From Avroman, MO, XVII, 1924.
- ⁴⁶ Дьяконов И. М. История Мидии, с. 441.
- ⁴⁷ См.: Bidez J., Cumont F. Les mages hellénisés. Zoroastre, Ostanès et Hystaspès, I - II. Paris, 1938.
- ⁴⁸ См.: Алиев Иггар. История Мидии, с. 14 сл. См. также: Дьяконов И. М. История Мидии, с. 377, прим. 4; Dhabhar B. N. The Pahlavi Rivayat, accompanying the Dagistan - i Dinik. Bombay, 1913, p. 137. сводку данных и анализ см.: Gnoti G. Zoroaster's time and homeland. Naples, 1980.
- ⁴⁹ См. ниже, с. 163.
- ⁵⁰ R. und E. Naumann. Takht-i Suleiman. München, 1976.
- ⁵¹ См.: Касумова С. Ю. Южный Азербайджан в III - VII вв. Баку, 1983, с. 113, где приводится материал Мас'уди, мне в настоящее время недоступный.
- ⁵² См.: Wikander S. Feuerpriester in Kleinasien und Iran. Lund, 1944, s. 140!

- ⁵³ Цитирую по: Фрай Р. Указ, соч., с. 274.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Henning W. B. An astronomical chapter of the Bundahishn. JRAS, 1942, с. 235.
- ⁵⁶ О Видевдаде см.: Christensen A. Le premier chapitre du Vendidad et l'histoire primitive des tribus iraniennes. Kobenhavn, 1943; он же. Essai sur la demonologie iranienne. Kobenhavn, 1941; Benveniste E. Que signifie Videvdat? W. B. Henning memorial volum. London, 1970; Eddy S. K. The kings is Dead. Lincoln, 1981.
- ⁵⁷ Nyberg H. S. Die Religionen des alten Iran, s. 329, сл.; Eddy S. K. Указ. соч.
- ⁵⁸ Фрай Р. Наследие Ирана, с. 55.
- ⁵⁹ Benveniste. Que signifie Videvdat?
- ⁶⁰ История древнего мира, с. 414; Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 192.
- ⁶¹ История древнего мира, с. 414.
- ⁶² Там же, с. 415.
- ⁶³ Страбон, XI, XIV, 15.
- ⁶⁴ Там же, XI, XIII, 2.
- ⁶⁵ Marquart J. Eransahr nach der Geographic des Ps. Moses Xorenaç'i. Berlin, 1901, s. 109.
- ⁶⁶ Dio., XXXVI, 14.
- ⁶⁷ Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 192.
- ⁶⁸ Plut. Sulla, 5; Манандян Я. А. Тигран II и Рим. Ереван, 1943, с. 31.
- ⁶⁹ Plut. Sulla, 5; App. Mithrid., 75; Florus, 70. См. также: Ziegler. Указ, соч., с. 22, сл.
- ⁷⁰ История Ирана, с. 93; Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 193.
- ⁷¹ Манандян Я. А. Указ, соч., с. 47.
- ⁷² Страбон, XI, XIV, 15.
- ⁷³ Там же, XI, XIII, 2.
- ⁷⁴ Манандян Я. А. Указ, соч., с. 47 - 48.
- ⁷⁵ См.: Marquart J. Указ, соч., с. 109.
- ⁷⁶ Манандян Я. А. Указ соч., с. 47.
- ⁷⁷ Страбон, XI, XIV, 15.
- ⁷⁸ Debevoise. Указ, соч., с. 51.
- ⁷⁹ Манандян Я. А. Указ, соч., с. 143.
- ⁸⁰ Там же, с. 48.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Страбон, XI, XIV, 15.
- ⁸³ Там же, XVI, 1, 19.
- ⁸⁴ Isid. Char. Mans. Parth. 6.
- ⁸⁵ См.: Манасерян Р. Л. Процесс образования державы Тиграна II. - ВДИ, 1982, 2, с. 122, сл.
- ⁸⁶ Там же, с. 131.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же, с. 122, сл.
- ⁸⁹ На это указывали еще старые авторы, см. в указ, работе Манандяна Я. А. Указ, соч., с. 80, 81, 91 и др. В новейших трудах армянских ученых Тигран и его действия нередко идеализируются, см. хотя бы Манасерян Р. Л. Процесс образования державы Тиграна II. - ВДИ, 1982, 2, с. 122; см. его же: Держава Тиграна II и его борьба против экспансии Рима и Парфии. Автореф. канд. дисс. Ереван, 1982.
- ⁹⁰ См.: Моммзен Т. История Рима, III, 1941, с. 60 - 61. Существует старая, но еще не потерявшая своего значения работа Reinach. Mithridate Eurator roi de Pont. Paris, 1890.
- ⁹¹ Plut., Luc., XXVI, 6.
- ⁹² В частности, Манандян Я. А. Указ, соч., с. 112. Вздорная точка зрения о том, что царь Атропатены был вассалом Тиграна II и даже бегал за его колесницей была в свое время высказана А. Gutschmid'ом в его Geschichte Iran., s. 85. На невероятность ее указал уже Н. Адонц, в своей «Армении в Эпоху Юстиниана» (СПб., 1908, с. 411, прим. I).
- ⁹³ См.: Манандян Я. А. Указ, соч., с. 112.
- ⁹⁴ См.: Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М. - Л., 1959, с. 88.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Plut., Luc., XXVII.
- ⁹⁷ Sallust., Ex historis, VI, 69.
- ⁹⁸ См.: Моммзен. Указ, соч., с. 53. См. также: Манандян. Указ, соч., с. 112, сл.
- ⁹⁹ Моммзен. Указ, соч., с. 62.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 60.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Там же, с. 61.
- ¹⁰³ См.: App., Mithr. 87; Dio. XXXVI, I, 1 - 2; 3, 1; Sallust., IV, 20.
- ¹⁰⁴ См.: Мо., XXXVI, 2 - 3; См. также: Моммзен. Указ, соч., с. 61.
- ¹⁰⁵ Plut., Luc., XXX.
- ¹⁰⁶ Манандян. Указ, соч., с. 155.

-
- ¹⁰⁷ Там же, с. 150, сл.
¹⁰⁸ Там же, с. 161, сл.
¹⁰⁹ Dio., XXXVI, 14, 2, См. также: Манандян. Указ, соч., с. 65.
¹¹⁰ Манандян. Указ, соч., с. 167 - 168.
¹¹¹ Там же, с. 161, сл.
¹¹² Это - точка зрения многих армянских авторов.
¹¹³ Sis., De impreg. Rompr., IX, 29.
¹¹⁴ Моммзен. Указ, соч., с. 61 - 62.
¹¹⁵ В частности, Я. А. Манандяна.
¹¹⁶ Манандян. Указ, соч., с. 171, сл.
¹¹⁷ Манасерян. Указ, соч., с. 139.
¹¹⁸ Моммзен. Указ, соч., с. 105.
¹¹⁹ Там же, с. 106.
¹²⁰ Там же.
¹²¹ Манандян. Указ, соч., с. 194.
¹²² Там же.
¹²³ История древнего мира, с. 416.
¹²⁴ Моммзен. Указ, соч., с. 106.
¹²⁵ Манандян. Указ, соч., с. 211.
¹²⁶ Моммзен. Указ, соч., с. 121.
¹²⁷ Там же.
¹²⁸ См. ВДИ, 1947, 4, с. 173.
¹²⁹ Бокщанин. Указ, соч., II, с. 40.
¹³⁰ Там же, с. 44.
¹³¹ Там же.
¹³² Фрай Р. Указ, соч., с. 254.
¹³³ О Каррах существует значительная литература, см.: Бокщанин. Указ, соч., с. 53; он же. Битва при Каррах. - ВДИ, 1949, 4, с. 41, сл. Debevoise N. A Political History., p. 78.
¹³⁴ Бокщанин. Указ, соч.,
¹³⁵ Там же, с. 57 - 58.
¹³⁶ Там же, с. 66.
¹³⁷ Там же, с. 59.
¹³⁸ Plut., Crass., XXIV.
¹³⁹ Gutschmid A. Указ, соч., с. 96.
¹⁴⁰ История Ирана, с. 95.
¹⁴¹ Дьяконов М. М. Указ, соч., с. 215.
¹⁴² См.: Gutschmid A. Указ, соч., с. 97; сл.; Tarn W. W. Antony's Legions. Classical Quarterly, XXVI, 1932; Бокщанин. Указ, соч., с. 108, сл.
¹⁴³ Дьяконов, указ, соч., с. 215; Бокщанин. Указ, соч., с. 99.
¹⁴⁴ Just., XLII, 4, 10.
¹⁴⁵ Моммзен. Указ, соч., с. 328; Бокщанин. Указ, соч., с. 1, 102.
¹⁴⁶ Моммзен. Указ, соч., с. 328.
¹⁴⁷ Plut., Ant., XXXIV.
¹⁴⁸ Tarn. Указ, соч., где даны подробные ссылки на источники. См. также: Бокщанин. Указ, соч., с. 109.
¹⁴⁹ См.: Tarn. Указ. соч.
¹⁵⁰ См.: Ковалев С. П., Штраерман Е. И. Очерки истории древнего Рима. М 1956, с. 203.
¹⁵¹ См.: Моммзен. Указ, соч., с. 329.
¹⁵² Бокщанин. Указ, соч., с. 107.
¹⁵³ Моммзен. Указ, соч., с. 329.
¹⁵⁴ Там же, см. также: Wiegand A. Cleopatre sa vie et son temps. Paris, 1952, p. 195 сл.; Plut., Ant, XXV.
¹⁵⁵ Моммзен. Указ, соч., с. 323.
¹⁵⁶ Там же, с. 330.
¹⁵⁷ Там же.
¹⁵⁸ Бокщанин. Указ соч., с. 108.
¹⁵⁹ Там же, с. 116.
¹⁶⁰ Ср.: Моммзен. Указ, соч., с. 331
¹⁶¹ Там же.
¹⁶² См. Just., XLII, 5, 1; Plut., Ant., XXXIII; Dio., XLII, 23; Бокщанин. Указ, соч., с. 103.
¹⁶³ Dio., XLIX, 25; Бокщанин. Указ, соч., с. 108.
¹⁶⁴ Там же.
¹⁶⁵ Бокщанин. Указ, соч., с. 109.
¹⁶⁶ Plut., Ant, L.

- ¹⁶⁷ Дьяконов. Указ, соч., с. 216; Бокшанин. Указ, соч., с. 111.
¹⁶⁸ Plut., Ant, XXXVIII.
¹⁶⁹ См. Моммзен. Указ, соч., с. 331.
¹⁷⁰ См. там же, с. 334.
¹⁷¹ The Cambridge History of Iran, 3, 1, p. 58.
¹⁷² Моммзен. Указ, соч., с. 332.
¹⁷³ Бокшанин. Указ, соч., с. 110
¹⁷⁴ Там же.
¹⁷⁵ Dio.
¹⁷⁶ Ср.: Тревер К. В. Указ, соч., с. 113.
¹⁷⁷ Моммзен. Указ, соч., с. 332.
¹⁷⁸ Там же, с. 331 - 332; Дьяконов. Указ, соч., с. 216.
¹⁷⁹ Plut., Ant., XXXVIII.
¹⁸⁰ Там же.
¹⁸¹ Там же, XXXVIII.
¹⁸² См.: The Cambridge History..., p. 58.
¹⁸³ Minorsky V. Roman and Bysantine Campaigns in Atropatene. BSOAS, XI, 1946 - 1947; он же. Iranica. Twenty articles. L./T., 1964, p. 104, сл.; Schippmann K. Die iranische Feuerheiligtümer. B. - N. Y. 1971, s. 340 - 347; Kleiss W. Qal'eh Zohak in Azerbaidjan, p. 186; Frye R. The History of Ancient Iran. Munchen, 1983, p. 163.
¹⁸⁴ The Cambridge History of Iran, p. 58. См. также: Fabricius A. Theophanes von Mitylene und Q. Dellins, als Quellen der Geographic des Strabons. Strassburg, 1888.
¹⁸⁵ Kleiss W. Qal'eh Zohak in Azerbaidjan, p. 105.
¹⁸⁶ Еще со времен H. Rawlinson'a, см. его Memoires on the site of the Atropatenian Ecbatana. JRGS, 10, 1841, p. 113, сл.
¹⁸⁷ См.: Minorsky W. Roman and Byzantine Campaigns..., p. 261, сл.; он же. Iranica, p. 104, сл.
¹⁸⁸ Minorsky W. Iranica, p. 105; Kleiss. Qal'eh Zohak..., p. 186.
¹⁸⁹ Там же.
¹⁹⁰ Моммзен. Указ, соч., с. 332; Бокшанин. Указ, соч., с. 114.
¹⁹¹ Plut., Ant., XXXVIII.
¹⁹² Dio. XLIX, 25.
¹⁹³ Plut., Ant., XXXVIII.
¹⁹⁴ Бокшанин. Указ, соч., с. 111.
¹⁹⁵ Plut., Ant., XXXVIII.
¹⁹⁶ Dio, XLIX, 25.
¹⁹⁷ Plut., Ant, XXXVIII.
¹⁹⁸ Dio, XLIX, 25.
¹⁹⁹ Там же; Plut., Ant, XXXIX.
²⁰⁰ Моммзен. Указ, соч., с. 333.
²⁰¹ Plut., Ant, XXXIX; Dio, XLIX, 26.
²⁰² Plut., Ant, XXXIX.
²⁰³ Dio, XLIX, 26.
²⁰⁴ Plut., Ant, XXXIX.
²⁰⁵ Там же.
²⁰⁶ Там же.
²⁰⁷ Там же.
²⁰⁸ Там же.
²⁰⁹ Там же.
²¹⁰ Моммзен. Указ, соч, с. 333.
²¹¹ Plut., Ant, XL.
²¹² Там же.
²¹³ Dio, X, IX, 27. См. также: САН, X, с. 72 - 73.
²¹⁴ Моммзен. Указ, соч, с. 333
²¹⁵ The Cambridge History., p. 60.
²¹⁶ Моммзен. Указ, соч, с. 333.
²¹⁷ Plut., Ant.
²¹⁸ The Cambridge History., p. 64.
²¹⁹ Plut., Ant, XLIX.
²²⁰ Там же, XLVI.
²²¹ Там же. L.
²²² Бокшанин. Указ, соч, с. 115.
²²³ Там же.
²²⁴ Там же, с. 116.
²²⁵ Там же, с. 117.

- ²²⁶ Дьяконов. Указ, соч, с. 217.
- ²²⁷ См.: Бокифнин. Указ, соч, с. 118. Grosso F. La Media Atropatene e la politica di Augusto. *Atheneum*, N. S, III - IV, 1957, p. 241.
- ²²⁸ *Plut., Ant*, LII.
- ²²⁹ *Dio*, XLIX, 33; *Plut., Ant*, LII.
- ²³⁰ *Plut., Ant*, LII.
- ²³¹ Там же.
- ²³² Там же.
- ²³³ Бокщанин. Указ, соч, с. 119.
- ²³⁴ Grosso. Указ, соч, с. 241.
- ²³⁵ Там же.
- ²³⁶ Моммзен. Указ соч, с. 335 - 336.
- ²³⁷ Там же, с. 335.
- ²³⁸ *Plut., Ant*, LIV.
- ²³⁹ *Dio.*, XLIX, 43.
- ²⁴⁰ Там же, X, IX, 43.
- ²⁴¹ *Dio*, XLIX, 44
- ²⁴² См.: Gross. Указ, соч, с. 242. Там же ссылки на литературу мне недоступную.
- ²⁴³ *Plut., Ant*, LXI.
- ²⁴⁴ См.: Grosso. Указ, соч.
- ²⁴⁵ *Dio.*, LI, 5.
- ²⁴⁶ Там же, LIV, 9.
- ²⁴⁷ *Тас.*, *Ann*, II, 4.
- ²⁴⁸ См.: Grosso. Указ, соч.
- ²⁴⁹ Там же.
- ²⁵⁰ Страбон.
- ²⁵¹ См.: Эммин И. О. Статьи и исследования, с. 126, сл.
- ²⁵² См.: Моисей Хоренский, II, 30.
- ²⁵³ См. мою «Мидию», с. 255.
- ²⁵⁴ Моисей Хоренский, II, 8, 44.
- ²⁵⁵ *Тас.*, *Ann.*, XV, 2
- ²⁵⁶ См.: R. Kent. *Old Persian*. New Haven, 1953; R. Schmitt. *Medischer und Persischer Sprachgut bei Herodot*, *ZDMG*, 117, 1967; M., Mayrhofer. *Die Rekonstruktion des Medischen*, *Anzieger der Phil-Hist. Klasse d. Osterreichischen Akademie der Wissensc haften*. Wien, I, 1968.
- ²⁵⁷ Периханян А. Г. Арамейская надпись из Зантезура. - *ИФЖ*, 1965, 4, с. 109.
- ²⁵⁸ Grosso. Указ. соч.
- ²⁵⁹ Там же.
- ²⁶⁰ Там же.
- ²⁶¹ *Тас. Ann*, II, 4.
- ²⁶² Моммзен. Указ, соч., с. 339; Бокщанин. Указ, соч., с. 163.
- ²⁶³ *Тас, Ann.*, II, 4.
- ²⁶⁴ Grosso. Указ, соч., с. 251.
- ²⁶⁵ *Тас, Ann*, II, 4.
- ²⁶⁶ *Res gestae aivi Augusti* издавались Моммзеном и др.
- ²⁶⁷ *Res gestae.*, 27, 2.
- ²⁶⁸ Grosso. Указ, соч., с. 252; Со ссылкой на Тацита и *Res gestae*...
- ²⁶⁹ Grosso. Указ. соч.
- ²⁷⁰ *Dio*, LV, 10 а, 5.
- ²⁷¹ См. у Grosso. Указ, соч., с. 253.
- ²⁷² Grosso. Указ, соч., с. 252.
- ²⁷³ Там же, с. 254.
- ²⁷⁴ Там же.
- ²⁷⁵ Там же, с. 245.
- ²⁷⁶ Там же, с. 246.
- ²⁷⁷ См. выше.
- ²⁷⁸ См. у Grosso. Указ, соч., с. 245.
- ²⁷⁹ Там же, с. 255.
- ²⁸⁰ Там же, с. 247.
- ²⁸¹ Там же, с. 255.
- ²⁸² Там же, с. 254.
- ²⁸³ *Dio*, LV, 10 а, 7.
- ²⁸⁴ *Тас, Ann*, II, 4.

- ²⁸⁵ Dio, LV, 10, 5.
²⁸⁶ См. у Grosso. Указ, соч., с. 255.
²⁸⁷ См. там же. На той же стр. указана литература.
²⁸⁸ Grosso. Указ соч., с. 254.
²⁸⁹ Бокщанин. Указ, соч., с. 170.
²⁹⁰ См.: Kahrstedt U. Указ, соч., с. 18.
²⁹¹ См. у Grosso. Указ, соч., с. 255. Там же ссылки.

ГЛАВА 6

- ¹ Еще со времени Г. Роулинсона. См.: Rawlinson H. Memories on the site of the Atropatenian Ecbatana. - JRGS, 1841, 10, p. 113. сл.
² Отчеты о раскопках публиковались в *Archeol. Anzeiger* (AA, 1961, № 1; 1962, № 4; 1964, № 1; 1965, № 4; 1975, № 1); AMI, N. F, Bd, 1977, 10, с. 211, сл. См. особо: R. und E. Haumann. *Takht-i Suleiman*. Munchen, 1976.
³ См. напр. Schippmann K. *Die iranische Feuerheiligtümer*. B. - N. Y, 1971, s. 340; Kleiss W. *Qal'eh Zohak in Azerbaijan*. - AMI, N. F, 1973, 6. s. 183; Frye R. N. *The History of Ancient Iran*. Munchen, 1983, p. 163; *The Cambridge History of Iran*, 3,1,1963, p. 63 - 64.
⁴ Эта точка зрения В. Ф. Минорского, см: Minorsky V. *Roman and Byzantine Campaigns in Atropatene*. - BSOAS, XI, 1943 - 46, p. 261 - 263.
⁵ См. подробно: Schippmann K. *Die Iranische*, s. 342.
⁶ Там же, с. 341 - 342.
⁷ См. наши Minorsky. *Iranica. Twenty articles*. L./T, 1964, p. 104, сл.; Schippmann K. Указ, соч, с. 341 - 342.
⁸ Последвие работы: Schippmann K. Указ, соч, с. 346 - 347; Kleiss W. Указ, соч, с. 186; *The Cambridge History of Iran*. IV, с. 762; Frye K. N. Указ, соч, с. 163.
⁹ RE, L 1, с. 731 - 733; Kleiss W. Указ, соч, с. 183.
¹⁰ Впервые было предложено В. Ф. Минорским, см. его указ, соч, BSOAS, с. 262; он же. *Iranica*, с. 105, прим. 1.
¹¹ Об этом см: Schippmann K. Указ, соч, с. 370 - 374; Kleiss W. Указ, соч, с. 164.
¹² Отчеты о работах экспедиции см.: Kleiss W. *Bericht...* - AMI, N. F. 5, Berlin, 1972: он же. *Qal'eh Zohak...*
¹³ Конечно, вкпе с историко-географическими студиями В. Минорского.
¹⁴ См.: Иессей А. А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. - МИА, № 125 (Труды Азербайджанской археологической экспедиции, т. 1, 1956 - 1960 гг). М. - Л, 1965, с. 33 - 34; Щерблякин И. П. Части старых колонн, найденные в районе Орен-Кала и Нахичеванской АССР. - ДАН Азерб. ССР, 1946, №6.
¹⁵ См.: Kleiss W. *Qal'eh*, s. 105.
¹⁶ Minorsky V.. *Iranica*, p. 105.
¹⁷ Kleiss W. *Qal'eh*, s. 186.
¹⁸ Там же, с. 187.
¹⁹ Kleiss W. *Bericht über zwei Erkundungs Fahrten in Wordwest Iran*. AMI, N. F, Bd. 2, Berlin, 1969, s. 29 - 31.
²⁰ В Кале Новдуз применялась комбинированная кладка: ядро стены из сырцового кирпича было обложено панцирем из бутового камня с деревянными скреплениями. См.: Kleiss W. *Bericht über Zwei-* s. 30.
²¹ К сожалению, схематические планы этих крепостей, приведенные у В. Кляйса, даны без масштаба, поэтому об их размерах судить трудно.
²² См. Kleiss W. *Qal'eh*, s. 178. К сожалению, никаких подробностей не сообщается.
²³ Besenval R. *Technologic de la voflte dans l'Orient ancien*. Paris, 1984, p. 161, табл. L
²⁴ Там же, с. 137.
²⁵ C. Hallier U. W. *Neh-eine parthische Stadt in Ostpersien*. AMI, N. F, Bd. 7, Berlin, 1974, s. 180 - 181.
²⁶ Подробно о функциональной принадлежности этого комплекса см. Н. von Gall. *Die Kultraume in der Felsen Karafu bei Takab (West-Azerbaidjan)* AMI, II, 1978, с. 91 - 122 (с указанием литературы). См. также: Тамбов В. А. О некоторых проблемах культа Геракла на эллинистическом Востоке (скальный комплекс Керифто в Иране): Второй Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке: Тезисы докладов. Ереван, 1987, с. 14 - 15.
²⁷ См. Kleiss W. *Qal'eh*, с. 168.
²⁸ Там же, с. 176.
²⁹ К. Шиппманн (*Die Iranisch*, с. 374) предлагает называть эту конструкцию, по аналогии с чахартаком, сетакком. Он также не считает возможным говорить здесь о культовом сооружении, с. 376.
³⁰ Kleiss W. Указ, соч, с. 176.
³¹ Об орнаментике павильона подробно см.: Kleiss W. *Qal'eh*, s. 171, сл.
³² См. там же, с. 173.
³³ Там же, с. 175.
³⁴ Памятник известен с начала XIX в. Наиболее значительные публикации: R. Ker Porter. *Travels in Georgia, Persia, Armenia and Ancient Babylonia*, II, London, 1822; Stein A. *Old Routes of Western Iran*. London, 1940; Н. von Gall. Указ,

- соч.; Bernard P. Heracles les grottes de Karafto et de sanchaire du Mint Sambulos en Iran. *Studia Iranica*, 9, 2, 1980, p. 361 - 324.
- ³⁵ Детальное описание архитектуры Керефто, см.: Н. von Gall. *Die Kultraume...*
- ³⁶ На это указывает, в частности, наличие михраба в стене одного из них и плоские (в отличие от других) потолки в этих комнатах.
- ³⁷ См. упомянутые выше работы Н. von Gall'a, Bernard'a, В. А. Гаибова и др.
- ³⁸ См.: Н. von Gall. Указ, соч.; Stein A. Указ. соч.
- ³⁹ См.: Bernard P. Heracles...
- ⁴⁰ См.: Тамбов В. А. Указ. соч.
- ⁴¹ Н. von Gall. Указ. соч., с. 92 - 93.
- ⁴² Там же, с. 93.
- ⁴³ См.: Тревер К. В. Очерки по истории культуры древней Армении. М. - Л., 1953, с. 160, сл.
- ⁴⁴ См.: Bernard P. Указ. соч., с. 322.
- ⁴⁵ Lahiri A. N. *Indo-Greek Coins*. Kalkutta, 1965; Sellwood. *An Introduction of the Coinage of Parthia*. London, 1971; Пугаченкова Г. А. Геракл в Бактрии. - ВДИ, 1977, 2. Ghirschman. *Terrases sacrees de Bard-e - Necbandeh et Masjid-i Soleiman*. Paris, 1976; он же. *Begram*. Le Caire, 1946; Mc Dowell. *The Excavations of Seleucia*. *Papers of Michigan Acad. of Sain. Arts and Lett*, 18, 1932 и др.
- ⁴⁶ См. Н. von Gall. Указ. соч.; Кошеленка Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979, с. 130 - 131; Тамбов В. А. Указ. соч.
- ⁴⁷ См.: Kleiss W. Bericht... im Jahre 1971. - AMI, N. F, 1972, 5, В., s. 160, рис. 32, № 3, 4, 6.
- ⁴⁸ В. Кляйс, в отличие от других исследователей, считает остатки сооружения в Хурре не храмом селевкидского времени, а парфянским дворцом. См.: Kleiss W. Bericht., s. 160.
- ⁴⁹ Kleiss W. *Urartaische Plitze in Iranisch-Azarbaidjan*. *Istanbuler Mitteilungen*, 18, Tubingen, 1968, s. 21; он же. Bericht, XVI, I; он же. Qal'eh., s. 174.
- ⁵⁰ Kleiss W. Qal'eh., s. 177 - 178, рис. 14.
- ⁵¹ Kleiss W. Bericht, AMI, N. F, 1969, 2, рис. 28.
- ⁵² См.: Щеблыкин И. П. Части старых колонн.; А. А. Иессеи. Из исторического прошлого..., с. 33.
- ⁵³ См.: Kleiss W. Qal'eh., s. 176 - 182.
- ⁵⁴ Там же, с. 182.
- ⁵⁵ См.: Haerinck E. Contribution a l'etude la ceramique d'epoque Parthe en Iran. - AMI, *Erganzungsband*. 1979, 6. с. 286 - 293.
- ⁵⁶ См. напр.: Kleiss W. Zur Topographie des "Partherhanges" in Bisutun. - AMI, N. F, 1970, 3, s. 164 - 166; он же. Qal'eh., s. 169.
- ⁵⁷ Haerinck E. Указ, соч, с. 289.
- ⁵⁸ См. Kleiss W. Qal'eh., s. 184, рис. 22; он же. Bericht... - AMI, N. F. 1969, 2, s. 31.
- ⁵⁹ См.: Haerinck E. Указ, соч, с. 289 - 290.
- ⁶⁰ Kleiss W. Qal'eh., s. 182, рис. 23 на с. 185.
- ⁶¹ Haerinck. Указ, соч, с. 290.
- ⁶² См. напр.: Алекперов А. К. Кувшинные погребен» в Азербайджанской ССР, с. 30 - 36; он же. Культура кувшинных погребений Азербайджана, с. 37 - 44. - В кн.: Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку, 1960.
- ⁶³ Османов Ф. Л., Ахвердиев А. Ш. Разведки в Агджабединском районе. - АО 1974 М, 1975, с. 474.
- ⁶⁴ См. напр.: Алиев В. Г. Кувшинные погребения античного периода в г. Нахичевани. - Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права, 1976, № 1, с. 73 - 84; Османов Ф. Л., Ахвердиев А. Ш. Разведки...
- ⁶⁵ Алиев В. Г. Кувшинные погребения-, с. 74; Османов Ф. Л., Ахвердиев А. Ш., Разведки...
- ⁶⁶ Османов Ф. Л., Ахвердиев А. Ш. Разведки...
- ⁶⁷ Пассек Т. С. Джафарханский могильник. - ВДИ, 1946, № 2, с. 185.
- ⁶⁸ Алиев В. Г. Кувшинные погребения., с. 83.
- ⁶⁹ Османов Ф. Л., Ахвердиев А. Ш. Разведки..., с. 474.
- ⁷⁰ *An Inventory of Greek Coin Hoards* ed. by M. Thompson, O. Morkholm, C. M. Kraay, N. - Y., 1973, p. 257, № 1800. См. также: Фасмер. Список монетных находок, II. Сообщения Гос. Академии истории материальной культуры. 2, Л., 1929.
- ⁷¹ См.: Haerinck E. *La ceramique en Iran pendant la periode Parthe*. Typologie, Chronologie et Distribution. Gent, 1983, p. 125.
- ⁷² Simonetta A. Some Remarks in the Arsakid Coinage of 90 - 57 B. C. *Numismatic Chronicle*, 1966, p. 28; *An Inventory...*, N. 1836.
- ⁷³ Голенко К. В., Раджабли А. М. Али-Байрамлинский клад и некоторые вопросы обращения парфянских монет в Закавказье. - ВДИ, 1975, № 2.
- ⁷⁴ Иессен А. А. Из исторического прошлого..., с. 33.

- ¹ См.: Boyce M. *Zoroastrians. Their Religious Beliefs and Practices*. London, 1979, p. 226. См. также: Дорошенко Е. А. *Зороастрийцы в Иране*. М., 1982, с. 3.
- ² Алиев Играр. *История Мидии*. Баку, 1960, с. 15, 16; Брагинский И. С. Из истории таджикской и персидской литературы. М., 1972, с. 83, сл.
- ³ Hoffman K. *Zum Zeicheninventar der Avesta-Schrift. Festgabe deutscher Iranisten zur 2500 Jahrfeier Irans*. Stuttgart, 1971, s. 64, сл.
- ⁴ Дьяконов И. М., Лившиц В. А. Новые находки документов в старой Нисе. *Переднеазиатский сборник*, II. М., 1966, с. 153, сл.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Bailey H. W. (*Zoroastrians Problems in the ninth-century books*. Oxford, 1943, p. 172) считает, что даже в сасанидское время Авеста более была известна в устной, чем в письменной форме.
- ⁷ См. Брагинский И. С. Указ, соч., с. 81, сл.
- ⁸ См.: Алиев Играр. Указ соч., с. 15, прим. 4.
- ⁹ Duchesne-Guillemin J. *La fixation de l'Avesta*, p. 62, сл.
- ¹⁰ См.: Тураев Б. А. *История Древнего Востока*, II, 1935, с. 148.
- ¹¹ Это утверждается в Денкарте.
- ¹² См. указание работы Алиева Играра и И. С. Брагинского.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См.: Брагинский И. С. Указ, соч., с. 84.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ West E. W. *Pahlavi Texts*. Oxford, 1882.
- ¹⁸ Пехлевийская литература довольно значительна.
- ¹⁹ Anquetil du Perrone. *Zend-Avesta, ouvrage de Zoroastre*., P., 1771.
- ²⁰ См.: Брагинский И. С. Указ, соч., с. 89.
- ²¹ Benveniste E. *Que signifie Videvat?* Henning Memorial volume. London, 1970.
- ²² См.: Christensen A. *Le premier chapitre du Vendidad*., Kobenhavn, 1943; Gershevitch I. *Zoroaster's Own Contribution*. JNES, XXIII, 1964, p. 55, сл.
- ²³ Так думают многие исследователи.
- ²⁴ Это можно утверждать, по крайней мере, в отношении II фаргарда Видевдата, где сохранился миф о Йиме.
- ²⁵ О Видевдате см.: Christensen A. Указ, соч.; Benveniste E. Указ, соч.; Eddy S. K. *The Kings in Dead*. Lincoln, 1981.
- ²⁶ Nyberg H. S. *Die Religionen des Alien Iran*, s. 322, сл.; Eddy S. K. Указ. соч.
- ²⁷ Фрай Р. *Наследие Ирана*, с. 55.
- ²⁸ Kuiper F. B. *Ahura Mazda "Lord Wisdome?"* III, 18, 1, 1976, с. 25, сл.
- ²⁹ См. выше.
- ³⁰ См. Gershevitch I. *Zoroaster's Own Contribution*.
- ³¹ Такова точка зрения И. Гершевича, изложенная в работе, названной в предшествующем примечании.
- ³² См. хотя бы Cornoy A. *La religion de l'Iran. Histoire des religions*, 2. Paris, 1954, p. 219, сл. Это признает и Gershevitch.
- ³³ См.: Boyce M. *Zoroastrians*.. См. также ее *A History of Zoroastrianism*, I. Leiden-Koln, 1975.
- ³⁴ Gershevitch считает Младшую Авесту поздним извращением учения Зороастра.
- ³⁵ См.: Meillet A. *Trois conférences sur les Gathas de l'Avesta*. Paris, 1926, p. 29; Pisani V. *Lingue e culture*. Brescia, 1969, s. 247.
- ³⁶ По этим вопросам существует огромная, почти необозримая литература.
- ³⁷ См.: Nyberg H. S. *Religionen des alten Iran*, passim; Lommel H. *Der medische Name Mazdaka*, s. 140, сл.; Widengren G. *Die Religionen Irans*, Stuttgart, 1965, s. 111.
- ³⁸ Ср.: Бартольд В. В. *Сочинения*, VII, М., 1971, с. 439; «Авеста уже не может рассматриваться как памятник определенной местности и определенной эпохи».
- ³⁹ См.: Boyce M. *Zoroastrians*.
- ⁴⁰ См.: Boyce M. *A History of Zoroastrianism*.
- ⁴¹ Эта точка зрения имеет очень многих сторонников.
- ⁴² В основном в поздней зороастрийской тридигии.
- ⁴³ См.: Geiger W. *Ostiranische Kulturim Altertum*.
- ⁴⁴ См.: Бартольд В. В. Указ. соч.
- ⁴⁵ В частности, Tedesco P, Meillet и др.
- ⁴⁶ Так считал Nyberg H. S. и др.
- ⁴⁷ Такова точка зрения одного из крупнейших иранистов W. B. Henning'a.
- ⁴⁸ См.: Herzfeld E. *Zoroaster and his World*, I. Princeton. 1947, p. 257; Frye R. *Georges Dumezil and the translations of the Avesta*. *Numen*, VII, 2 - 3, 1960, p. 170; Макаев Э. А. *Общая теория сравнительного языкознания*. М., 1977, с. 60.
- ⁴⁹ См. хотя бы Thime P. *Vorzarathustrisches bei den Zarathustriern und bei Zarathustra*. *ZDMG*, 107, 1, 1957, s. 95.

-
- ⁵⁰ Об этом прямо сказано в Гатах. См. также: Piggiaro. *La civiltà della Persia e la riforma religiosa di Zaratustra*. Pisa, 1956; Benveniste E. *Que signifie videvdat?* Kramers. *Analecta Orientalia*, 1, 1954, s. 48.
- ⁵¹ Pisani V. *Lingue e culture*, s. 247.
- ⁵² Chattopadhyaya. *The Religious Reform of Zaratustra*. Труды 25-го Международного конгресса востоковедов, II. М., 1963, с. 197, сл.
- ⁵³ См. рецензию Duchesne-Guillemin'a J. *Revue de l'histoire des religions*, 169, I, 1966, p. 70..
- ⁵⁴ См.: Benveniste E. *The Persian Religion according to the Chief Greek Texts*. Paris, 1929, p. 11
- ⁵⁵ Ср.: Bucci O. *Caste e classi sociali nell'antico dritti iranico*. Roma, 1972, с. 3, сл. Хотя следует отметить, что расслоение культа по социальному признаку наметилось уже давно, еще в доиранскую эпоху, см. Hertel J. *Die avestischen Herrschaft und Siegesfeuer*. Leipzig, 1931, s. 177. Следует указать также, что богослужebная Авеста была запретна для мирян.
- ⁵⁶ См.: Benveniste E. Указ, соч.; Eliade M. *Histoire des croyances et des idées religieuses*, I, Paris, 1976, p. 330; Duchesne-Guillemin J. *Zoroastre*. Paris, 1948, p. 115; Mole M. *Daena, le pont cuivat et Pinitiation dans le mazdaïsme*. *Revue de l'histoire des religions*, CLVII, 2, 1960, p. 155, сл.
- ⁵⁷ См.: Брагинский И. С. Указ, соч., с. 88.
- ⁵⁸ См. выше.
- ⁵⁹ История Ирана. М., 1977, с. 40.
- ⁶⁰ Брагинский И. С. Указ, соч., с. 105.
- ⁶¹ Гаты, 44, 5. См.: Horsch P. *Vom Schöpfungsmythos zum Weltgesetz*. *Asiatische Studien*, 21, 1967, s. 34.
- ⁶² Бойс Мэри. *Зороастрийцы. Верования и обряды*. М., 1987, с. 6.
- ⁶³ Грантовский Э. А. Послесловие к книге М. Бойс «Зороастрийцы». М., 1987, с. 281.